ISSN 2218-1393

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Российской академии наук

ЛИНГВИСТИКА И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Журнал

Электронное научное издание

Выходит два раза в год

№ 2 (15)

Москва 2021

ISSN 2218-1393

INSTITUTE OF LINGUISTICS

Russian Academy of Sciences

LINGUISTICS AND LANGUAGE TEACHING

Electronic Journal

Published biannually

No. 2 (15)

Moscow 2021

DOI: 10.37892/2218-1393

Издается с 2009 года

Редакционная коллегия

О. А. Гулыга, отв. секретарь (Институт языкознания РАН)

В. З. Демьянков (Институт языкознания РАН)

П. С. Дронов (Институт языкознания РАН)

А. В. Дыбо (Институт языкознания РАН)

Е. Р. Иоанесян, главный редактор (Институт языкознания РАН)

Д. Б. Никуличева (Институт языкознания РАН)

Н. М. Разинкина (Институт языкознания РАН)

Н. К. Рябцева (Институт языкознания РАН)

К. Я. Сигал (Институт языкознания РАН)

И. И. Челышева (Институт языкознания РАН)

K. Hengst (Universität Leipzig)

R. Libertini (Katolícka univerzita v Ružomberku)

W. Mieder (University of Vermont)

Учредитель: Институт Языкознания РАН.

Дата публикации: 30.09.2021.

Телефон редакции: +7 (495) 690-35-85.

Email: lingimetod@iling-ran.ru.

In memoriam

DOI: 10.37892/2218-1393-2021-15-2-4-6

Александр Николаевич Барулин (1944—2021)

Александр Николаевич родился в семье фронтовика, капитана первого ранга, и в начале решил пойти по пути отца: закончив Нахимовское училище, он поступил в Военно-морскую академию им. Н.Г. Кузнецова. Но из-за проблем со зрением обучение в ней пришлось оставить. С детства увлекавшийся математикой и языками Александр Николаевич поступил на Отделение структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ. Там он зарекомендовал себя не только блестящим студентом, но и прекрасным организатором, став председателем Научного студенческого общества при отделении структурной и прикладной лингвистики. После окончания МГУ он несколько лет был научным сотрудником кафедры, затем поступил в аспирантуру Института востоковедения АН СССР. Диссертацию ему удалось защитить не сразу: руководителем одной из его тем был И.А. Мельчук, который в конце 70-х гг. стал считаться неблагонадёжным, был уволен из Института языкознания и уехал в эмиграцию. От Александра Николаевича потребовали убрать все ссылки на него, что обесценивало весь текст. Александр Николаевич не мог пойти на предательство учителя. В итоге он защитил через несколько лет новую диссертацию, посвящённую тюркской морфологии. Исследование

Александра Николаевича получило признание у коллег; вместе с крупнейшим тюркологом академиком А.Н. Кононовым он составил сборник в серии «Новое в зарубежной лингвистике» (вып. 18): «Новое в зарубежной тюркологии» (М.: Прогресс, 1985). Работая в Институте востоковедения, А.Н. Барулин принимал участие в организации экспедиций, в частности, на о. Сахалин. Исследователи рассчитывали найти там носителей айнского языка. Это не удалось, и языковеды записали образцы текстов на нивхском языке.

В 1988 г. известный историк и политический деятель Ю.Н. Афанасьев стал ректором Историко-архивного института. Он позвал Александра Николаевича руководить кафедрой русского языка и литературы. Новый заведующий преобразовал её в кафедру русского языка, литературы и структурной лингвистики. Важным мероприятием была организация олимпиад для школьников, которые когда-то проводились в МГУ, но к этому времени прекратились. В 1991 г., когда Историко-архивный институт был преобразован в Российский государственный гуманитарный университет, Александр Николаевич сначала создал на факультете информатики отделение лингвистики, затем — факультет теоретической и прикладной лингвистики, став его деканом и заведующим кафедрой теоретического языкознания. К преподаванию он привлёк крупнейших языковедов (Е.А. Хелимского, С.А. Старостина, М.А. Кронгауза и многих других), так что ФТиПЛ быстро стал одним из самых авторитетных учебных заведений в Москве. Но в 2000 году из-за конфликта с администрацией Александр Николаевич был уволен со службы. Он стал преподавать на кафедре общего и сравнительного языкознания МГУ. Затем из-за разногласий с новым заведующим кафедрой ушёл, стал научным сотрудником компании ABBYY. С 2009 г. он сотрудничал с Сектором общей компаративистики Института языкознания, с 2012 г. был штатным сотрудником, организовал семинар по изучению происхождения языка.

Как учёный Александр Николаевич отличался удивительной универсальностью: у него есть исследования по фонетике, морфологии, синтаксису, русскому языку, тюркским языкам и ивриту. В течении многих лет он читал большой курс «Основы семиоти-

ки», опубликовал на его основании 2 тома (планировал ещё четыре). В первом томе Александр Николаевич высказал свои взгляды на проблему глоттогенеза, сформулировал его основной вопрос: решить проблему происхождения языка — понять, как закрытая семиотическая система животных преобразовалась в открытую знаковую систему человека.

Александр Николаевич интересовался не только языкознанием; несколько его публикаций посвящены поэтике Жуковского и «Горя от ума». У него было много творческих планов, которым не суждено сбыться.

К.Г. Красухин, д. филол. н.,

заведующий сектором компаративистики

(Институт языкознания Российской академии наук)

Проблемы описания языка

Language Description

DOI: 10.37892/2218-1393-2021-15-2-7-50

Концептуальная метафора, эмоции и оценки, эталоны и стереотипы в русских и английских пословицах о правде и лжи

О.Б. Абакумова (Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева)

Аннотация

В статье рассматриваются русские и английские пословицы о правде и лжи. Основное внимание уделяется концептуальной метафоре, а также выражению эмоций и оценок в семантике и прагматике паремий, выявлению эталонов и символов лингвокультуры. К уже известным типам концептуальной метафоры (ориентационной, онтологической, метафоре типа «контейнер») добавляются гастрономическая, ботаническая, зооморфная, эстетическая, гендерная метафора как разновидности онтологической метафоры. Сопоставительный анализ паремий выявляет универсальные характеристики и национальную специфику описываемого объекта, представленного пословицами как в словарной форме, так и в актуализованном режиме, с использованием когнитивно-дискурсивной модели актуализации смысла пословицы в дискурсе (КДМ).

Ключевые слова

Пословицы, концептуальная метафора, эмоции и оценки, эталоны, стереотипы, сопоставительное исследование, когнитивно-дискурсивное моделирование.

I. Вводные замечания

Г.Л. Пермяков указывает на тройственную природу пословицы, выявляя в ней свойства единицы языка, логики (так как она выражает суждение) и литературного про-

изведения (поскольку это художественная миниатюра) [Пермяков 1978]. А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский трактуют пословицу как фразеологизм, имеющий структуру предложения, с семантикой всеобщности, выражающий рекомендацию (совет, нравоучение или запрет) или объясняющий обсуждаемое положение дел с точки зрения правил наивной логики. При этом рекомендательная и объяснительная сила пословиц основывается на общем знании, разделяемом всеми носителями данного языка, поэтому они культурно зависимы [Баранов, Добровольский 2010, 79]. Мы полагаем, что пословица представляет собой сложный знак гибридного типа с текстовыми характеристиками и прагматическими функциями, практическое оценочное суждение, функционирующее в речи как косвенный речевой акт чаще всего директивного типа, который используется как тактическое средство реализации коммуникативной стратегии говорящего [Абакумова 2013]. М.Л. Ковшова замечает, что «особенность знаковой функции пословиц и поговорок состоит в том, чтобы обозначать то, что болит и плачет (согласно поговорке); чтобы выражать постулаты наивной этики; потому что обращение к паремиям позволяет выявить подлинные, не плоскостные, а многомерные когнитивные схемы осмысления происходящего» [Ковшова 2019, 26].

II. Основные положения

Исследователи фольклора, относящие пословицы к текстам, считают, что их семантика складывается из темы (идеи), образа и синтаксической конструкции (структуры) (см. работы З. Каньо [Kanyo 1981], М. Кууси [Кууси 1978] и др.), но ведущим, по мнению К. Григаса [Григас 1987], является ядерный образ, связанный с метафорой. Поскольку все типы метафоризации основаны на ассоциативных связях человеческого опыта, метафора по своей природе антропометрична: она соизмеряет разные сущности, создавая новый «гештальт» из редуцированных прототипов, формируя на его основе новый гносеологический образ и синтезируя в нем признаки гетерогенных сущностей [Телия 1988а, 4]. В.Н. Телия использует термин «метафоры-высказывания», которые считает наиболее естественной формой производства смысла, поскольку именно в высказывании и осуществ-

ляется метафорическая номинация. Она включает в процесс метафоризации ряд взаимодействующих отношений: модус фиктивности (*als ob* «как если бы X тождествен Y»); модус антропоцентричности, который соотносит свойства У со стереотипами в рамках знаний человека о мире или языковой картине мира; оценочный модус, определяющий ценность X по некоторой шкале, отражающей систему оценок, принятых в данном обществе; эмотивный модус, содержанием которого является выражение чувств-отношений в диапазоне одобрения/неодобрения того, что X предстает в образе У, эстетический модус и стилистический «режим» [Телия 1988б, 46—47].

«Концептуально-метафорическая гипотеза» анализа природы связана с работами Р. Гиббса [Gibbs 1990], Дж. Лакоффа, М. Джонсона и др. (см., например, [Lakoff, Johnson 1980, Лакофф 1988] и др.) и сводится к тому, что образная мотивация идиом основывается не на конкретных визуальных представлениях, спровоцированных буквальным прочтением соответствующей идиомы, а на достаточно абстрактных способах интерпретации одних сущностей в терминах других, то есть на метафорах. Согласно модели культурной интерпретации [Ковшова 2013, 147—150], носителем языка осуществляются в свернутом виде следующие операции: «пробуждение» в памяти исходных смыслов, относящихся к далекому прошлому культуры; припоминание знаний и представлений, которые связаны с ФЕ и нужны для более точного его употребления; «соединение» образа ФЕ, или его ассоциирование, с символами, эталонами, стереотипами, мифологемами и др. А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский рекомендуют изучать фразеологизмы как, «отражающие особенности лингвоспецифической картины мира и, соответственно, особенности менталитета народа» [Баранов, Добровольский 2013, 38]. Пословицы всегда содержат модус всеобщности, который часто выражается наличием кванторных единиц. Как показало исследование Е.Р. Иоанесян [Иоанесян 2020а, 87—90], высказывания с кванторами *любой, всякий, какой-угодно* часто содержат имплицитную оценку и эксплицируют эталоны и стереотипы, существующие в языке.

По мнению Дж. Лакоффа, имеющие мифологическую основу классификаторы составляют тот базовый уровень категорий, на котором основана и продолжает основываться всевозможная мотивация, поскольку эти и другие «механизмы необходимы независимо от того, считать их языковыми или нет»; языковые категории — это категории нашей когнитивной системы» [Лакофф 1988, 47]. Исследователи метафоры выделяли пространственные, метеорологические, антропоморфные, зооморфные, ботанические, технические, социоморфные метафоры (см. [Гак 1988, 17]). Дж. Лакофф и М. Джонсон предлагают рассмотреть ряд метафор: ориентационные метафоры (с оппозициями «верх — низ», «центр — периферия», «далеко — близко» и т.п.), онтологические, метафоры типа контейнер и др. Е.Г. Беляевская полагает, что особую роль в презентации эмоций играет метафора контейнера [Беляевская 2016, 122]. Она предлагает рассмотреть несколько разновидностей одной концептуальной метафоры, связанных с антропоцентрическим фактором, — изменением позиции наблюдателя. Так, при использовании метафоры контейнера человек может концептуализироваться как вместилище эмоций (внутренний контейнер), но и эмоции можно рассмотривать как некоторый контейнер, в который погружается человек (контейнер-пространство): *на него нахлынула волна нежности*, *она погрузилась в воспоминания* и т.п. [Там же, 122—124].

Существуют разные точки зрения по поводу того, что является объектом оценки в пословицах. Наш анализ [Абакумова 2012] показал, что оцениваться в пословицах может как ситуация в целом, так и компонент референтной ситуации (человек, его поведение), который является фокусом интереса говорящего (о фокусе ИГ см. [Кибрик, Плунгян 2002; Van Valin 1993]): пословицы с занятыми актантными позициями оценивают как человека, так и положение дел в целом, и используют разные коды культуры, имеют как узкий именной, так и сентенциальный фокус интереса говорящего; пословицы с незанятыми актантными позициями имеют предикатный фокус и оценивают поведение человека с позиций культурных норм, принятых в данном социуме, и дают рекомендации о том, как нужно вести себя в типовых ситуациях; пословицы с актантами, выраженными дейк-

тическими или пропозитивными средствами, оценивают ситуации в целом через аллегорические образы абстрактных сущностей, которым приписываются свойства одушевленных предметов. В связи с пословицами мы различаем два типа оценки: культурно-обусловленную, которая проявляется в паремическом дискурсе как совокупности паремий, объединенных общей темой, и индивидуально обусловленную, связанную с коммуникативной стратегией говорящего в конкретной ситуации общения с использованием пословицы [Абакумова 2012]. Модальная рамка оценки включает субъект оценки, объект, аксиологический предикат, шкалу, стереотипы и интенсификаторы. Субъект оценки и предикат мнения могут относиться и к прагматической составляющей, и могут быть представлены имплицитно, но объект всегда входит в семантическую структуру высказывания [Вольф 1985]. Е.Р. Иоанесян убедительно показывает, что высказывания с кванторами *любой, всякий, какой-угодно* часто содержат имплицитную оценку и эксплицируют эталоны и стереотипы, существующие в языке [Иоанесян 2020а]. Анализируя образы, представленные в метафорически мотивированных пословицах, мы будем исходить из предложенной в работах [Dronov, Ioanesyan, Kovshova 2019; Ковшова 2020, 125] конструкции прототипической ситуации, где эмотивный предикат связывает субъекта, эмоцию и ее причину, то есть объект эмоции. В статье также используется предложенная автором когнитивно дискурсивная модель актуализации смысла пословицы в дискурсе [Абакумова 2013], которая дает возможность описать индивидуально обусловленную оценку ситуации или поведения человека, а также его эмоции в коммуникативном эпизоде на базе художественного текста.

III. Некоторые результаты исследования

Рассмотрим типы метафор, которые нам удалось выявить на материале пословиц о правде двух неблизкородственных языков, репрезентирующих пословичный концепт Правда. Пословичный концепт определяется нами как совокупность концептуальных признаков разного рода: онтологических, аксиологических, модальных, выраженных квалитативами, тематическими ролями, дающими характеристику объекту через семантику

предиката и второго актанта/сирконстанта [Абакумова 2008]. Референциально-ролевая грамматика, расширенная падежной категорией «квалитатив» и фреймовым анализом в рамках модели КДМ, позволила выявить и сопоставить национальные концепты-стереотипы в русской и английской языковых картинах мира в их пословичных вариантах, а также проследить разворачивание смысла пословичного высказывания в дискурсе на материале художественного, газетного, публицистического и рекламного текстов.

Было исследовано около 500 русских и более 100 английских пословиц о правде по данным словарей В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной [Мокиенко, Никитина 2011], В.И. Даля [Даль, 2007], В.И. Зимина и А.С. Спирина [Зимин, Спирин 2005], Р. Фергюссон и Дж. Лоу [The Penguin Dictionary of English Proverbs 2000], а также большое количество текстовых употреблений по данным национальных корпусов русского и английского языков и личной картотеки автора.

В данной работе нас интересуют не только метафоры, но и эмоции и оценки, которые связаны с ними в сематической структуре пословиц о правде и лжи.

Ш.1. **Ориентационные метафоры**

1.1. **Оппозиция «верх/низ»: «Правда всегда наверху»**

Truth and oil are ever above (квалитатив силы, могущества), *Truth will out, Truth will come to light* (квалитатив силы, могущества), *Though a lie be swift, truth overtakes it* (квалитатив силы, могущества); *Truth is God's daughter* (квалитатив высшей ценности); *Правда у Бога, а кривда на земле* (квалитатив высшей ценности); *Правда со дна моря выйдет* (квалитатив силы, могущества); *Истина от земли, а правда с небес* (квалитатив высшей ценности); *Правда — елей: везде наверх всплывает* (квалитатив справедливости, ценности); *Правда тяжеле золота, а на воде всплывает* (не тонет) (квалитатив справедливости, ценности); *На правду да на смерть что на солнце: во все глаза не взглянешь* (квалитатив совести, справедливости, честности); *Кто правды желает, тому Бог помогает* (квалитатив принадлежности высшим силам).

Говорящий субъект высоко оценивает правду как явление человеческой жизни, связывает ее с высшими силами, испытывает чувства спокойной уверенности в благополучном исходе (в английской лингвокультуре) и страстной надежды на торжество справедливости (в русской). Обе лингвокультуры локализуют правду в положении наверху, но в русском паремиологическом фонде находим и анти-пословицу «*И правда тонет, когда золото всплывает* (квалитатив слабости). Русские пословицы «Всяк правду любит, да не всяк ее сказывает», «Всяк правду хвалит, да не всяк ее бает» указывают на эталон нравственности, связанный с говорением правды. В этом же ряду находится императив «Хлеб-соль ешь, а правду режь». Здесь также проявляется стереотип русской крестьянской культуры, который фиксирует типичное положение дел, когда человек по разным причинам предпочитает молчать вместо того, чтобы сказать правду. Пространственный лингвокультурный код комбинируется в английских пословицах с пищевым, религиозно-духовным, антропоморфным. В русской пословичной картине мира он дополняется также религиозно-духовным, природно-стихийным, пищевым, предметно-денежным лингвокультурными кодами.

1.2. **Оппозиция «центр/периферия»: «Правда на миру стоит и по миру ходит»**

Truth seeks no corners (квалитатив прямоты, открытости), *In many words truth goes by* (квалитатив прямолинейности), *Truth may walk through the world unarmed* (квалитатив силы, власти); *Мирская правда крепко стоит* (квалитатив стабильности, надежности); *И твоя правда, и моя правда, и везде правда — а нигде ее нет* (квалитатив отсутствия справедливости); *Правда на миру стоит и по миру ходит* (квалитатив отсутствия справедливости); *Бог правду видит, да не скоро скажет* (квалитатив отсутствия справедливости).

Эмотивная составляющая в данном случае включает эмоции спокойной уверенности, прямоты и открытости, т.е. нахождения в центре, с одной стороны (в позиции англоговорящего субъекта), и в смене настроений от спокойствия и надежности до отчаяния и неуверенности в будущем, с другой (в позиции русскоговорящего субъекта).

1.3. Оппозиция «далеко/близко»: «Правда далеко, а кривда близко»

Правда далеко, а кривда под боком (квалитатив отсутствия справедливости); *Была когда-то правда, да вся вышла/ в лес ушла* (квалитатив отсутствия справедливости); *Была правда у Петра и Павла* (квалитатив праведности, принадлежности высшим силам); *Не ищи правды в других, коли в тебе ее нет* (квалитатив справедливости, честности); *Живи правдой в людях, живи правдой дома* (квалитатив открытости, честности); *Будет и наша правда, да нас тогда не будет* (квалитатив отсутствия справедливости); *Неправдой свет пройдешь, да назад не воротишься* (квалитатив справедливости).

Этот тип метафоры национально-специфичен и обнаруживается только в русских паремиях. Говорящий (крестьянин) испытывает чувство обиды, причиной которой является социальная несправедливость. Не имея сил и возможности что-то изменить в своей жизни, человек надеется на помощь высших сил и считает своим долгом соблюдать нравственный закон (*Живи правдой в людях, живи правдой дома*; *Неправдой свет пройдешь, назад не воротишься*).

1.4. Оппозиция «глубоко/мелко»: «Правда глубоко лежит/ ветром носится»

Truth lies at the bottom of a well (квалитатив глубины), *Truth often hides in an ugly pool* (квалитатив грязного источника); *И правда тонет, когда золото всплывает* (квалитатив отсутствия справедливости); *В море глубины, а в людях правды не изведаешь* (квалитатив отсутствия справедливости); *Ищи ветра в поле, а правду на дне морском* (квалитаив глубины, недоступности).

Национальная специфика пословичного концепта в данном случае состоит в том, что англоязычный говорящий субъект, произнося пословицу, указывает на наличие каких-то негативных фактов непорядочного бесчестного поведения, которую люди хотели бы скрыть от окружающих, чтобы не испортить свою репутацию, а русскоязычный говорящий сомневается в самом существовании правды, поскольку под правдой понимает прежде всего (социальную) справедливость. Английский базовый эталон: «Следует стараться узнать правду» (утилитарные нормы по В.И. Карасику [Карасик 2004]); стереотип: «Все люди скрывают неприятную правду о себе».

1.5. Оппозиция «прямо/криво»: «Правда прямо идет, а человек криво»

Правда прямо идет, а ни обойти ее, ни объехать (квалитатив прямоты, прямолинейности); *Кто прямо ездит, тот дома не ночует* (квалитатив опасности); *Прямо сорока летает* (квалитатив слабости, приспособляемости, адаптивного поведения)*; Прямьей века не изживешь* (квалитатив невозможности использовать, непрактичности); *С кривдою жить больно, с правдой — тошно* (квалитатив приспособляемости, адаптивного поведения).

Эти пословицы характеризуют объект через предикаты деятельности, но в ядре предиката находится отрицание, поэтому ситуации имеют статическую природу. Модальность аксиологическая и деонтическая, оценка пейоративная, появляется зооморфный код культуры, который связан с уничижением человека через сравнение его поведения с животными.

Рассмотрим пословицу ***Прямо* (*только*) *сорока летает*** с интересующих нас позиций. Пропозиция выражена предикатом «летать».

Логическая структура*:* кто? летает как?

Семантический класс*:* деятельность на уровне внутренней формы (образный фрейм) и характеризация (обобщенный фрейм).

В предикатном ядре находится детерминатив *прямо* и несовершенный вид глагола *летать*, который указывает на постоянно присущее объекту свойство, типичную деятельность.

Тематические отношения*: сорока* — агенс (ввиду антропоцентрической природы пословиц и контрастности человеческого мышления в сознании слушающего возникает оппозиция «птица-человек»: если птица может летать, то человек не может, следовательно, не следует и требовать от него и чего-то другого, чего он не может).

Макроролиː сорока — актор, (человек — претерпевающий).

На уровне образного фрейма представлена динамическая ситуация, в центре которой находится объект, обладающий определенным свойством.

На уровне обобщенного фрейма происходит противопоставление первого объекта другому, который этим свойством не обладает. Таким способом внушается мысль, что человек, не будучи птицей, не может действовать прямо (ср. четвертый класс логико-семиотических инвариантов пословиц у Г.Л. Пермякова [Пермяков 1978]).

Оператор центра*:* модальность аксиологическая и деонтическая.

Оператор клаузы*:* иллокутивная сила — косвенный директив (экскузатив).

Используя расширенный аппарат А. Вежбицкой, можно представить модель смысловой структуры (наращение смысла пословицы) следующим образом:

(а) желая оправдать себя;

(б) я говорю: только птицы могут летать прямо, человек не птица, поэтому он не может поступать прямо, свободно, как птица;

(в) я надеюсь, ты понимаешь, что это верно, справедливо;

(г) сделай вывод: следует быть осторожным (утилитарные нормы по В.И. Карасику [Карасик 2004]).

В логико-семиотической классификации пословиц Г.Л. Пермякова пословицы о правде расположены в секции «прямо/криво» [Пермяков 2001]. Русская пословичная мудрость содержит совет говорить правду, английская считает, что правда очевидна и не нуждается в словах. В русских пословицах имплицитно присутствует эталон нравственного поведения, т.е. открытого, честного, прямого разговора и действия, а также выявляется стереотип невозможности всегда соблюдать эти нравственно-этические нормы. Ср. *Всяк человек ложь, и мы тож* (квалитатив слабости).

Проведенное нами совместно с Й. Коростеньски [Abakumova, Korostenski 2020] сопоставительное исследование пословиц о правде и лжи чешской и русской лингвокультур с позиций референции, оценки и кодов культуры показало, с одной стороны, что чешские пословицы, как и пословицы других европейских культур, имеют тенденцию оценивать ситуацию в целом и использовать пространственные метафоры типа «далеко — близко», «верх — низ»; а с другой стороны, в чешских пословицах, подобно русским,

выделяется тип ориентационной метафоры «*прямой — кривой*», который не был обнаружен нами ни в английском, ни во французском, ни в испанском языках. Эти особенности, вероятно, связаны с принадлежностью русского и чешского языков к славянской культуре.

1.6. Оппозиция «внутрь/наружу»: «Правда всегда наружу выходит»

Правда света не боится (квалитатив открытости); *Правда со дна моря выйдет* (квалитатив силы, могущества); *Правда любит свет, а ложь тьму* (квалитатив открытости); *Правду не спрячешь* (квалитатив очевидности); *Правда-матушка светла живет, а ложь под тыном прячется* (квалитатив открытости, честности); *Truth will out* (квалитатив силы, власти); *Truth will come to light* (квалитатив силы, власти).

Пространственная метафора показывает универсальные характеристики пословичного концепта и национальную специфику русского взгляда на мир вообще и на сущностную природу правды, в частности, которая включает в русском языковом сознании идею (социальной) справедливости. В английской лингвокультуре эта идея не представлена. В русской культуре одобряется говорение правды в глаза, в отличие от английской культуры, где человеку дается совет держать язык за зубами и защищать свое личное пространство. Проведенное исследование пословиц о правде и лжи в русской и английской лингвокультурах показало, с одной стороны, что английские пословицы имеют тенденцию оценивать ситуацию в целом и использовать пространственные метафоры типа «верх — низ»; «центр — периферия», «далеко — близко», «глубоко — мелко», «центр — периферия», «внутрь — наружу», но не используют оппозицию «прямой — кривой», которая характерна для русской и чешской лингвокультур. В русских пословицах объектом оценки может служить как ситуация в целом, так и ее отдельный компонент, чаще поведение человека. Для английской культуры характерна чаще положительная оценка метафорического образа Truth, в русских паремиях обнаруживаем как положительную, так и отрицательную оценку образа. Пространственный код культуры в английских пословицах комбинируется с акциональным, пищевым, архитектурным, милитаристским, водно-

стихийным, духовно-религиозным. Для русского образа характерны комбинации пространственного кода с природным, пищевым, религиозно-духовным, предметно-денежным, акциональным.

Пословицы с кванторами — *Вся правда в счете* (квалитатив баланса, справедливости), *Вся правда в вине* (*There is truth in wine*) (квалитатив искренности, говорения правды). В первом случае пословица указывает на эталон социального поведения, согласно которому всякий труд должен оцениваться и оплачиваться справедливо. С этой эталонной ситуацией связан стереотип об обмане, когда работодатель часто не отдает работнику ту сумму, о которой договаривались, или просто не платит, или платит не в соответствии с затраченными усилиями. Во второй пословице прототипическая ситуация другая: чтобы узнать истинную природу человека и его мысли, нужно дать ему выпить. Эталон: Человек должен контролировать свои слова и эмоции. Но считается, что в состоянии хотя бы легкого опьянения человек расслабляется и становится более разговорчивым и откровенным. Согласно стереотипу, который имеет место как в русской, так и в английской культуре, человек раскрывает свою душу собеседнику, с которым вместе выпивает, и выдает, таким образом, все свои секреты.

Ш.2. Онтологические метафоры

Ш.2.1. Метафоры персонификации

2.1.1. «Правда — сильный прямой человек»

Truth is mighty and will prevail (квалитатив власти, могущества), *Truth finds foes, where it makes none* (квалитатив опасности), *Truth fears no trial* (квалитатив бесстрашия, открытости, прямолинейности); *Truth may walk through the world unarmed* (квалитатив бесстрашия, спокойствия, уверенности в своих силах); *Truth will conquer, falsehood will kill* (квалитатив победы); *Truth shows best being naked* (квалитатив открытости, прямоты) ; *Craft must have clothes, but truth loves to go naked* (квалитатив открытости, прямоты); *The language of truth is simple* (квалитатив простоты, прямолинейности); *Truth has no answer* (квалитатив немногословности, очевидности власти); *Правда по миру ходит* (квалитатив

скромности); *Правда шутки не любит* (квалитатив серьезности, искренности); *Правда неречиста* (квалитатив очевидности); *Правды не переспоришь* (квалитатив очевидности); *Правда суда не боится* (квалитатив честности, справедливости); *Правда в лаптях, а кривда в сапогах* (квалитатив социального неравенства, несправедливости); *Когда деньги говорят, правда молчит* (квалитатив отсутствия справедливости).

2.1.2. Ложь — слабый человек

Всяк человек ложь, и мы тож (квалитатив смирения, признания вины); *У каждого Павла своя правда* (квалитатив множественности); *Правда с кривдой не уживутся* (квалитатив противопоставленности); *Ложь стоит на глиняных ногах* (квалитатив недолговечности); *Ложь на одной ноге стоит, а правда на двух* (квалитатив непрочности, неустойчивости, ненадежности); *У лжи короткие ножки* (квалитатив ненадежности); *Маленькая ложь ведет за собой большую* (квалитатив негативных последствий); *Умная ложь лучше глупой правды* (квалитатив адаптивного поведения); *Truth will conquer, falsehood will kill* (квалитатив опасности).

Говорящий в обеих культурах оценивает правду и ложь как нечто одушевленное, способное двигаться и говорить, часто персонифицирует эту сущность, выделяя в ней разные качества, связанные с оценками и эмоциями. В обеих культурах Правда олицетворяется и метафорически представлена как прямой открытый человек, смелый и уверенный в себе. Однако в русских пословицах выявляется и другой психотип, испытывающий такие эмоции, как обида, неудовлетворенность, возмущение, связанные с несоблюдением норм нравственности другими людьми, особенно власть имущими.

Ложь в двух лингвокультурах оценивается отрицательно, но в русской пословичной картине мира она чаще связана со слабостью человека и потому прощается, считается ненадежной, недолговечной, но не смертельно опасной, в английской лингвокультуре ложь опасна, она убивает.

В русской пословичной картине мира нами было выявлено много пословиц с кванторами *любой, всякий, каждый*, которые имплицитно оценивают качества человека и

указывают на эталоны и стереотипы. Большинство из них связано с ложью. В пословице *Всяк человек ложь, и мы тож* представлена стереотипная ситуация, когда человек совершил ошибку и в свое оправдание использует пословицу, как бы скрываясь за авторитетом народной мудрости. Представлена негативная ситуация, ответственность за которую лежит на субъекте, но он хочет уйти от ответственности. Эталонное поведение предполагает деонтические нормы этического типа: человек должен отвечать за свои неблаговидные поступки и нести наказание (см. [Иоанесян 2020б, 11]). Примерно та же ситуация с пословицей *Всяк свою правду скажет, а редкий чтоб себя осудил*. Эталон: «У человека должна быть ответственность за свои неблаговидные поступки, за которые он должен понести наказание». Стереотипное поведение — нежелание говорить правду и признавать свои ошибки.

Ш.2.2. Гендерная метафора

Гендерная метафора определяется, с одной стороны, как частный случай *телесной метафоры*, с другой, — как перенос фемининных и маскулинных личностных качеств и свойств на не связанные с полом предметы. Так, в любой мифологической картине мира присутствует ряд бинарных оппозиций: *верх — низ*; *свет — тьма*; *правое — левое* и т.д. Во многих философских системах также имеет место ряд полярных категорий: *природа — культура*; *активность — пассивность*; *рациональность — иррациональность*, *логика — эмоции*; *дух — материя*; *власть — подчинение*. Левый член каждой из оппозиций атрибутируется мужественности, а правый — женственности [СГТ].

2.2.1. Феминнная метафора «Правда — честная, но слабая женщина»

Four good mothers have four bad daughters: truth, hatred; prosperity, pride; security, peril; familiarity, contempt (квалитатив опасности); *Правда ненависть родит* (квалитатив опасности, нежелательности); *Правда груба, да Богу мила* (квалитатив прямолинейности, высокой ценности); *Truth is time's daughter* (квалитатив проверки временем); *Правда-матушка светла живет, а ложь под тыном прячется* (квалитатив открытости, честно-

сти); *Правда истомилась, лжи покорилась* (квалитатив слабости, приспособляемости, адаптивного поведения); *Truth is a naked lady* (квалитатив открытости, прямолинейности).

Здесь проявляются чисто женские признаки и назначение: способность давать жизнь, слабость физическая и духовная. Национальная специфика проявляется в том, что англоговорящая языковая личность подчеркивает такие качества, присущие женщине, как способность давать жизнь и быть терпеливой, поскольку дети в данном случае совсем не радуют мать своими качествами. Русскоговорящая личность более оптимистично настроена (ребенок может быть как ненавистным, так и сильным) и полагается на судьбу, заранее смиряясь с тем, каким будет ребенок. Но ей иногда свойственна слабость, усталость. Нормативное коммуникативное поведение англоязычной личности не допускает проявление слабости, усталости, негативных эмоций, неуверенности в себе, детям с детства рекомендуется контроль над проявлением эмоций. Английская культура лицемерна (см., [Fox 2004, Ларина 2013]).

Анализ пословицы *Всяк правду хвалит, да не всяк ее хранит* дает возможность выявить эталон «Нужно уметь хранить свои и чужие тайны» и связанный с ним стереотип «Людям, особенно женщинам, свойственна болтливость и неумение хранить как свои, так и чужие секреты». Антропоморфный код в русских пословицах сочетается с природным и акциональным, выявляются эмоции надежды и страха, усталости и смирения, эмоциональная оценка поведения человека.

В английском паремическом дискурсе фиксируется гордость, выдержка, терпение, а таже рациональная оценка ситуации в целом. Эталон: не стоит говорить людям правду в глаза, а также делиться своими личными, домашними проблемами, это опасно, следует терпеливо ждать, когда скрываемые факты выйдут наружу, и проблемная ситуация разрешится сама собой. Стереотип: у всех есть свои семейные секреты (скелеты в шкафу), которые люди старательно скрывают. Антропоморфный код комбинируется с временным.

2.2.2. Маскулинная метафора «Правда — гордый бесстрашный воин»

Правда гневна, да Богу люба (квалитатив принадлежности высшим силам); *Правда груба, да Богу мила* (квалитатив прямолинейности, высокой ценности); *Правда-истина огнем палит* (квалитатив силы, могущества); *Truth will conquer, falsehood will kill* (квалитатив силы, могущества); *Follow not truth too near the heels, lest it dash out thy teeth* (квалитатив опасности); *Truth has a scratched face* (квалитатив опасности, нежелательности); *Truth is mighty and will prevail* (квалитатив силы, могущества); *Правда уши дерет* (квалитатив нежелательности); *Правда 12 цепей разорвет* (квалитатив силы, могущества); *Truth fears no colours* (квалитатив бесстрашия); *Truth has no answer* (квалитатив немногословности, властности); *Правда и в море не утонет* (квалитатив силы, могущества); *Правда со дна моря выйдет* (квалитатив силы, власти, могущества); *Многое деньги могут, а правда все* (квалитатив власти, могущества).

Анализ русских пословиц с кванторами *Всякая неправда перед Богом отомщается* и *Всякой неправде Бог запинатель* (квалитатив справедливости/принадлежности высшим силам) дает возможность выделить эталон «Следует говорить правду и вести нравственный образ жизни, слушать даже неприятную правду о себе, поскольку она помогает человеку стать лучше, не мстить обидчикам, верить в высшую справедливость». Стереотип: большинство людей не верит в торжество правды на грешной земле, надеется на помощь высших сил или начинает приспосабливаться к внешним условиям существования. Русский крестьянин грубоват, испытывает эмоции гнева и возмущения по поводу социальной несправедливости и готов к активным действиям, но не всегда уверен в победе. Ср. *Кто за правду горой, тот истый герой* (квалитатив высокой ценности, могущества).

Правда в английских пословицах представлена как бесстрашный воин, завоеватель, гордый, властный, агрессивный, немногословный. Английский воин также испытывает эмоции гнева, но и триумфа, он уверен в победе, в своих силах, в силе Закона жизни. Эталон: следует стремиться к успеху, добиваться своего всеми силами. Стереотип: человек ленив, труслив и не всегда прилагает достаточно усилий для достижения цели, в борьбе за то, что он считает истиной. Эмоции удивления, гнева и триумфа — три един-

ственно допустимые вида эмоций, которые английская культура позволяет англичанину-мужчине проявить открыто [Fox 2004, 52].

По данным исследований Г. Хофстеде [Hofstede 2008], английская культура относится к маскулинному типу (ориентация на карьеру и личные достижения), а русская изначально была фемининной (в центре внимания уровень жизни, отношения между людьми, взаимопомощь), но сейчас в ней выявляются как фемининные, так и маскулинные характеристики. Русские пословицы отражают традиционное видение мира в русской культуре. Антропоморфный код культуры комбинируется в русских пословицах с религиозно-духовным, акциональным, природно-стихийным, предметно-денежным. В английской лингвокультуре также находим проявление антропоморфного, религиозно-духовного, милитаристского, а также соматического и предметно-артефактного кодов.

В процессе восприятия и анализа содержательной стороны английских пословиц, взятых как совокупность текстов, посвященных одной теме, в сознании исследователя складывается мифологема в аллегорическом образе воина. Это подтверждается синтагматикой имени, её несвободной сочетаемостью с прилагательными (*mighty, stubborn, great*), глаголами (*will prevail, will conquer, overtakes, hurts, fears no colours/no trial, has a scratched face, finds foes, will dash out thy teeth, scares many*) и деонтическими нормами, содержащимися в семантике пословиц.

У английской TRUTH человеческое лицо (*Truth has a scratched face*). Она принадлежит высшему обществу (*Truth becomes the gentleman*), её язык прост, даже груб (*The language of truth is simple*), она теряется в диспутах (*In too much dispute, truth is lost*), но ей нельзя наступать на пятки, может выбить зубы (*Follow not truth too near the heels, lest it dash out thy teeth*). Об агрессивности как базовой черте английского национального характера и монологичности индивидуалистической этики протестантизма см. [Gorer 1955; Habermas 1987].

В русских пословицах выявляются две мифологемы. С одной стороны — всемогущая Правда-истина с модусом веры, с другой — Правда-матка, погруженная в повсе-

дневную жизнь с ее бытовыми проблемами с эпистемическим, а чаще деонтическим модусом. Русская правда стремится к множественности и вечности, а в результате исчезает совсем, многие сомневаются в ее реальном существовании. В ядре русского пословичного концепта лежит признак необходимости общественного порядка, основанного на справедливости, честности. Для русских ПРАВДА существует как идеал, о котором можно мечтать, к которому нужно стремиться, но который недостижим на грешной земле.

Ш.2.3. Метафоры объективации

2.3.1. «Правда — ценный объект»

Правда велика: в пазуху не влезет, в карман не взойдет (квалитатив величины, большой значимости); *Правда всегда перевесит* (квалитатив справедливости, значимости); *Правда дороже золота* (квалитатив высокой ценности); *Торгуй правдою — больше барыша будет* (квалитатив практичности, пользы); *Правду за деньги не купишь* (квалитатив бесценности); *Правду красить нет нужды* (квалитатив внутренней красоты, ценности); *Truth has always a sure bottom* (квалитатив надежности, ценности); *Truth is God's daughter* (квалитатив высокой ценности); *Facts are stubborn things* (ср. *Факты — упрямая вещь*) (квалитатив силы, надежности); *На правду не сердись, скинь шапку да поклонись* (квалитатив ценности, полезности).

В этой группе русских пословиц правда высоко оценивается (велика, перевесит, дороже золота, символизирует надежность и принадлежность Богу как высшая ценность). Ее нужно высоко оценить, можно даже продать, как товар, но купить ее невозможно). Анализ пословицы *Правду за деньги не купишь* (квалитатив бесценности/высокой ценности) выявляет эталон «Правда не имеет цены», стереотип — все можно купить, всё имеет свою цену.

В английской лингвокультуре пословица *Facts are stubborn things* дает возможность говорить об эталоне понимания правды как ценного объекта, фактов действительности, которые очень значимы сами по себе. Стереотип фиксирует мнение о том, что лю-

ди часто пытаются скрыть факты своего неприглядного поведения, но эти факты рано или поздно выходят наружу, и с ними уже невозможно спорить.

2.3.2. «Правда — опасная, пугающая вещь/фантом»

Truth is a spectre that scares many (квалитатив нежелательности); *Правда всем глаза режет* (квалитатив нежелательности, опасности); *Правда глаза колет* (квалитатив опасности); *Правда рогатиной торчит* (квалитатив нежелательности, неудобства); *Правду что шило в мешке — не утаишь* (квалитатив неудобства, опасности); *Tell the truth and run* (квалитатив опасности); *He who speaks the truth must have one foot in the stirrup* (квалитатив опасности); *Follow not truth too near the heels, lest it dash out thy teeth* (квалитатив опасности); *Правду похоронишь, да сам из ямы не выберешься* (квалитатив опасности); *Кто за правду горой, тот истый герой* (квалитатив высокой ценности/опасности).

Данная прототипическая ситуация характеризует правду как опасный объект, как нечто нежелательное и даже опасное. Английская правда уподобляется призраку, фантому, который пугает людей. Пословица *Truth is a spectre that scares many* (квалитатив нежелательности) опирается на эталон «Не следует выдавать всю личную информацию о себе и своих близких». Стереотип: люди любят обсуждать чужие личные дела. Английская культура — культура слухов, англичане с большим трудом делятся личной информацией, но любят обсуждать факты из личной жизни других людей [Fox 2004, 41—56]. Дело в том, что эти факты из чужой жизни могут быть совсем не безобидными, и тогда их раскрытие может стоить жизни тем, кто их принародно раскрыл. В таком случае актуальна пословица *He who speaks the truth must have one foot in the stirrup* (квалитатив опасности). Эталон: говорить правду опасно. Стереотип: люди часто скрывают свои неприглядные поступки, а другие любят похвастаться, что знают чьи-то секреты, и хотят их использовать в своих интересах.

В русской культуре также наряду с нравственным императивом о необходимости говорить правду существует и противоположная точка зрения, согласно которой людям

неприятно слышать горькую правду о себе. Эталон: следует говорить правду и быть честным. Стереотип: люди не любят слушать неприятную правду о себе.

Рассмотрим разворачивание смысла самой известной русской пословицы *Правда глаза колет* в контексте на примере коммуникативного эпизода из романа И.С. Тургенева «Рудин» с использованием когнитивно-дискурсивной модели КДМ [Абакумова 2013].

Коммуникативная ситуация, описанная в романе И.С. Тургенева «Рудин», имеет место в гостиной помещицы Дарьи Михайловны Ласунской, где собирается местное общество, чтобы обсудить события культурной жизни, и где завсегдатаем является заядлый спорщик Пегасов, который ненавидит всякие теории и считает себя человеком практическим. Недоучившийся в университете Пегасов (в виду отсутствия способностей и интереса к теоретическим проблемам) с возмущением отрицает существование истины, за что хозяйка гостиной с пафосом стыдит его, называя старым грешником, лишающим людей смысла жизни. Обиженный такой нелестной характеристикой, Пегасов с досадой возражает, утверждая, что уж ей-то легче было бы жить без истины, чем без повара Степана, мастера варить бульоны. За это Дарья Михайловна обзывает его клеветником, а Пегасов в ответ бормочет: «Не знаю, как истина, а ***правда,*** *видно****, глаза колет***» и с сердцем отходит в сторону. Он разграничивает правду и истину, противопоставляя их, с одной стороны, как реальные факты человеческой жизни, и как нечто непостижимое, недоступное человеческому уму, с другой.

Коммуникативная составляющая. Оценив коммуникативную ситуацию как неблагоприятную для собственного реноме, говорящий выбирает асоциально-инструментальную стратегию, нацеленную на успех любым способом. Для достижения цели он использует пословицу. В неактуализованном режиме данная пословица референциально непрояснена, в ней нет указаний на участников ситуации, в актуализованном режиме участниками ситуации становятся говорящий, аудитория и объект оценки. Говорящий обращается не столько к оппоненту, сколько к аудитории, желая произвести на нее впечатление. Неприятное ощущение, которое является результатом говорения правды и

приписывается ей как постоянное свойство, является фокусом интереса говорящего. Это предикатный тип фокуса, а *истина* и *правда* являются предметом обсуждения, то есть прагматическим пиком в данном высказывании и топиком в данном дискурсе.

Констативная (*когнитивная*) *составляющая***.** Пропозиция выражена предикатом «колет/глаза колет». Значение пословицы по данным словаря В.П. Жукова: «Неприятно слышать горькую правду» [Жуков 1966].

Логическая структура: кто/что? колет глаза.

«колоть» — 1. касаться чем-то острым, причиняя боль

2. перен. язвительно задевать, упрекать

Колоть глаза (*разг.*) попрекать, стыдить

Семантический класс предиката: действие, причиняющее боль

Образный фрейм, отраженный внутренней формой пословицы, он же поверхностный синтаксический фрейм, представляет объект, причиняющий боль.

Тематические отношения: правда — эффектор.

Макророли: правда — актор.

Конкретно-ситуативный фрейм (тематический) описывает негативное эмоциональное состояние оппонента, которое возникает в результате обнаружения фактов, нежелательных для него. Говорящий констатирует факт наличия негативного эмоционального состояния, которое является доказательством вины оппонента. Описывается ситуация конфликта, во время которого говорящие обмениваются колкостями и обижают друг друга. Пословица используется для достижения мнимого консенсуса.

Логическая структура: (кому?) неприятно слышать что?

Семантический класс предиката: эмоциональное состояние (восприятие).

Тематические отношения: правда — тема.

Макророли: в отсутствии агенса тема может быть актором [Van Valin 1993].

Обобщенный фрейм (семантический) моделирует ситуацию, в центре которой находится объект и его свойство, способность причинять боль (ср. первый инвариант логико-семиотических моделей по классификации Г.Л. Пермякова [Пермяков 1978]).

Констатируется, что правдивые слова, указывающие на старательно скрываемые факты, всегда неприятны слушающему, причиняют боль, если он совершил дурной поступок или промах, и ему на это указывают. Предикат в переносном значении интерпретируется как троп и соотносится с личным актантом [Фролова 2007, 71]. Использование метафоры, т.е. нарушение постулата истинности, заставляет слушающих искать в высказывании скрытый смысл [Падучева 2008, 42]. Оператор времени, настоящее время несовершенного вида, указывает на постоянно присущее объекту качество. Логический вывод, который должен сделать слушающий, связан с упреком. Семантический класс предиката: негативное эмоциональное состояние переосмысляется как физическое действие.

Тематические отношения: правда — носитель качества (*квалитатив опасности, нежелательности*) должна получить роль пациенса, Претерпевающего (см. [Van Valin, 1993]), но качество, которое ей приписывается, и с учетом ее ролей в двух других фреймах, делает возможным оценить ее как основного участника, контролирующего ситуацию, то есть Актора. В референциально-ролевой грамматике, в отличие от падежной, тематические роли являются производными от семантики предиката, лексического наполнения его актантов и сирконстантов. Правда понимается в данном случае как факты и одновременно как Закон жизни, который требует подчинения.

Репрезентативная (экспрессивно-оценочная) составляющая. Говорящий не до конца искренен. Он возмущен словами хозяйки гостиной, назвавшей его старым грешником, и хочет отомстить ей. Модальность пословичного высказывания эпистемическая и аксиологическая. Пегасов уверен в своей правоте, на что указывает вводное слово *видно*, он знает, что Ласунская дорожит своим положением в обществе, статусом образованной и гостеприимной барыни, на обеды к которой собирается местная элита, больше, чем абстрактными категориями. Он обижен и отрицательно оценивает ее слова в свой адрес, ее

высокомерное отношение в присутствии нового гостя, тогда как он, возможно, рассчитывал на ее поддержку. Его речь, обращенная к аудитории, нацелена на успех всеми возможными способами. Он хочет показать, что Ласунская на самом деле ничуть не больше разбирается в том, что такое Истина, обвиняет ее в лицемерии и снобизме. Выбранная им пословица экспрессивно описывает ситуацию и выражает его негативное отношение к действиям оппонента, нарушившего, по его мнению, нормы контакта.

Регулятивная составляющая. Между участниками коммуникации устанавливаются определенные интерсубъективные отношения, когда говорящий, опираясь на внутренне присущее пословице свойство дидактичности, сообщает больше, чем говорит, то есть осуществляет косвенный речевой акт. В данном случае — это косвенный речевой акт упрека. Имплицитно содержащиеся в семантике пословиц деонтические нормы проявляются и в тех логических выводах, которые делают слушающие, исходя из конкретной ситуации разговора. Инференция пословицы, логический вывод, который должен сделать оппонент и аудитория, связан с нарушением этических норм: «Следует быть честным. Не следует быть высокомерным» (нормы контакта) (см. классификацию норм в работе [Карасик 2004]).

Данный анализ позволил проследить реализацию пословичного сценария упрека, связанного с нарушением норм контакта и взаимодействия. Но данная пословица может послужить носителем и другого типа сценария, например, указанием на нарушение норм ответственности (Нужно признавать свои ошибки), жизнеобеспечения (Следует трудиться и выполнять свою работу хорошо), взаимодействия (Не следует причинять вред своим), если будет использована в других обстоятельствах другими людьми с иными целями.

Когнитивно-дискурсивная модель актуализации смысла пословицы в дискурсе (КДМ) показывает развертывание пословичного сценария в бытовом диалоге и тексте и иллюстрирует зависимость выбора сценария от внешнего контекста (коммуникативной ситуации и ситуации-темы), а также от внутреннего (когнитивного, аффективного по

А.А. Залевской), связанного с ориентацией на определенный тип коммуникативной стратегии. Смысл пословицы распознается не сразу и имеет форму разворачивающегося пословичного сценария, который представляет собой наложение трех видов фреймов.

2.3.3. «Правда — ненужный предмет»

Хороша святая правда, да в люди не годится (квалитатив ненужности, бесполезности); *Правда в люди не годится, в кивот ее поставить и молиться* (квалитатив бесполезности); *Правдою богат не будешь* (*квалитатив социальной несправедливости*); *Правдою жить — палат каменных не нажить* (*квалитатив скромности, отсутствия справедливости*); *Правдой ни молотить, ни веять* (*квалитатив ненужности, бесполезности*).

В данной группе пословиц русского паремического дискурса предметный код лингвокультуры сочетается с денежным, антропоморфным и эстетическим, а также с религиозно-артефактным.

В английских паремиях культурные смыслы кодируются также предметным кодом, который дополняется антороморфным, соматическим и духовным. Правда как ненужный предмет представляет национальную специфику русской лингвокультуры.

Пословицы этой категории рассматривают правду как предмет разной степени ценности, градация наблюдается от самой высшей ценности через опасность до отсутствия какой-либо ценности или пользы. В пословицах представлены три прототипические ситуации.

В английской лингвокультуре правда самодостаточна, надежна, ценна сама собой, очевидна и не нуждается в защите. В русской лингвокультуре преобладает эмоциональная оценка, которая постоянно меняется, в английской это оценка рациональная, проявляется холодная уверенность в неизменности правды как фактов действительности.

Анализ семантики пословицы *Всяк правду любит, да не всяк ее сказывает* дает возможность выявить эталон «Следует говорить правду» и стереотип «Люди часто боятся говорить правду или считают, что это бесполезно, не нужно, не принесет им никакой пользы и даже может быть опасным.

Ш.2.4. Зооморфная метафора «Правда — опасное животное»

Правда как оса: лезет в глаза (квалитатив опасности, нежелательности); *Правда что цепная собака: на кого спустят, в того и вцепится* (квалитатив опасности, нежелательности); *Правда у мизгиря в тенетах: шмель пробьется, а муха увязнет* (квалитатив опасности).

Еще одна группа пословиц русского паремического дискурса, которая представляет его культурную специфику. Английские пословицы о правде не используют зооморфный лингвокультурный код. Нам не удалось найти ни одной пословицы с таким образом. Но зооморфные метафоры появляются в английском паремическом дискурсе о справедливости, что само по себе показательно и еще раз указывает на наличие идеи справедливости в русском пословичном концепте Правда.

Используются эталоны и стереотипы, связанные с осой, собакой, пауком, курицей, коровой, медведем. В славянской мифологии пчелы обязаны Богу своим происхождением, в отличие от шершней или ос, которых сотворил дьявол, соперничающий с Богом [СМ, 397]. Там же находим информацию о собаке как животном нечистом, при этом собака часто считается другом человека. Символическая амбивалентность собаки и двойственность отношения к ней проявляется в наделении ее как божественными, так и дьявольскими чертами. Собака обладает способностью видеть нечистую силу и отпугивать ее [Там же, 440].

Прототипическая ситуация говорения правды представлена в этих пословицах как опасное предприятие, которое может иметь самые негативные последствия и требует больших усилий. Говорящий испытывает чувство страха, потому что не знает, какие будут последствия. Эталон: следует говорить правду так, чтобы не принести вред. Стереотип: люди не любят, когда им говорят правду, поскольку это часто бывает неприятно, не всякий выдержит всю правду о себе.

Ш.2.5. Гастрономическая метафора «Правда — горький плод»

Лучше горькая правда, чем сладкая ложь (квалитатив важности, значимости); *Правда дороже хлеба* (квалитатив высокой ценности); *Всяк правду жует, да не всяк творит* (квалитатив нравственности); *Хлеб-соль ешь, а правду режь* (квалитатив искренности, прямолинейности); *Сам кашу заварил, сам и расхлебывай* (квалитатив справедливости, ответственности за свои поступки).

Вероятно, потому что англичане не считают необходимым и не дают рекомендаций говорить правду, этот тип концептуальной метафоры также является проявлением культурной специфики русского паремологического фонда. Русскоговорящий субъект высоко ценит правду, считает ее полезной, хоть и не всегда приятной. Кроме того, что пословицы советуют говорить правду, они еще и настоятельно рекомендуют ее слушать, так как это способствует нравственному воспитанию и поведению личности (ср. нормы ответственности у В.И. Карасика: «*Нужно отвечать за свои действия*», «*Нужно признавать свои ошибки*», «*Нужно исправлять свои ошибки*» [Карасик 2004, 28—29].

Говорящий субъект предупреждает слушающего о недопустимости нечестного поведения, о том, что правда все равно выйдет наружу. Во второй прототипической ситуации (*Всяк правду жует, да не всяк ее творит*) говорящий предупреждает слушающего быть осторожным и не доверять всем, кто много говорит. Эталон: следует быть честным, искренним и благодарным тому, кто сказал тебе правду. Стереотип: большинство людей склонны к обману.

Ш.2.6. Ботаническая/сельскохозяйственная метафора «Правда — красивый цветок с шипами/ заслуженный урожай»

На лжи правды не вырастишь (квалитатив чистоты, честности); *Truth and roses have thorns about them* (квалитатив опасности); *Людская молва хуже дурной травы* (квалитатив опасности клеветы); *Посеешь ложь — не вырастет рожь* (квалитатив добросовестности, честности); *Правду не ситом сеять* (квалитатив ответственности); *Что посеешь, то и пожнешь* (квалитатив ответственности, справедливого возмездия); *As you sow you shall reap* (квалитатив ответственности, предвидения результатов).

Ботанический лингвокультурный код имеет здесь разные прототипы: в английской культуре правда благородна по происхождению: это роза с шипами, внешне красивая, но способная уколоть при желании приблизиться и взять ее голыми руками. Эталон английской культуры: 1) правду следует говорить осторожно и не всем; 2) следует предвидеть последствия своих поступков. Стереотип: говорение правды, выяснение скрываемых фактов часто имеет негативный эффект и даже может быть опасно.

Русская ботаническая метафора чисто крестьянская, связана с сельским хозяйством, полем и огородом. Представлены две прототипические ситуации. Первая отражает периоды посева и сбора урожая, который зависит от брошенных в землю семян. Эта ситуация универсальная для двух культур, поскольку выражение заимствовано из Библии. Эталон: следует поступать с людьми так, как хотел бы, чтобы они поступали с тобой. Стереотип: люди имеют склонность помнить нанесенную обиду, относиться к незнакомым людям с недоверием. Но в русской культуре ожидают честного открытого эмоционально-доброжелательного коммуникативного отношения, раскрытия души, уважения и взаимопомощи, на которое готовы ответить тем же. Если поведение человека не соответствует ожиданиям, то и реакция будет соответствующей. В английской культуре люди необщительны, откровенного разговора по душам не ожидают, но пообщаться иногда очень хотят, поэтому изобрели разговор о погоде [Fox 2004].

Вторая ситуация, представленная в пословице *Людская молва хуже дурной травы,* предупреждает, что злые слухи распространяются из неизвестного источника, но очень быстро и на большие расстояния, их очень трудно остановить. Эталон: следует опасаться людской молвы и стараться самому не распространять непроверенную информацию. Стереотип: людям свойственно злословить, судачить за спиной и распускать сплетни. В английской культуре люди сплетничают не зло и чаще о незнакомых людях, об известных [Fox 2004]. В русской культуре ситуация другая: сплетни, молва, негативная оценка поведения людей встречается часто, и личная жизнь соседа, коллеги и даже друга очень часто является предметом обсуждения и критики [Стернин, Прохоров 2002].

Ш.2.7. Метеорологическая (природная) метафора (внешний контейнер)

2.7.1. «Правда — ясная погода»

Правда светлее солнца (квалитатив ясности); *Правда чище ясна месяца* (квалитатив ясности); *Fair fall truth and daylight* (квалитатив света, свободного распространения); *Правда света не боится* (квалитатив ясности).

В двух лингвокультурах правда ассоциируется со светом, с ясностью, но в русской культуре это ясная солнечная погода или ясная лунная ночь, в английской лингвокультуре правда ассоциируется с ясным днем. Русская Правда светлая и чистая, английская Truth распространяется на всех поровну, подобно дневному свету. В первом случае эталон: следует быть открытым и искренним человеком и в радости, и в горе. Стереотип: люди часто скрывают свои недостатки и выставляют на показ только свои таланты и достижения. Английские пословицы учат, что правды, как и дневного света, хватит на всех. Эталон: нужно стремиться быть скромным (*One should aspire for modesty* [Fox 2004]). Стереотип: люди часто стараются занять самое лучшее место под солнцем, расталкивая других, не замечая интересов других людей на своем пути к успеху.

2.7.2. «Ложь, молва — морская волна» (внешний контейнер)

Мирская молва — морская волна: ничем её не остановить (квалитатив опасности клеветы); *Truth will conquer, falsehood will kill* (квалитатив опасности); *Волна по морю, молва по людям* (квалитатив опасности клеветы); *Молва что вода* (квалитатив быстротечности).

Природный код культуры используется в русских пословицах и связан со стихией воды, которая в народных верованиях часто осмысляется как источник жизни и очищения, но также и как место бытования нечистой силы [СМ, 80—81]. В пословицах этой группы проявляется эталон: «Не стоит обращать внимание на слухи». Стереотип: Слухи, молва, наговоры — опасная вещь, их невозможно остановить (*Слухами земля полнится*). Но слухи уподобляются воде, а она быстротечна, так и слухи приходят и уходят со временем.

2.7.3. «Ложь, неправда, клевета — опасное существо»

Клевета беззуба, а грызьмя грызет (квалитатив опасности слухов); *Вся неправда от лукавого* (квалитатив человеческой грешности, слабости); *Ложь бывает и спроста, а клевета всегда с умыслом* (квалитатив слабости/опасности); *The greater the truth, the greater the libel* (квалитатив опасности); *Truth will conquer, falsehood will kill* (квалитатив силы/опасности); *Лжа что ржа: тлит* (квалитатив опасности).

Рассмотрим, какие эталоны и стереотипы проявляются в пословице *Вся неправда от лукавого* (лукавый — эвфемистическое наименование дьявола, который сам по себе является символом и эталоном лжи и безнравственного поведения, и часто изображается в виде мифического существа с рогами, хвостом и копытами). Эталон нравственного поведения — правдивость, честность, искренность, соответствие слова и дела. Стереотип: человеку свойственно грешить, вести себя неправильно, нарушать нормы нравственности. Пословица как бы снимает ответственность с человека за неблаговидные поступки, указывая на слабость человека, его грешную природу, перекладывая всю вину на высшие силы, представителем которых в данном случае является «лукавый».

Пословица *Лжа что ржа: тлит* имплицитно содержит эталон нравственного поведения: Следует быть честным перед людьми и перед собой, иначе человек начнет разлагаться изнутри. Стереотип: люди постоянно обманывают друг друга.

Анализ коммуникативного эпизода из повести А.П. Чехова «Моя жизнь» с использованием модели КДМ.

Главную мысль произведения писатель выражает через пословицу, которую он вкладывает в уста талантливого мастера из народа Редьки, непрактичного и не умеющего делать деньги, но большого мастера своего дела, творческого человека, и использует ее в тексте три раза: ***Тля ест траву, ржа — железо, а лжа — душу***. (ср. базовую форму ***Лжа что ржа: тлит*** **[**Мокиенко, Никитина 2011]).

Коммуникативная составляющая. Пословица, созданная народом, всегда понятна носителям данной культуры. Мастер Редька реализует коммуникативную стратегию, нацеленную на взаимопонимание и совместную деятельность.

Констативная (когнитивная) составляющая. Мастер высказывает свою точку зрения, которая соответствует истинному положению дел. Пропозиция выражена предикатом *есть*.

Логическая структура: кто?/что? ест что?

Семантический класс глагола: *есть* — 1) Принимать пищу, употреблять пищу; 2) Разрушать химически, — каузативная деятельность (causative activity), переосмысляемая как каузативное достижение (causative achievement).

Тематические отношения: тля, ржавчина, ложь (агенс и эффектор), трава, железо, душа (пациенс). Неодушевленные сущности переосмысляются как одушевленные, персонифицируются, деятельность мыслится как достигающая своего предела и переосмысляется как неконтролируемая.

Макророли: тля, ржавчина, ложь — актор, трава, железо, душа — претерпевающий.

Оператор времени: форма настоящего времени несовершенного вида передает семантику постоянно присущего субъекту/объекту качества, действия, состояния.

Экспрессивно-оценочная составляющая.

Модальность эпистемическая, так как выражается мнение, соответствующее реальному положению дел и законам природы.

Иллокутивная сила: ассертив (ложь разъедает души людей) и косвенный директив (нужно быть честным).

Прагматический пик — ложь.

Мастер искренне полагает, что ложь, ханжество, лицемерие разрушает людей изнутри.

Регулятивная составляющая. Претензии на правильность. Мастер из народа не рассуждает о нравственности, он просто ведет себя как высоко нравственный человек, соблюдая этические социальные нормы (следует быть честным), веруя в высшую справедливость и призывая к этому других. Косвенный директив, имплицируемый пословицей, находит эксплицитное выражение в словах мастера: «Господи, спаси нас грешных!».

Ш.2.8. Эстетическая метафора «Правда — естественная красота»

Сказка — ложь, а песня — правда (квалитатив искренности); *Правду красить нет нужды* (квалитатив внутренней красоты, ценности); *Truth is beauty* (квалитатив красоты и гармонии); *Truth's best ornament is nakedness* (квалитатив прямоты, прямолинейности, открытости); *Truth needs not the ornament of many words* (квалитатив очевидности, открытости); *Truth needs no colours* (квалитатив очевидности, внутренней красоты, ценности); *Красота лучше, а правда нужнее* (квалитатив пользы).

Английская пословица *Truth is beauty* позволяет выявить эталон: «Истина прекрасна своим стремлением к идеалу, к гармонии». Стереотип фиксирует представление о правде как простом, некрасивом, неприятном феномене человеческой жизни, поскольку она отражает только факты реальной повседневной действительности, которые люди обычно стараются скрыть. В английской культуре принято скрывать свои истинные чувства, эмоции. Ср. представленную в романе Уайльда «Портрет Дориана Грея» ситуацию — герой разочаровывается в своей возлюбленной, актрисе, когда она перестает играть любовь на сцене, а по настоящему влюбляется в живого человека.

Русская пословица *Песня — правда, басня* (*сказка — ложь*) представляет несколько иную прототипическую ситуацию. Эталон: Правда там, где искренность. Стереотип: не все произведения народного творчества отражают правду жизни, не все люди искренни в своих высказываниях.

Проследим, как разворачивается пословичный сценарий и смысл пословицы *Truth is beauty* в английском художественном тексте. Тема ответственности поэта за свой та-

лант и поиски истины интересует и английского поэта 19 века Джона Китса, одно из стихотворений которого заканчивается трансформом пословицы.

Коммуникативная ситуация, представленная в стихотворении Джона Китса «Ода к греческой вазе», следующая. Лирический герой наслаждается красотой греческой вазы и как будто ведет беседу с ней и персонажами, изображенными на ее поверхности. Темой беседы является красота, которая помогает поэту постичь правду о действительности. Обнаружение красоты для Китса — открытие сути вещей, которая прекрасна.

Коммуникативная составляющая. Претензии на понимание. Поэт высказывает пословичное суждение в конце своего поэтического произведения, подводя итог своей беседе, и просит вазу дать совет людям, которые придут любоваться ее красотой после него, людям других поколений: *"Beauty is truth, truth — beauty, — that's all ye know on earth and all ye need to know*". В русском переводе это звучит так: «В прекрасном — правда, в правде — красота. Вот все, что знать вам на земле дано» (перевод Г. Кружкова). Этот коммуникативный акт нацелен на понимание и представляет собственно коммуникативное действие по Хабермасу [Habermas 1987], но имеет место коммуникация с неодушевленными объектами. Этот тип коммуникации не выделяется Хабермасом, он характерен только для поэтического текста. Мы предлагаем назвать его собственно *коммуникативной стратегией общения с неодушевленными* объектами.

Констативная (когнитивная) составляющая. Претензии на истину. Пословица моделирует отношения между двумя сущностями, правдой и красотой, которые отождествляются по признаку высшей степени качества. Кроме этого, оба явления вечны и неизменны, существуют вне времени, в отличие от краткой изменчивой человеческой жизни. Красота помогает человеку видеть то, что недоступно разуму, знанию.

Логическая структура*:* что? есть что? что? есть в чем?

Семантический класс предиката*:* не-локативное состояние тождества [Van Valin 1993], которое переосмысляется как состояние качества (*квалитатив высшей ценности*).

Тематические отношения*:* правда (тема), красота (место) и наоборот. Тематическая роль «место» понимается широко и включает «источник», «путь», «цель» [Van Valin 1993]. Красота понимается как источник, путь и цель правды. Переосмысление происходит по признаку высшей степени качества: правда — высшая истина, познаваемая разумом, красота — высшее наслаждение, познаваемое чувствами. Красота доступнее для человека, через чувство красоты человеку открываются сущности, недоступные иным путем.

Макророли*:* правда (актор), красота (претерпевающий) и наоборот.

Оператор времени*:* форма настоящего времени несовершенного вида указывает на постоянно присущее объекту действие, свойство, состояние.

Модальность*:* эпистемическая — выражается мнение; деонтическая — отражает нормы социального поведения.

Иллокутивная сила*:* ассертив — утверждается, что правду можно познать через красоту; косвенный директив — следует видеть, чтобы понимать и воображать, чтобы понять смысл увиденного.

Правда понимается как реально существующее явление, как смысл вещей, их суть, которая прекрасна и доступна человеку, способному видеть, через наблюдение и воображение, через наслаждение красотой. В этом поэт видит реальное существование жизни и истины.

Компоненты *beaut*y и *truth* метафорически переосмысляются и наполняются разным содержанием в каждой части данного произведения.

Образный фрейм: красивые вещи, созданные человеком, передают те ощущения, которые испытывал художник, сотворивший их, наблюдая за красотой природы. Ощущая красоту жизни через доступные его чувствам образы, человек познает истинную правду о ней.

Окказиональный фрейм: разговор поэта с вазой, на которой изображен влюбленный пастух, бегущий за своей возлюбленной, величественный жрец, готовящийся к жерт-

вприношению, музыкант, играющий на флейте. Неутоленная страсть юноши остается чистой вечной любовью, лишенной греха и разочарования, украшенная праздничными лентами телица никогда не станет жертвой ритуала язычника. Музыка, которая не слышна, звучит в воображении человека и от этого становится еще проникновеннее. Красота вазы не стареет с годами и дает возможность смертным людям познать высшую правду о жизни. В разговоре поэта с читателем речь идет о любви: к человеку, к музыке, к Богу, к Красоте и Истине, которая существует в реальной действительности.

Обобщенный фрейм представляет ситуацию в центре которой находятся две вещи, связанные между собой общим признаком, отражением действительности в гармонии. Ср. 3-й тип логико-семиотической модели Г.Л. Пермякова: «Если две вещи связаны, то если одна обладает каким-то свойством, то и другая обладает этим же свойством [Пермяков 1978, 110]. Красота истинна только тогда, когда отражает, гармонично представляет жизнь, реальную действительность; и жизнь кажется нам настоящей, истинной, когда мы видим в ней красоту, гармонию.

Пословичный сценарий как наложение фреймов:

Прагматический пик*:* правда и красота, которые меняются местами в структуре данного тропа.

Тип фокусной структуры — сентенциальный.

Потенциальная фокусная область — красота есть правда, а правда — красота.

Фактическая фокусная область —красота как правда.

Экспрессивно-оценочная составляющая. Претензии на искренность. Поэт искренен в своем желании видеть красоту и познавать смысл увиденного и хочет научить этому читателя. Оценка культурно-значимого смысла и ситуаций его использования положительная, сопровождается эмоциями восхищения.

Регулятивная составляющая. Претензии на правильность. Поэт считает, что поступает правильно, когда дает совет читателям и другим поэтам воспринимать действительность через призму красоты. Для него прекрасное повсюду: и в чудесных рисунках

на вазе, и в музыке флейты, и в стрекоте кузнечика, и в образе влюбленного юноши, летящего на встречу с возлюбленной, и в мгновенной потрясенности человека, переживающего мимолетность жизни на берегу океана вечности. В поэтическом призыве реализуются заложенные в семантике пословицы деонтические нормы: следует знать правду о жизни, уметь видеть прекрасное в обычном, чтобы ценить красоту жизни. Стереотип: люди часто не замечают красоту вокруг себя, которая живет в самых на первый взгляд обычных вещах.

Ш.3. Социоморфная метафора «Правда — атрибут бедности и благородства»

Правда в лаптях, а кривда в сапогах (квалитатив социальной несправедливости); *Sooth saws be to lords lothe* (квалитатив нежелательности для богатых); *Truthfulness becomes the gentleman* (квалитатив ценности); *Правда на миру стоит и по миру ходит* (квалитатив низкого социального статуса).

В русской лингвокультуре правда ассоциируется с образом простого человека, крестьянина. В английской культуре высокая ценность правды связывается с образом благородного человека, изначально принадлежащего высшему обществу: *Truthfulness becomes the gentleman.* Но также указывается, что богатые люди не любят слушать правду. Как пишет К. Фокс, классовая принадлежность в английской культуре не связана с занимаемой должностью, зарплатой, дорогим домом или одеждой, а в большей степени с речью людей. Англичане очень следят за своей речью и никогда не скажут лишнего, особенно о себе, даже назвать свое имя или место жительства для них подобно вырыванию зуба [Fox 2004, 44].

Анализ пословицы *Всяк правду хвалит, да не всяк при ней держится* показывает эмоциональную оценку ситуации, в центре которой находится говорящий субъект, который испытывает чувство досады, упрекает, предупреждает и критически оценивает поведение людей, чьи слова расходятся с делами. Эталон: следует отвечать за свои слова. Стереотип: люди часто говорят правильные слова, а ведут себя совсем иначе, нарушая все законы нравственности.

Пословица *Правда в лаптях, а кривда в сапогах* (квалитатив социальной несправедливости) фиксирует в своей семантике эталон о государственном устройстве, где все люди были бы равны, и материальные блага распределялись бы в соответствии с потребностями. Стереотип: люди, имеющие власть, используют свое служебное положение в своих личных целях, а простому человеку некуда обратиться за помощью и приходится обходиться малым.

Ш.4. Временная метафора

Правда не стареет (квалитатив вечности); *Правда стара, да не умирает, ложь помоложе, да не долго живет* (квалитатив неизменности); *Time is the father of truth* (квалитатив проверки временем); *Truth is always green* (квалитатив вечной молодости) (ср. *Правда всегда молода*); *Вранью да небылицам — короткий век* (квалитатив временности существования); *Все минется — одна правда останется* (квалитатив единственности, вечности).

Анализ пословицы *Все минется — одна правда останется* дает возможность выявить эталон единственности правды, истинность которой проверяется временем. Стереотип: люди обычно скрывают свои проступки, особенно те из них, за которые они могут быть осуждены по закону. Пословица говорит: нужно знать, что справедливость все равно наступит, придет время, и вся правда выйдет наружу, людям, совершившим серьезные проступки все равно рано или поздно придется за них отвечать.

Приведем анализ коммуникативного эпизода из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», где используется пословица «Все минется — одна правда останется» с помощью модели КДМ.

К старцу Зосиме, когда он еще не был монахом, приходит таинственный посетитель, много лет назад совершивший убийство любимой женщины. Теперь он женат, имеет детей, занимает высокое положение в обществе. Его уважают жители города и любят родные, но он мучается оттого, что скрывает от них ужасную правду и чувствует себя

недостойным ни любви близких, ни уважения окружающих. Зосима убеждает своего таинственного посетителя публично покаяться в совершенном преступлении.

Коммуникативная составляющая. Зосима использует пословицу, поскольку они всегда понятны носителю языка, кратко характеризуют ситуацию, дают ей определенную оценку и косвенно побуждают слушающего к действию благодаря социальным нормам поведения, которые там заложены. Он использует коммуникативную стратегию, целью которой является достижение взаимопонимания и побуждение слушающего к действию.

Констативная (когнитивная) составляющая. Используемая старцем пословица «**Все минется, одна правда останется**» моделирует ситуацию противопоставления проходящих земных страданий и вечных духовных ценностей, связанных с высшей Истиной. Пропозиция включает одноместные предикаты с аргументами *всё* (земное) и **правда** (истина, справедливость).

Классы глаголов: *миновать* — ‘пройти, кончиться, остаться позади’ — accomplishment (завершение), *остаться* — ‘быть, пребывать, не удаляться, не изменять своего места, положения’ — achievement (достижение результата действия).

Тематические отношения: все (эффектор), правда (эффектор, если действие рассматривается как неконтролируемое, и агенс, если это контролируемое действие) [Van Valin 1993]. Возможно переосмысление компонента *правда* как абстрактного понятия, за которым стоят объективные законы природы (в случае неконтролируемого действия) или как Бога, контролирующего все происходящее носителя высшего знания, Истины.

Макроролиː всё (претерпевающий), правда (претерпевающий или актор).

Экспрессивно-оценочная составляющая: говорящий искренен, когда он использует пословицу: он, с одной стороны, от всего сердца сочувствует страдающему преступнику (*Измучил он мое сердце*) и успокаивает его (*Дети поймут, когда вырастут*), а с другой — глубоко верит в то, что только признав свою вину публично, человек обретет покой в своей душе. Зосима оценивает ситуацию одновременно эмоционально и рацио-

нально (*Поймут все подвиг ваш, не сейчас, так потом поймут, ибо правде послужили, высшей правде, неземной*).

Модальность*:* алетическая, т.к. моделируется возможная ситуация, соответствующая фактам действительности, или эпистемическая, если выражается мнение, что нравственные и духовные категории вечны и представляют высшую ценность и высшего судью.

Регулятивная составляющая. Претензии на правильность реализуются в интерперсональных отношениях хозяина и гостя, а также в социальном аспекте, поскольку посетитель старца — преступник, нарушивший закон человеческого общежития и одну из заповедей Христа (Не убий). Зосима репрезентирует себя как советчик, наделенный этим правом своим жизненным опытом и верой. Опираясь на деонтические нормы, заложенные в пословице (Нужно терпеть земные страдания, которые преходящи, ради высшей правды, которая вечна; нужно жить по совести и бояться суда высшего, а не человеческого), он побуждает преступника покаяться в содеянном, убеждает его принять правильное решение, достигнув взаимопонимания в беседе. Утвердительное по форме пословичное выказывание является косвенным директивным речевым актом, который предписывает нормы нравственного поведения, опираясь на стереотип, согласно которому люди скрывают негативные факты своей биографии, боясь общественного осуждения

IV. Заключение

Наш анализ показал, что *Правда* репрезентируется в английских пословицах как могущественное, самодостаточное явление, нежелательное, опасное, но высоко оцениваемое. Пословичная картина мира отражает различия в языковом видении объекта.

Русский пословичный концепт-стереотип, отражающий ценность «правда», более сложный по структуре, чем английский, и отличается аксиологической составляющей, идеей социальной справедливости, которая входит в ядро русского концепта-стереотипа и отсутствует в английских пословицах о правде. Единственная английская пословица, которую можно связать с идеей справедливости, *Fair fall truth and daylight*, связана со

справедливостью в ее религиозном понимании, но идея социальной справедливости отсутствует в их культурном представлении о правде.

Как можно было убедиться в результате анализа пословиц как оценочных суждений, модус фиктивности в структуре метафорических пословичных высказываний сохраняется, хоть и несколько ослаблен в силу опоры на эталоны и стереотипы. На первый план в русской культуре чаще выходит эмотивный модус, в английской оценочный, что связано с опорой на систему ценностей каждой лингвокультуры, рациональной, индивидуалистической английской культуры маскулинного типа и коллективистской русской, эмоциональной культуры с женским началом, которая в последние годы приобретает характеристики мужского типа.

Проведенный сопоставительный анализ показал как универсальное, так и специфическое в структуре метафорических образов пословиц с компонентами Правда и Truth. Универсальное проявляется в довольно ограниченном выборе областей целей и источников концептуальной метафоры, которые совпадают у носителей двух даже неблизкородственных языков. Национально специфическое связано с включением в ядро русского пословичного концепта идеи социальной справедливости, а также с изменением фокуса метафорического концепта, связанного с позицией наблюдателя и системой ценностей, характерной для каждой лингвокультуры.

Если говорить о паремиях с позиций выражения эмоций, то в английских паремиях проявляется архетип моряка, воина, одобряется скрытность, сдержанность в разговоре, запрет на проявление эмоций, за исключением удивления и триумфа (см.[Fox 2004]), храбрость, прямолинейность, даже некоторая грубость и агрессивность, уверенность в себе и своих силах, аллегорически представленная в образе благородного воина, способного дать отпор врагам и постоять за себя, а также как Закон жизни, который требует подчинения и предупреждает об опасности.

Русские паремии показывают тип личности крестьянина, для которого характерна скромность, миролюбие, некоторая неуверенность в себе и в своем будущем, сомнения, и

все же страстная надежда на лучшее, на помощь высших сил и нравственные нормы социального поведения, проявляется обида за отсутствие социальной справедливости, отражается тип коллективистской культуры, ориентированной не только на свои интересы, но и на интересы другого человека. В русских паремиях представлены два аллегорических образа: Правда—Истина как высшее знание, идеал, общественный порядок, основанный на справедливости, честности, к которому нужно стремиться, но который недостижим на грешной земле, и крестьянская Правда-Матка как реальное положение дел, далекое от идеала, к которому нужно приспосабливаться и рассчитывать только на себя.

Список источников и сокращений

СМ — Славянская мифология 2002:397. Энциклопедический словарь. М.: Международные отношения, 2002.

СГТ — Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». М.: Информация XX1 век, 2002.

Литература

Абакумова О.Б. Использование падежной и референциально-ролевой грамматики в описании семантики пословиц (на материале пословичных концептов Правда и Truthв русской и английской пословичных картинах мира) // Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке. СПб: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2008. С. 148—153.

Абакумова О.Б. Пословицы в языке, сознании и коммуникации. СПб: Алеф-пресс, 2012.

Абакумова О.Б. Пословичные концепты в паремическом дискурсе: Автореферат дисс. докт. филол. наук. Орел. 2013.

Беляевская Е.Г. Антропоцентризм в конструировании метафорических концептов // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVII. С. 119—127.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Классификация фразеологизмов: новый взгляд на классическую проблему // Слово, фразеологизм, текст в литературном языке и говорах. Орел: ОГУ, 2010. С.80—87.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии. М.: Флинта, Наука, 2013.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985.

Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 11—26.

Григас К. Литовские пословицы: Сравнительное исследование. Вильнюс: Вага, 1987.

Даль В.И. Пословицы русского народа. СПб: Авалон, Азбука-классика, 2007.

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. Изд. 2е, стереотипное. М.: Советская энциклопедия, 1966.

Зимин В.И., Спирин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь. Изд. 2, стереотипное. Ростов н/Д.: Феникс, Москва: Цитадель-трейд, 2005.

Иоанесян Е.Р. Об одном классе высказываний с эталонами и стереотипами // Когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике и смежных науках: современные проблемы и методы исследования. Материалы X Международного конгресса по когнитивной лингвистике. Когнитивные исследования языка. Вып.2(41), 2020а. С. 87—91.

Иоанесян Е.Р., Рябцева Н.К., Ковшова М.Л., Дронов П.С., Орлова О.С. Представление эмоциональной сферы человека на материале разных языков. М.-Ярославль: Издательство Канцлер, 2020б.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.

Кибрик А.А., Плунгян В.А. Функционализм // Современная американская лингвистика. М.: 2002. С. 276—339.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: Либроком, 2013.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры. М.: ЛЕНАНД, 2019.

Ковшова М.Л. Прилагательное эмоциональной оценки страшный: значение и употребление // Иоанесян Е.Р., Рябцева Н.К., Ковшова М.Л., Дронов П.С., Орлова О.С. Представление эмоциональной сферы человека на материале разных языков. М.-Ярославль: Издательство Канцлер, 2020. С. 124—165.

Кууси М. К вопросу о международной системе пословичных типов (опыт классификации количественных пословиц) // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка. (Структура, смысл, текст). М.: Наука, 1978.

Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.XXIII. М.: Прогресс, 1988. С. 12—51.

Ларина Т.В. Англичане и русские: язык, культура, коммуникация. М.: Языки славянских культур, 2013.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Народная мудрость. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. Изд. 5-е, испр. М.: Издательство ЛКИ, 2008.

Пермяков Г.Л. О смысловой структуре и соответствующей классификации пословичных изречений // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка. (Структура, смысл, текст). М.: Наука, 1978. С. 105—135.

Пермяков Г.Л**.** Пословицы и поговорки народов Востока. М.: Лабиринт, 2001.

Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Международные отношения, 2002.

Словарь гендерных терминов / под ред. А.А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». М.: Информация XX1 век, 2002.

Стернин И.А., Прохоров Е.Ю. Русское коммуникативное поведение. М.: Флинта, 2002.

Телия В.Н. Предисловие // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988а. С.3—10.

Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988б. С. 26—52.

Фролова О.Е. Мир, стоящий за текстом. Референциальные механизмы пословицы, анекдота, волшебной сказки и авторского повествовательного художественного текста. М.: Издательство ЛКИ, 2007.

Abakumova O., Korostenskij J. Reference, evaluation and codes of culture in Russian and Czech proverbs of Truth and Lie // XLinguae, Vol.13, Issue 2, April, 2020. C.133—139.

Dronov P., Ioanesyan Ye., Kovshova M. Images of fear in language communities and cultures: the case of Slavic, Germanic and Celtic languages// Wizerunek / Image jako kategoria teorii kommunikacii, antropologii kultury I semiotyki tekstu: Materialy miedzynarodowej konferencji naukowej 26—28 czerwa 2019. Uniwersytet Warminsko-Mazurski w Olszztyne. Centrum Nauk Humanistycznych. Olsztyn, 2019. S. 26—27.

Fox K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour. London: Hodder and Stoughton Ltd, 2004.

Gibbs R.W. Psycholinguistic studies on the conceptual basis of idiomaticity // Cognitive linguistics.1-4. 1990. Pp.417—451.

Gorer J**.** Exploring English Character. New York: Criterion Books, 1955.

Habermas J**.** The Theory of Communicative Action. Vol.1 Reason and the Rationalisation of Society. Boston: Beacon Press, 1987.

Hofstede G. Culture’s Consequences: Comparing Values, Behaviour, Institutions and Organizations Across Nations. Second ed. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2008.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980.

The Penguin Dictionary of Proverbs / *Editors R.* Fergusson, J. Law. London: Market House Books Ltd, 2000.

Van Valin R. Ir. Advances in Role and Reference Grammar. Amsterdam, 1993.

Conceptual metaphors, emotions and evaluations, standards and stereotypes in Russian and English proverbs of Truth

Olga B. Abakumova (Orel State University named after I.S. Turgenev)

The paper deals with revealing conceptual metaphors, ways of expressing emotions and values, implicated fixation of standards and stereotypes in semantic structure and pragmatics of proverbs both taken in isolation, and in actualized regime in the context of fiction. Universal and national specific features of proverbial concept are brought out by means of cognition-discourse model of proverb's sense actualization (CDM) in communicative episodes based on the texts of fiction.

Keywords: proverbs, conceptual metaphor, emotions, evaluations, standards, stereotypes, cognition-discourse modelling.

DOI: 10.37892/2218-1393-2021-15-2-51-100

К семиотико-лингвистическому анализу рассказа Л.Н. Толстого «Прыжок»

А.Н. Барулин (Институт языкознания РАН)

Аннотация

В статье проводится референциальный, лексический, прагматический, семиотический и литературоведческий анализ рассказа Л.Н. Толстого «Прыжок», в контексте жизненных обстоятельств автора, его отношения к Дарвину и дарвинизму.

Ключевые слова

Русская художественная литература, литература для детей, Лев Толстой, Дарвин, лексика, профессиональный морской подъязык и общеупотребительный язык, постулаты Грайса, параллелизм в смысле А.Н. Веселовского, соотношение референциального и реального миров, пространственная семиотика корабля.

0. Вводные замечания

«Прыжок» — один из самых любимых читателем детских рассказов Л.Н. Толстого. О нем много написано. Для меня наиболее интересным и безусловно ценным его анализом является работа А.К. Жолковского и Ю.К. Щеглова «Ex ungue leonem» [Жолковский, Щеглов 2017], посвященная, правда, не конкретно данному рассказу, а широкому сравнению детских рассказов Л.Н. Толстого с его же произведениями для взрослых на обширном фоне других произведений писателя и мировой литературы. Сложный для понимания текст монографии, разбросанность замечаний о глубинной и поверхностной структуре рассказа, его глубинных и поверхностных персонажах, а также так называемых приемах выразительности, разумеется, не позволяет мне надеяться на его полное понимание и исчерпание всех идей, в нем заложенных, но уже не позволяет и не опираться на его глубокие теоретические и детальные наблюдения.

Целью моей работы является именно семиотический анализ рассказа. Как семиолога меня будет интересовать здесь в первую очередь референциальная сторона рассказа, т.е. анализ реалий, упоминаемых Толстым в рассказе, их номинация, их функции в конструкции сюжета, возможность и типичность событий, описываемых в рассказе, для реального мира, глубинные роли реалий в абстрактных схемах сюжета, способы обозначения идей, которые автор хочет донести до адресата и сама система этих идей.

1. Об адресанте, адресате и назначении текста (иллокутивном контексте)

Рассказ «Прыжок» был написан в 1880 г., в период, когда писатель, переживая глубокий духовный кризис, описанный им в «Исповеди», на время отошел от интенсивной литературной работы и занимался созданием сборников небольших, похожих на притчи рассказов для детей под названием «Русские книги для чтения» и «Новая азбука». Рассказы имели дидактический характер и были литературным продолжением или приложением к его педагогическим опытам, когда в организованных им школах для крестьянских детей он и его сподвижники-учителя вели занятия по разработанной Толстым оригинальной методике. «Прыжок» размещен в 4-й «Русской книге для чтения».

Рассказ, как кажется, посвящен морской тематике и можно было бы предположить, что он призван расширить кругозор крестьянских детей, познакомить их с неизвестной им профессией моряка, с морской романтикой. Поскольку у рассказа есть подзаголовок «Быль», можно было бы предположить, что автор хочет познакомить детей с конкретным событием, случившимся в жизни с конкретными людьми на конкретном корабле. Тогда для полной достоверности он должен был бы назвать героев их истинными именами, назвать конкретный корабль его собственным именем. Это придало бы повествованию больше достоверности. Однако уже сам выбор лексики, с помощью которой писатель изображает события рассказа-были, не оправдывает такого рода ожиданий. Первым существительным, которое нам встречается в рассказе, является слово КОРАБЛЬ. Толстой не уточняет ни тип корабля (шлюп, корвет, фрегат, линкор, шхуна, бригантина, пароход), ни название какого-нибудь из реально существовавших во времена кругосвет-

ных плаваний русских кораблей («Кроткий», «Надежда», «Байкал», «Паллада», «Калевала», «Крейсер», «Аврора» и т.д.). Прием именования героев повествования абстрактными, а не конкретными, характерен не для были, а для поговорки («не в свои сани не садись» (в чьи сани, при чем здесь сани, кто не садись), «заставь дурака Богу молиться, он лоб расшибет»), басни, где действуют неопределенные волки, ягнята, вороны, лисы, сказки. Так используется лексика в евангельских притчах, в коротких текстах, в которых важны не сами герои, не детали, позволяющие придать описанию правдоподобие, а отношения между ними и ситуации, в которые они попадают. Называя героев рассказа, Толстой не использует ни одного собственного имени, только имена классов объектов, к которым принадлежат герои: «мальчик», «матросы», «народ», «сын капитана корабля», «капитан корабля», «обезьяна», «мачта», «перекладина». Так же используется лексика в евангельских притчах: герои именуются там по отношению родства (*отец*, *сын*, *брат*, ср., например, притчу о блудном сыне), по роду деятельности (например, *виноградарь* в притче о бесплодной смоковнице), по принадлежности к социальному классу (например, *раб, рабы* в притче о брачном пире), по принадлежности к роду человеческому (например, *некто* в притче о бесплодной смоковнице, *некоторый человек* в притче о блудном сыне, в притче о богатом и Лазаре) и т.д. Такого рода текстам, правда, свойствен скрытый или явный параллелизм в смысле А.Н. Веселовского, подразумевающий интерпретацию действующих лиц повествования действующими лицами мифа, религиозного текста или социума: в пословицах, употребляемых к месту, имеются в виду конкретная ситуация и конкретные люди, которых имеет в виду говорящий и которые являются действующими лицами этой конкретной ситуации, в баснях антропоморфным персонажам фауны и флоры сопоставляются люди, иногда вполне конкретные, в притчах простым людям (хозяину, виноградарю) сопоставляются Бог-отец, Бог-сын, народ Израиля. У Толстого этот параллелизм в других рассказах отсутствует. Форма притчи подсказала ему верный путь в другом отношении.

Отмеченная выше особенность выбора лексики у Толстого, как и в пословицах, баснях, притчах, является идеальным образцом выполнения трех принципов адекватной коммуникации Г.П. Грайса, которым Толстой следует интуитивно. В первом постулате содержится идея, по которой коммуникация предполагает кооперацию адресанта и адресата: адресант должен стараться донести до адресата передаваемую информацию так, чтобы адресат ее понял и воспринял адекватным образом, адресат же должен стараться понять адресанта правильно, именно так, как этого хотелось бы адресанту. К этому общему постулату в качестве разъяснения добавляется максима количества, которая требует от адресанта, а) чтобы количество информации, которую несет его текст было не меньше, чем этого требует понимание его адресатом и чем этого требует цель коммуникации; б) чтобы количество информации было не больше, чем этого требует понимание текста адресатом и чем того требует цель коммуникации. В нашем случае интенсиональный компонент языковых знаков, обозначающих корабль, героев и элементы снаряжения корабля, несут ровно столько информации, сколько требуется для представления описываемой ситуации крестьянскими детьми и цели повествования.

С тем, что такое море, Толстой познакомил детей в первой книге для чтения (см. [Толстой 1957, 116]), там же упоминаются и корабли, как суда, плавающие не в прибрежных водах, а в открытом море, где могут быть большие волны.

Как правильно отмечают Ю.К. Щеглов и А.К. Жолковский, главной целью Толстого в этом дидактическом тексте было обратить внимание детей на то, что жизнь и взаимодействие с природой таят в себе много неожиданностей, к появлению которых надо быть готовым. К опасности могут привести самые невинные и даже приятные способы времяпрепровождения, а неправильные, пусть даже кажущиеся разумными пути выхода из опасного положения, могут только усугубить эту опасность и поставить существо, попавшее в беду, на грань катастрофы. Из серьезной опасности бесполезно искать рациональный выход, полагаться надо больше на интуицию, которая на грани катастрофы работает быстрее и надежнее разума. И если жертва обстоятельств сама не может справить-

ся с ситуацией, на помощь придет близкий для нее человек, которому выход из создавшегося положения в нужный момент подскажет самый высокий и сильный вид человеческой привязанности, родительская любовь. Отмечу сразу, что сила материнской любви была воспета в русской литературе многократно. Гораздо реже в центр ее внимания попадала отцовская любовь к своему ребенку. Думается, именно это побудило писателя поместить действие рассказа на военный корабль, где присутствие женщин принципиально невозможно. Этот выбор и деликатен по отношению к женщинам, и безупречен для того, чтобы показать силу отцовской любви к своему ребенку. То же можно сказать и о другом рассказе Толстого с очень похожим сюжетом, помещенном в третьей «Русской книге для чтения», «Акула».

Для иллюстрации изложенных выше идей в нашем рассказе в качестве места действия писатель выбрал замкнутое пространство корабельной палубы.

КОРАБЛЬ — обобщенное название крупных судов, предназначенных для плавания в открытом море. В интенсионале этого слова содержится лишь самая общая информация о такого рода судах. Родовое слово (гипероним) для него — слово СУДНО. Оно способно обозначать как крупные, так и мелкие суда: лодки, яхты, шлюпки, ялики, байдарки, шаланды и т.д., которые кораблями не называют. Чем более абстрактным является слово, тем меньше в его интенсионале содержится информации, необходимой для распознавания обозначаемого словом объекта, тем большее число объектов это слово может обозначать и тем более неопределенным является обозначаемый объект. На знание именно этих свойств слова ориентируется максима Грайса. Если бы Толстой обозначил место действия, например, словом ФРЕГАТ, он ввел бы излишнюю для адресата информацию о том, что это средних размеров трехмачтовый военный корабль, обладающий достаточно серьезным вооружением, большой командой (порядка четырехсот человек), сравнительно большой скоростью и маневренностью. Кроме того, нелишним было бы рассказать о том, чем этот тип корабля отличается от других военных кораблей: корвета, линкора, брига, шлюпа и т.д. Эту информацию пришлось бы изложить крестьянским детям отдельным

текстом, что неоправданно увеличило бы объем рассказа. Дети же, наверняка, слова ФРЕГАТ не знают. То же касается и специального термина РЕЙ вместо ПЕРЕКЛАДИНА, ГРОТ-МАЧТА, вместо МАЧТА. Из всего этого следует, что писатель был хорошо знаком с объемом знаний крестьянского мальчика двенадцати лет, на которого, собственно, в основном и рассчитан этот рассказ. Информации, вводимой в текст общими словами, достаточно для понимания всех событий и идей, описанных выше, крестьянскими детьми. А благодаря неопределенности обозначения важных деталей, автору удается скрыть от наивного читателя очевидные несоответствия, которые я буду обсуждать ниже. У взрослого читателя, знакомого с устройством корабля, с условиями кругосветных путешествий, к тексту остается много вопросов, а у исследователя, знакомого с жизнью Толстого, кругом его интересов и идей, остается довольно много возможностей выявить некоторые скрытые в рассказе от поверхностного взгляда мысли писателя, вряд ли интересные для крестьянских детей.

Выше я высказал мысль о том, что анализ лексики может помочь нам отвергнуть определенные гипотезы о целях повествования. Использование абстрактной лексики для обозначения реалий рассказа уже подсказало нам мысль о том, что несмотря на подзаголовок «Быль», Толстой не заинтересован в том, чтобы более детальным описанием укрепить впечатление читателя о том, что нам рассказывается история, имевшая место в реальной жизни. Теперь покажем, что у Толстого не было цели заинтересовать детей морской тематикой.

Всякого непосвященного читателя завораживает специальная терминология, которую используют профессионалы и люди, вовлеченные в описываемый род деятельности. Можно вспомнить новеллу А.С. Новикова-Прибоя «Рассказ боцманмата», в которой главный герой, демонстрируя превосходство моряков перед «пехтурой», побеждает противника морским термином «полундра». Именно объясненная читателю морская терминология могла бы создать у читателя ощущение причастности к профессии моряка, к

морской службе, у мальчиков это могло бы проявиться в желании играть в моряков и море. Но именно этой детали мы не находим в рассказе «Прыжок».

Обратим внимание на второе предложение рассказа: *Была тихая погода*. Фраза эта может быть понята как ‘стоял полный штиль’ и как ‘дул легкий приятный ветерок’. Но первое понимание, если учесть, что имеющую большую парусность шляпу, висевшую на краю рея, ветерок не унес в океан, первый вариант ее понимания имеет некоторое преимущество. В таком случае можно задаться вопросом, почему Толстой не использовал для обозначения нужного ему смысла слово ШТИЛЬ, ведь, когда речь идет о морском пейзаже, обычно используется этот морской термин: *Стоял полный штиль*. Я бы оставил это наблюдение без внимания, сочтя это стилистической прихотью автора. Но вот еще один пример, когда в разговоре на морскую тематику предмет, имеющий специальное наименование в морском профессиональном жаргоне, Толстой в своем стремлении не использовать морские термины заменяет не очень понятным общеупотребительным словом: *Обезьяна села на первой* ***перекладине*** *мачты*. ПЕРЕКЛАДИНА — очень неточный, практически неприемлемый гипероним к термину РЕЙ (или РЕЯ, я буду пользоваться первым вариантом вокабулы). Перекладина должна составлять в конструкции, деталью которой она является, единое неподвижное целое с вертикальным брусом (ср. *перекладина креста*). Рей же не встроен намертво в мачту. Это — ее подвижная деталь, его, в отличие от перекладины, можно поворачивать по оси мачты, приводить к ветру. В словаре морских терминов рей определяется как «горизонтальное рангоутное **дерево**, подвешенное за середину при помощи боргов и бейфута к мачте или стеньге». Из этого определения становится ясно, что в общеупотребительном русском языке понятию ‘рей’ нет никакого соответствия, его гипероним — ДЕТАЛЬ РАНГОУТА, и для его именования, чтобы не вводить детей в заблуждение, лучше было бы использовать морской термин. Однако, если это все же противоречит замыслу автора, здесь его еще можно понять. Пусть и приблизительно, с ошибкой, рей все-таки можно назвать перекладиной (немного точнее было бы назвать его поперечиной). Более того, Толстой в этом не одинок.

Рис. 1.

Хотя, казалось бы, если уж назвал корабль кораблем, а мачту мачтой, а не столбом, бревном, вертикальным брусом или колонной, назови и рей реем или, на крайний случай, реей. Можно было бы даже поощрить детей в любознательности и упражнении памяти и объяснить, что реи называются по парусу, который к нему крепится, а паруса — по мачте и порядку расположения с точки зрения человека, стоящего на палубе (сочетание «первая перекладина» тоже не очень понятно, смотря откуда считать, уж лучше было бы назвать ее «нижней», но Толстой пользуется обозначением, основанным на описываемом действии: обезьяна поднимается на мачту, и нижний рей при подъеме, действительно, первый). Нижний рей в зависимости от того, на какой мачте он находится, должен был бы называться либо фока-рей, либо грота-рей, либо крюйс-рей.

Совсем уже неприемлемо именовать ванты веревкой: «*Матросы громче стали смеяться, а мальчик покраснел, скинул куртку и бросился за обезьяной на мачту. В одну минуту он взобрался по* ***веревке*** *на первую перекладину*». На мачту можно подняться только по вантам. Как это будет видно из дальнейшего, высота грот-мачты на фрегате

приблизительно равна высоте двадцатидвухэтажного дома. Мальчик, очевидно, и дальше вслед за обезьяной будет взбираться таким образом. Можно ли представить себе, что на такую высоту кто-нибудь способен забраться по веревке? Если вспомнить наши школьные занятия физкультурой в 12 лет, когда нас заставляли подниматься на высоту трех метров по канату, вряд ли можно представить себе, что мы можем преодолеть высоту в двадцать раз большую. Высота от палубы до грота-рея — тоже порядочная. Здесь Толстой просто вводит детей в заблуждение.

Рис. 2.

Лексеме ВАНТЫ тоже нет никакого соответствия в обыденном языке. В определении слова ВЕРЕВКА (‘скрученные или свитые в виде шнура длинные пряди пеньки, льна или каких-л. других материалов’ [Кузнецов 2000]) отсутствует главный элемент вантов — поперечный трос, выполняющий роль ступеньки. Самый лучший эквивалент для этого термина в обыденном языке — «веревочная лестница».

Под словом ВЕРЕВКА может иметься в виду и различного рода одиночные тросы: которые в морском подъязыке называются такими терминами, как фал, линь, леер, конец, нирал, швартов, трос, шкот, канат и т.д. Таким образом, этот пример показывает,

что в своем стремлении соблюдения правила о необходимой и достаточной информации, писатель нарушает третье правило Грайса. Информации, которую он вводит для именования этой детали корабля недостаточно для адекватного понимания ситуации.

Последней из переименованных деталей корабля является клотик, удачно названный «макушкой мачты». Здесь, по крайней мере, понятно, что имеется в виду.

Все эти примеры показывают, что в этом рассказе вся морская терминология оказывается табуированной, и это табу на нее нельзя объяснить стремлением избежать введения лишней информации: мы выяснили, что у терминов РЕЙ (РЕЯ) и ВАНТЫ в обыденном языке нет подходящего гиперонима (горизонтальное дерево рангоута слишком громоздко, научно и требует объяснения входящего в толкование слова РАНГОУТ). Из всего этого можно сделать вывод, что заинтересовать детей морской романтикой в планы писателя не входило. Наоборот, он явно не хочет отвлекать читателя от главных идей своего сюжета, которые к морю, в общем, не имеют никакого отношения.

2. Выбор сюжета и места действия рассказа. Бóльшая часть рассказов в упомянутых сборниках — переработанные писателем широко известные тексты фольклорного и религиозного характера. Некоторые взяты из произведений мировой художественной литературы. Сюжет рассказа «Прыжок» взят из американской литературы. Правда, автор его так и не выявлен. Известно лишь, что Толстой воспользовался переводом, списки которого, переписанные рукой его племянницы и крестницы Варвары Валериановны Нагорновой (урожденной графини Толстой) и потом (с поправками) женой писателя, Софьей Андреевной, сохранились в его архиве. Текст перевода был сильно переделан, сокращен и адаптирован для адресата сборника.

Каждый рассказ-притча у Толстого содержит в себе определенные идеи, которые носят иллюстративно-поучительный характер, побуждают адресата к размышлениям в заданном рассказом направлении. Поэтому и сюжет рассказа, место, где происходит его действие, выбираются не случайно. Как уже говорилось, нам будет важно в дальнейшем, что корабль — место, где живут одни мужчины, нет женщин, и где из родственников,

если таковые имеются, у детей есть только мужская часть семьи, отец и/или братья. Важным элементом сюжета для нас является соперничество обезьяны и человека, в котором человек проигрывает обезьяне, и, более того, ее поведение приводит человека к катастрофическому положению.

3. О хронотопе

Для адекватного понимания текста произведения, необходимо хорошее представление об объектах созданного в рассказе мира, его хронотопе. Поговорим вначале о времени. Афористичность маленьких рассказов Толстого, как правило, не дает возможности судить об их времени действия. Но в анализируемой «были» его определение даже необходимо для правильного представления об объектах, которые фигурируют в его канве. Подзаголовок рассказа — «Быль». Это дает нам право определить, по крайней мере, временной промежуток, который имел в виду писатель. Верхней границей этого промежутка является время написания рассказа, 1880 г. Для определения нижней границы нам надо вначале определиться со страной, под флагом которой ходил упоминаемый в тексте корабль. Как уже было сказано выше, оригинал, из которого взят сюжет, был написан американским писателем. Но американцы до 1880 г. не ходили в кругосветное плавание, из чего следует сделать вывод, что автор переносит действие своей «были» в какую-то другую страну. Тем самым, строго говоря, веру в то, что Лев Николаевич рассказывает нам о действительном случае, можно уже оставить детям. Речь пойдет о модели какого-то реального события. Догадаться, в какую страну писатель переносит действие, нетрудно: сборник называется «Русская книга для чтения», следовательно, если специально не указано, под чьим флагом ходил корабль, по умолчанию будет иметься в виду, что флаг был Российским. Если наше предположение верно, то нижней границей временного промежутка, в котором разворачиваются действия рассказа, следует признать 1806 г., когда заканчивалось первое русское кругосветное плавание Крузенштерна и Лисянского. Поскольку действие той «были», которая является оригиналом для модельного мира, воспроизведенного в рассказе, произошло, видимо, на американском корабле, мы не найдем,

и не могли бы найти ему соответствий в истории русских кругосветных путешествий. Более того, перенос действия из одной страны в другую неизбежно приводит к несоответствиям, обусловленным системностью правил, условий жизни, характерных для разных стран. Эти несоответствия проявляются в деталях, невидимых для невооруженного взгляда, которые я постараюсь далее выявить.

Естественно было бы предположить, что, не будучи моряком, в деталях описания корабля Лев Николаевич, тем не менее, опирался на свои собственные наблюдения, а подробное знакомство с ними у него впервые могло произойти во время службы в Севастополе. Если принять эту гипотезу, временной интервал, в который оказывается помещенным сюжет «Прыжка», следует сократить до 1855 г. Более точно и убедительно время действия я определю позже, когда буду анализировать «форму одежды» мальчика.

Теперь поговорим о вероятном местоположении корабля. Судя по тому, что мальчик вышел на палубу в «курточке», корабль, двигавшийся вдоль западных берегов Африки, уже вышел из зоны тропиков. Температура воздуха здесь зависит от времени года, которое Толстой также не указывает. В январе двигавшийся в обратном направлении на фрегате «Паллада» И.А. Гончаров почувствовал, что ему тепло только на подходе к острову Мадейра. Если плавание в «Прыжке» проходило летом, так тепло, что можно было выйти на палубу в курточке, а потом ее сбросить, могло быть и недалеко от побережья Португалии, Испании, Франции.

Судя по тому, что вокруг корабля летали чайки, корабль находился недалеко от берега. Несомненно и то, что он был неподвижен, стоял на якоре: даже при минимальной скорости мальчик не смог бы устоять на круглом, в форме веретена, рее, а шляпу бы сдуло легким ветерком, возникающим при движении судна.

4. О корабле

Предметные референты вводятся в модельный мир художественного произведения именами существительными, или субстантивными морфами в составе прилагательных или глаголов. При этом существительные обозначают предметные референты безот-

носительно времени. К конкретному времени событий референты «привязываются» другими частями речи. Между тем у каждого предмета реального мира, с которым соотносятся модельные объекты, имеется время существования, постоянные и переменные свойства, которые отображаются в интенсионале языкового знака. И свойства эти могут меняться в зависимости от времени, как может меняться и сам тип обозначаемого существительным объекта по умолчанию. Особенно это касается культурных объектов. Типовым кораблем в настоящее время является судно с металлическим корпусом и современным типом двигателя, например, газотурбинным или дизельным. Такому судну не нужны ни паруса, ни мачты, на которые они крепятся. В период, к которому условно относится действие рассказа (середина 1850-х годов — 1880), типовым кораблем был парусник. В рассказе должен действовать не просто парусник, а парусный военный корабль: в России в кругосветные плавания ходили только военные корабли.

Энциклопедические данные говорят нам о том, что к началу Крымской войны (1853—1856) наш военный флот состоял из 95 парусных кораблей, в число которых входило всего 16 пароходофрегатов. Пароходофрегат — парусное и одновременно колесное или винтовое судно с деревянным корпусом, снабженное паровым двигателем. После Крымской войны (и смерти Николая I) морское министерство переориентировало заказы на строительство российских кораблей с парусных на парусно-паровые корабли и корабли с паровым двигателем. Но быстро эта задача решена быть не могла. Ситуация начала кардинально меняться как раз после 1880 г.

Из этого следует, что под кораблем в своем рассказе Толстой имел в виду парусный или парусно-винтовой военный корабль. Об этом свидетельствует и тот факт, что основным местом действия была высокая мачта, на которую и обезьяна, и мальчик взбирались по «веревкам» (точнее было бы говорить по веревочным лестницам — вантам). Немного ясности добавляет нам информация о том, что корабль этот участвовал в кругосветном плавании. Из этого следует, что это мог быть шлюп, бриг, корвет или фрегат. Самые крупные военные корабли русского флота, линкоры, в кругосветных путешестви-

ях не участвовали. И шлюпы, и бриги, и корветы, и фрегаты были трехмачтовыми парусниками с полным парусным вооружением. Боевым вооружением этих кораблей служили гладкоствольные пушки, которых на первых трех типах кораблей было порядка тридцати. На фрегатах шестого ранга — до 45 пушек, на фрегатах пятого ранга — до 60 пушек, расположенных на двух палубах, открытой верхней и закрытой, которая располагалась под верхней. На кораблях первых двух типов служило порядка 160 человек экипажа, на фрегатах — порядка 450. Шлюпы были характерны для первых русских кругосветных походов, на них плавали М.П. Лазарев, Ф.П. фон Врангель (бриг «Кроткий»), Л.А. Гагемейстер, М.Н. Станюкович и Ф.П. Литке, М.Н. Васильев и Г.С. Шишмарев, В.М. Головнин, О.Е. Коцебу, З.И. Понафидин, в конце 40-х годов на военном барке («Байкал») совершил кругосветное плавание Г.И. Невельской. Корветы и фрегаты в качестве участников дальних походов характерны для 40—70-х годов того же века. На фрегате Паллада в дальнее плавание ходил И.А. Гончаров, описавший поход в книге «Фрегат “Паллада”», плавание на корвете «Калевала» под именем «Коршун» описал писатель-маринист К.М. Станюкович. В кругосветное путешествие под командованием М.П. Лазарева ходил фрегат «Крейсер». Два кругосветных плавания под командованием И.М. Изыльметьева и М.П. Тироля совершил фрегат «Аврора». Трижды в кругосветное плаванье ходил фрегат «Светлана». Я не рассматриваю здесь гражданские суда, поскольку в России они в кругосветные путешествия не ходили. Коммерческие и государственно-коммерческие организации типа Российско-американской компании для удаленной перевозки грузов пользовались услугами военных судов. На море было неспокойно не только из-за штормов и шквалов, международные отношения то и дело оборачивались войнами. Кроме того, в разных районах океана еще действовали пираты. Думаю, что Толстому ближе были все-таки кругосветные походы 50—70-х годов, и имелся в виду более частотный, чем корвет, тип кораблей — фрегат. Об этом же говорит и присутствие в его парусном вооружении редкого паруса «мунсель», о котором речь пойдет ниже.

Рис. 3.

Для анализа рассказа нам будут важны приблизительные размеры фрегата и высота мачт. Длина фрегата, как правило, была порядка 50 — 60 м, ширина — между 12 и 15 м. Высота грот мачты (от ватерлинии) — в пределах от 50 до 60 с половиной метров. Это сравнимо с высотой двадцатидвухэтажного дома. На снимке (Рис. 4) вид с грот-мачты на палубу барка «Седов» (съемка Леонида Круглова).

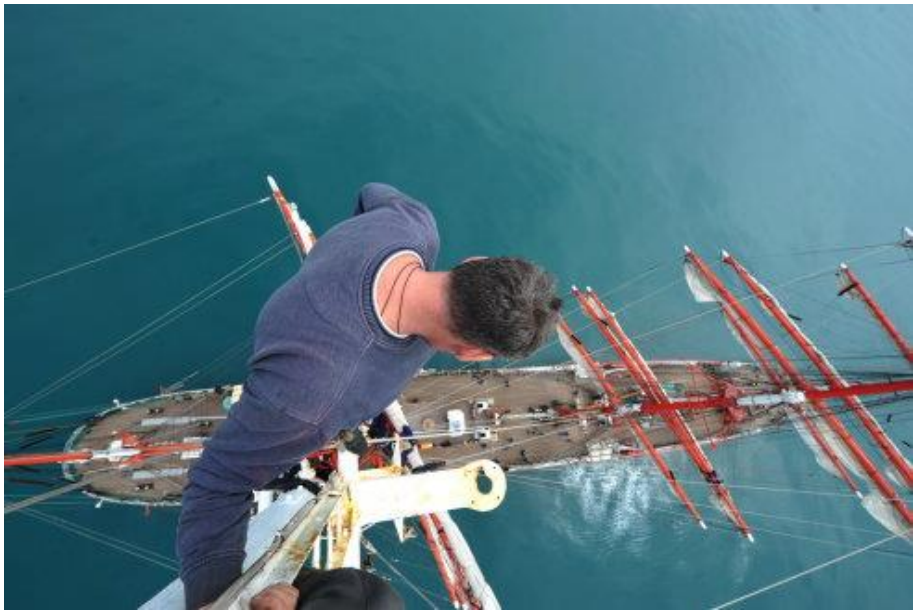

Рис. 4.

5. О кругосветном плавании

Теперь несколько слов о кругосветном плавании. На парусниках оно, как правило, длилось около трех лет и было связано с огромным напряжением для всей команды. Непарадной его стороной были тяжелейший труд по как можно более быстрой постановке и особенно уборке тяжелых, обычно мокрых парусов, работа на большой высоте под постоянной угрозой упасть на палубу или в бушующие волны с качающейся с большой амплитудой мачты, работа под ураганным, в высоких северных и южных широтах холодным, ветром, потоками воды. Крен во время шторма мог достигать 40°. Довольно часто экипаж страдал от скудной еды и плохой воды, а то и от недостатка их. Угнетали болезни и смерть членов экипажа. Для офицеров и особенно для капитана огромным напряжением было постоянное присутствие опасности не только в виде штормов, шквалов, сильного волнения, но и в виде мелей, возможности столкновения с другими судами, отсутствия пресной воды и продовольствия, болезней, столкновения друг с другом членов экипажа, недовольства матросов офицерами и т.д., необходимости принимать молниеносные решения по управлению судном, сохранять хладнокровие и мужество в особо опасных ситуациях, проявлять стальную волю при управлении людьми, которые в критические моменты должны были действовать как единый организм. К концу плавания у экипажа накапливалась усталость не только от тяжелой работы, но и от тесноты, ограниченности жизненного пространства, от постоянного общения с одними и теми же людьми, от отсутствия твердой земли под ногами, от тоски по дому и близким людям, от того, что в течение длительного времени накапливалось раздражение по поводу мелких расхождений во взглядах, конкуренции, неприятия дурных черт характера и привычек товарищей и т.д.

Эта наэлектризованность в отношениях между членами экипажа, внутреннее напряжение в любой момент из-за какого-нибудь пустяка могли привести к срывам и серьезным конфликтам даже, казалось бы, среди полной умиротворенности и безмятежности. Именно такую атмосферу расслабленности и безмятежности рисует Толстой в начале повествования.

Отмечу здесь еще одну интересную деталь. А.К. Жолковский и Ю.К. Щеглов справедливо отмечают, что пространство, в котором действуют герои детских рассказов Толстого, разделяется на опасную и безопасную зоны. Для «Прыжка» разграничение этих зон остается неопределенным. Мне представляется, что здесь они четко разделены по принципу горизонтальности и вертикальности плоскости, в которой происходит действие. Палуба символизирует в рассказе горизонтальную поверхность, параллельную поверхности моря («символизирует» потому, что в бурном море ни о каком параллелизме речи быть не может). Действие рассказа можно разделить на три части: первую, которая происходит на горизонтальной поверхности, вторую, которая происходит в вертикальной плоскости, перпендикулярной поверхности палубы и моря, на мачте и в море, и третью, которая вновь происходит на палубе. Первая характеризуется положительной динамикой развития: народ, и мальчик в том числе, забавляется, наблюдая за ужимками обезьяны, смеется, веселится, на палубе господствует мирная доброжелательная, веселая атмосфера, обезьяна веселит народ. Но вот, обезьяна забирается на мачту, действие переходит в вертикальную плоскость, настроение обезьяны резко меняется, она становится злобной, рвет шляпу мальчика и всячески старается вывести его из себя. В атмосфере появляется ощущение опасности. Напряжение растет, действие начинает развиваться в сторону катастрофы (термин А.К. Жолковского и Ю.К. Щеглова). Кульминация этого развития наступает в самой высокой точке, для мальчика — на самом высоком рее, а для обезьяны — на клотике. Далее происходит развязка сюжета. Мальчик, опять двигаясь в вертикальной плоскости, прыгает в море, погружается в него, и напряжение спадает уже тогда, когда мальчик снова оказывается на горизонтальной поверхности палубы. Точно такое же противопоставление умиротворенной спокойной горизонтальной («Безмолвное море, лазурное море//…») и напряженной трагической вертикальной плоскости («Стою очарован **над бездной** твоей…») можно обнаружить, например, в элегии В.А. Жуковского «Море» (см. анализ элегии в моей работе [Барулин 1999]).

6. О сыне капитана корабля

Для того, чтобы проанализировать поведение мальчика на рее, нам понадобятся его сухие антропометрические данные. Как показывают исторические источники (см., например, [Васильев, Боруцкая 2006; Станюкевич, Черносвитов 2006]), средний рост дворян в XIX в. был лишь незначительно меньше, современных показателей (средний рост крестьян был меньше). Поэтому можно смело опираться на современные антропометрические характеристики. Средний рост мальчика 12 лет от 143,6 до 154,5 см.

Теперь поговорим о его статусе на военном корабле. На военном корабле, как сейчас, так и тогда разрешалось находиться только военным. Исключения делались для людей, которые исполняли государственные поручения — таких, как дипломаты или как И.А. Гончаров, людей, которые должны были вести своеобразный художественный судовой журнал, чтобы описание жизни в плавании стало достоянием общественности. Из этого правила следует, что мальчик на корабле служил юнгой и носил военно-морскую форму. Образец формы юнги был таким же, как у нижних чинов. В конце двадцатых — сороковых годов форма юнги выглядела следующим образом (Рис. 5):

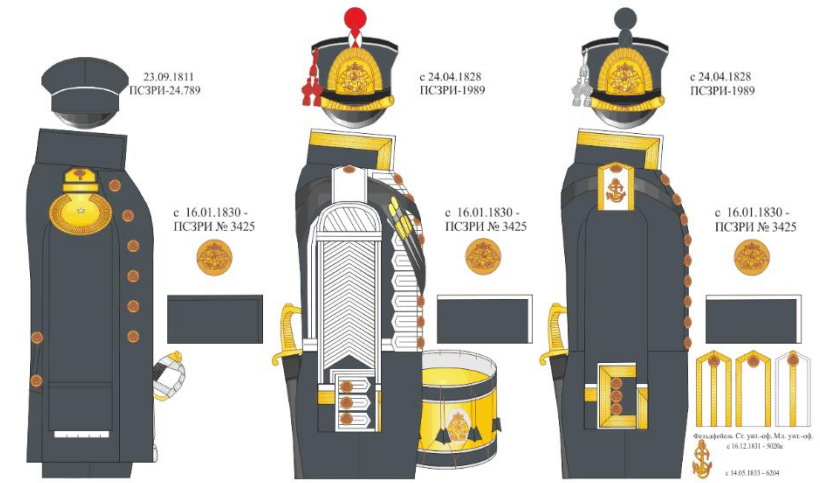

Рис. 5.

В 1850-х годах она выглядела так:

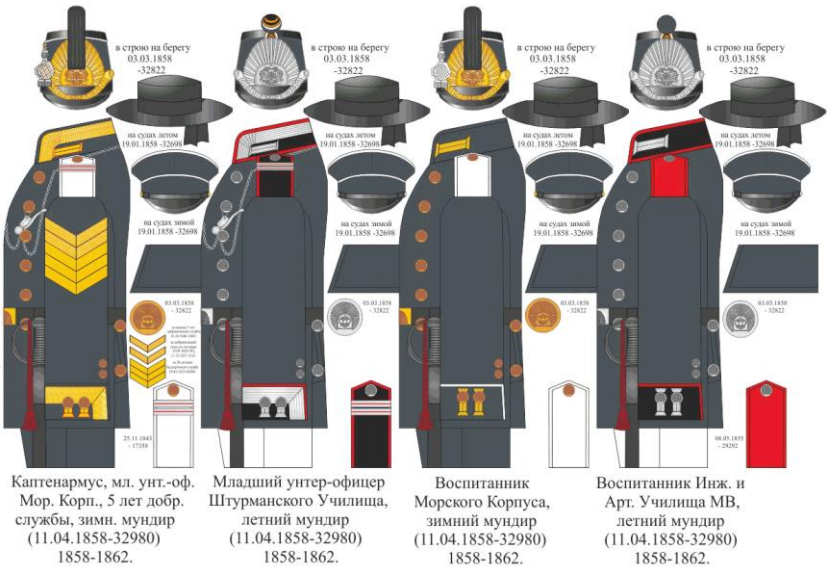

Рис. 6.

Как видно из рисунка, на кораблях летом воспитанники училищ и юнги носили куртки и шляпы с лентами. В 70-х годах их форма выглядела так:

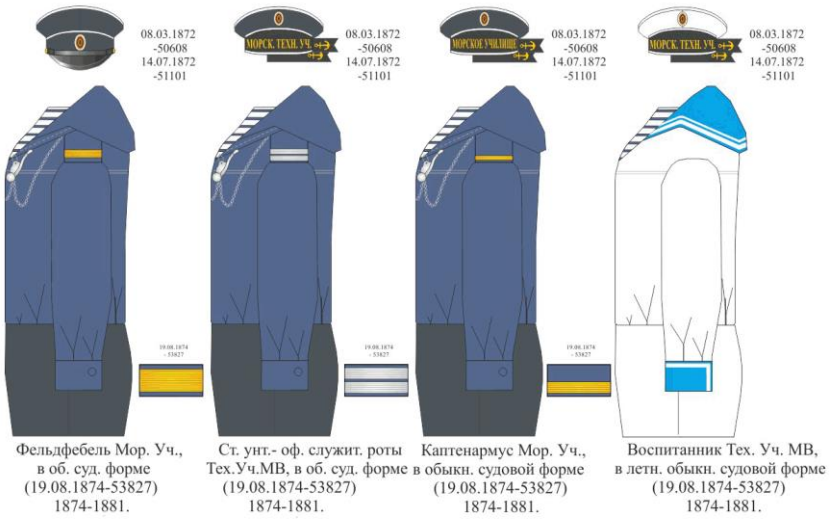

Рис. 7.

Шляпы были заменены бескозырками, а летние куртки — форменками. В рассказе Толстой говорит о шляпе мальчика и «куртке», из чего однозначно следует, что время действия относится к пятидесятым годам XIX в. Ни до, ни после шляпы не были элементом военно-морской формы нижних чинов.

Возраст читателей, на который ориентировал свой рассказ Толстой, соответствует возрасту мальчика в рассказе — 12 годам. Однако мы в своих рассуждениях должны учесть длительность кругосветного плавания. Как уже было сказано, оно продолжалось, как правило, три с лишним года, из чего следует, что в начале плавания мальчику было девять лет, что, в общем, мало правдоподобно, поскольку мальчиков принимали в кадетский корпус в 10-12 лет. Следует отметить и то, что взять ребенка в кругосветное плавание в девять лет означало подвергнуть его неоправданно высокому риску, тем более серьезному, что поведение детей, плохо умеющих предугадывать последствия своих поступков, для взрослых часто бывает непредсказуемым. Для отца, очень любящего своего сына (а таким, несомненно, и был капитан корабля), такой поступок был более, чем опрометчивым. Из известных случаев в первом российском кругосветном плавании принимали участие два морских кадета — Мориц и Отто Коцебу, младшему из них, Морицу, в начале плавания было тринадцать лет, старшему — пятнадцать. Дети были взяты в плавание по просьбе их отца и мачехи, которая приходилась Крузенштерну двоюродной сестрой. Характерно, что старший из братьев и в дальнейшем посвятил свою жизнь морю, а младший служил в пехоте и к морю в дальнейшем не приближался. Старший брат был взрослее, выносливее и сильнее, чем младший, и ему служба на море понравилась, стала его призванием. Младшему мальчику служба на корабле давалась с огромным трудом, и страх его перед морем, а его испытывает каждый моряк, был гораздо менее преодолимым, чем для его старшего брата.

Из рассказа не очень понятны переживания мальчика по поводу потери шляпы. С точки зрения современного молодого человека без головного убора летом вполне можно обойтись. Она не может дорого стоить, отца мальчика не очень обременит покупка ему новой шляпы. Мальчику на корабле можно ходить в чем угодно.

Переживания юнги становятся более понятны, если учесть семиотическое разделение пространства корабля на внутреннее, интимное (например, пространство каюты) и внешнее, общественное (пространство палубы). Вне корабля эти два вида пространства

противопоставлены, как в городе улица и спальня. Спальня — личное пространство человека, вход в которое для постороннего правилами этикета разрешается только с позволения того, кому она принадлежит. В собственной спальне можно ходить и в неглиже. Улица — общественное пространство, в котором действуют правила общественного поведения. По ним было положено ходить в полном «снаряжении», мужчинам летом — в соответствующей верхней одежде, шляпе и с тросточкой, военному — в полном обмундировании, которое также обязательно подразумевает головной убор. Головной убор исполнял не только предохранительную (чтобы не мерзла голова, не напекало солнце), но и семиотическую функцию: его приподнимали при встрече со знакомыми в знак приветствия, а военные прикладывали к нему пальцы правой руки. При входе в помещение головной убор было положено снимать, снимали его и при виде покойника. Крестьяне снимали его еще и перед барином, демонстрируя ему свою покорность.

И.А. Гончаров в своем художественном бортовом журнале «Фрегат Паллада» называет палубу «улицей», имея в виду параллель между правилами поведения на улице и правилами поведения на палубе.

Так же воспринимает палубу и мальчик. Когда обезьяна сорвала с его головы шляпу, она нарушила целостность его униформы. В городе не то, что за отсутствие головного убора, за незастегнутую пуговицу или нечищенную обувь патруль и сейчас может наказать военнослужащего. Так же и по палубе военный моряк должен ходить в правильной униформе, в частности, его голова должна быть увенчана головным убором. В начале действия мальчик еще надеется, что обезьяна вернет ему шляпу. Поэтому он, не зная, что будет дальше, не может понять плакать ему или смеяться. Когда же она начинает рвать шляпу зубами, она лишает его обязательного элемента формы одежды, превращая его в непроизвольного нарушителя воинской дисциплины. Чувство полноты обмундирования, его уставного вида у военных развито особенно остро. Автор этой работы, носивший военно-морскую форму с 11 лет, знает это по собственному опыту. Для маль-

чика 12 лет, лишенного на корабле сверстников, проведшего в окружении взрослых 3 года, стремящегося к соблюдению взрослых стандартов поведения, это особенно важно.

Отступление. Толстой и Дарвин

Для того, чтобы сделать более понятным следующий шаг в моем рассуждении, мне придется отступить от темы исследования и вернуться к некоторым подробностям духовной жизни автора.

В разгар работы над романом «Война и мир» появился перевод на русский язык выдающегося труда Ч. Дарвина «Происхождение видов» (1864). Перевод был сделан другом семьи писателя С.А. Рачинским. Русское интеллектуальное сообщество остро отреагировало на появление этого замечательного труда, расколовшись при этом на сторонников и противников английского ученого. Полемика между ними шла и в печати, и в публичных выступлениях, и в салонах, и в аудиториях учебных заведений. Еще больше она обострилась после выхода второй знаменитой работы Дарвина — «Происхождение человека и половой подбор» (1871; русский перевод появился в том же году). Накал полемики хорошо виден в стихотворении А.К. Толстого «Послание к М.Н. Лонгинову о дарвинисме», сатирически отобразившем общественное мнение сторонников дарвинизма, направленное против непримиримого его противника, начальника Главного управления по делам печати М.Н. Лонгинова. Не могу отказать себе в удовольствии привести его здесь целиком.

Послание к М.Н. Лонгинову о дарвинисме

Я враг всех так называемых вопросов.

Один из членов Государственного совета.

Если у тебя есть фонтан, заткни его.

Козьма Прутков.

1

Правда ль это, что я слышу?

Молвят овамо и семо:

Огорчает очень Мишу

Будто Дарвина система?

2

Полно, Миша! Ты не сетуй!

Без хвоста твоя ведь жопа,

Так тебе обиды нету

В том, что было до потопа.

3

Всход наук не в нашей власти,

Мы их зёрна только сеем;

И Коперник ведь отчасти

Разошёлся с Моисеем.

4

Ты ж, еврейское преданье

С видом нянюшки лелея,

Ты б уж должен в заседанье

Запретить и Галилея.

5

Если ж ты допустишь здраво,

Что вольны в науке мненья —

Твой контроль с какого права?

Был ли ты при сотворенье?

6

Отчего б не понемногу

Введены во бытиё мы?

Иль не хочешь ли уж Богу

Ты предписывать приёмы?

7

Способ, как творил Создатель,

Что считал Он боле кстати —

Знать не может председатель

Комитета о печати.

8

Ограничивать так смело

Всесторонность Божьей власти —

Ведь такое, Миша, дело

Пахнет ересью отчасти!

9

Ведь подобные примеры

Подавать — неосторожно,

И тебя за скудость веры

В Соловки сослать бы можно!

10

Да и в прошлом нет причины

Нам искать большого ранга,

И, по мне, шматина глины[2]

Не знатней орангутанга.

11

Но на миг положим даже:

Дарвин глупость порет просто

Ведь твоё гоненье гаже

Всяких глупостей раз во сто!

12

Нигилистов, что ли, знамя

Видишь ты в его системе?

Но святая сила с нами!

Что меж Дарвином и теми?

13

От скотов нас Дарвин хочет

До людской возвесть средины —

Нигилисты же хлопочут,

Чтоб мы сделались скотины.

14

В них не знамя, а прямое

Подтвержденье дарвинисма,

И сквозят в их диком строе

Все симптомы атависма:

15

Грязны, неучи, бесстыдны,

Самомнительны и едки,

Эти люди очевидно

Норовят в свои же предки.

16

А что в Дарвина идеи

Оба пола разубраны —

Это бармы архирея

Вздели те же обезьяны.

17

Чем же Дарвин тут виновен?

Верь мне: гнев в себе утиша,

Из-за взбалмошных поповен

Не гони его ты, Миша!

18

И ещё тебе одно я

Здесь прибавлю, многочтимый:

Не китайскою стеною

От людей отделены мы;

19

С Ломоносовым наука

Положив у нас зачаток,

Проникает к нам без стука

Мимо всех твоих рогаток,

20

Льёт на мир потоки света

И, следя, как в тьме лазурной

Ходят Божии планеты

Без инструкции ценсурной,

21

Кажет нам, как та же сила,

Всё в иную плоть одета,

В область разума вступила,

Не спросясь у Комитета.

22

Брось же, Миша, устрашенья,

У науки нрав не робкий,

Не заткнёшь её теченья

Ты своей дрянною пробкой!

<Конец 1872>

В этом замечательном стихотворении мне важны несколько идей, которым противостоит поздний Л.Н. Толстой, Толстой 1880—1900-х годов. Наука самодостаточна, она развивается вне зависимости от религиозных догм, ее достижения не отменяют веру в Бога, а лишь меняют взгляды на его замысел в отношении природы, ее утверждения можно опровергнуть лишь фактами. В случаях расхождения в трактовке утверждений надо доверять науке (гелиоцентрическая теория Коперника, поддержанная Галилеем), а не религиозным представлениям о мире. Это утверждение восходит к утверждению Галилея, писавшего в свое время: «Ни одно изречение Писания не имеет такой принудительной силы, какую имеет любое явление природы». Достижения науки нельзя запретить хотя бы потому, что она интернациональна и не подвластна законам одного государства. А российская наука уже воссоединилась с мировой благодаря Ломоносову. Наука вне политики (ср. пассаж о нигилистах, как и А.К. Толстой поддерживающих теорию Дарвина). Хороший политик не должен объединяться с противником своей политической партии, даже если их взгляды совпадают в отношении к научной теории.

Увлеченный во время работы над «Войной и миром» поисками закономерностей в развитии истории, как отметила в своей лекции «Теория Дарвина и Лев Толстой» О.Е. Майорова [Майорова 2021], Л.Н. Толстой, ознакомившийся с основными идеями «Происхождения видов», вначале отнес их к позитивному сдвигу во всей парадигме естественнонаучных исследований. В черновике восьмой главы второй части эпилога он писал: «Как в вопросе астрономии, так и в вопросе humaniores (гуманитарных наук (?) — А. Б.) настоящего времени всё различие взгляда основано на признании или непризнании абсолютной неподвижной единицы, служащей мерилом изменения явлений. В астрономии это была неподвижность земли, в humaniores это — неподвижность личности, души человеческой» [Толстой 1955, 233]. Как видно из этого отрывка, корень вопроса, касающегося открытия законов истории, по мнению автора «Войны и мира», лежит во взгляде на личность, на возможность ее развития, на динамичный характер личности, которая меняется в зависимости от исторического контекста. Взгляд на личность как на нечто,

неподвижное в своем развитии, Толстой сравнивает со взглядом астрономов на неподвижность Земли, вокруг которой якобы вращаются Солнце и планеты, со взглядами биологов на виды и разнообразие животного мира, раз и навсегда заданные со времен сотворения мира. Далее Толстой указывает на науку как движущую силу изменения картины мира в сознании просвещенного человека: «Как в том, так и в другом случае с одной стороны — шла спокойная работа науки открытия истины, с другой — борьба страха и жалости за всё веками воздвигнутое здание, которое должно упасть при признании роковой истины» [Толстой 1955, там же]. Как видим, в этот период (1864—1868) взгляды Толстого на науку и ее отношения с религиозными взглядами на мир совпадают с взглядами его дальнего родственника, А.К. Толстого. Далее эта мысль развивается: «Но в астрономии истина взяла свое. Так точно в наше время истина подвижности личности должна взять свое. С разных сторон идет сложная упорная работа в пользу новой истины. ***Все*** науки работают в ее пользу. Зоология (Дарвин), физиология (Сеченов), психология (Вунт), философия [*неразобр.*], история (Бокль). Истина есть только отсутствие заблуждений, есть только новое удобство мышлений, и потому она всегда проста, ясна и доступна, и вся трудность восторжествования ее состоит только в победе над заблуждением. И потому восторжествование истины есть всегда борьба (и даже против **борьбы** Толстой здесь не против! — А. Б.). В борьбе возбуждаются страсти, и страсти заглушают истину. Для людей, боровшихся с возникав[шей] истиной астрономии, казалось, что, признай они эту истину, разрушается вера в бога. Но оказалось, что вера осталась неприкосновенною» [Толстой 1955, там же]. И по поводу разрушения веры в Бога писатель здесь стоит на тех же позициях, что и А.К. Толстой.

Однако, видимо, в доказательство «подвижности личности», Лев Николаевич кардинально меняет свое отношение к теории Дарвина после выхода в свет «Происхождения человека», и в редакции 1873 г. соответствующий отрывок из восьмой главы второй части Эпилога выглядит уже следующим образом: «Только в наше самоуверенное время популяризации знаний, благодаря сильнейшему орудию невежества — распространению

книгопечатания, вопрос о свободе воли сведен на такую почву, на которой и не может быть самого вопроса. В наше время большинство так называемых передовых людей, т. е. толпа невежд, приняла работы естествоиспытателей, занимающихся одною стороной вопроса, за разрешение всего вопроса» [Толстой 1940, 326]. И далее: «Если люди произошли от обезьян в неизвестный период времени, то это столь же понятно, как и то, что люди произошли от горсти земли в известный период времени (в первом случае X есть время, во втором происхождение), и вопрос о том, каким образом соединяется сознание свободы человека с законом необходимости, которому подлежит человек, не может быть разрешен сравнительною физиологией и зоологией, ибо в лягушке, кролике и обезьяне мы можем наблюдать только мускульно-нервную деятельность, а в человеке — и мускульно-нервную деятельность, и сознание» [Толстой 1940, там же].

Из этого отрывка еще не очень понятно, в чем конкретно состоят возражения Толстого Дарвину. Очевидно лишь, что у него сменился консультант по биологии. Если первые сведения об учении Дарвина он получил от первого переводчика «Происхождения видов», дарвиниста С.А. Рачинского, то «Происхождение человека» он обсуждал уже с антидарвинистом Н.Н. Страховым. Он читал все малокомпетентные статьи Страхова, направленные против дарвинизма, полностью принимал его сторону и восторгался всеми его софизмами, совершенно не вникая в квалифицированную критику его оппонентов, не оставлявших от «аргументов» Страхова камня на камне. Степень проникновения Толстого в суть полемики о дарвинизме, например, Страхова и Тимирязева, можно охарактеризовать его замечанием о брошюре Тимирязева «Бессильная злоба антидарвиниста» ([Тимирязев 1887]): «Последнюю статью Тимирязева прочел. Очень дурно, нравственно дурно, а потому наверно и всячески дурно». Письмо Н.Н. Страхову от 6 августа 1889 г. ([Толстой 1953, 292]).

Видимо, с редакции «Войны и мира» 1873 г. начинается духовный кризис Толстого, уводящий его в религию. Не буду здесь останавливаться на анализе этого периода жизни писателя. Он достаточно хорошо освещен в литературе. Замечу лишь, что след-

ствием этого духовного кризиса и смены системы ценностей является разочарование в науке и даже признании ее вреда для духовного развития человека. Интересно, что в этом отношении Толстой повторяет путь духовного развития одного из ранних христианских авторитетов, которого он часто цитировал. Я имею в виду Тертуллиана. Вот цитата из него, приведенная в книге К.Г. Юнга «Психологические типы»: «Тебя же я не призываю, душа, обученная в школах, искушенная книжным познанием, вскормленная и вспоенная в академиях и аттических колоннадах, — тебя, что вещаешь мудрость. Нет, я беседовать хочу с тобой, душа, что проста и не мудрствуешь лукаво, — с тобой, неопытной и неловкой, какою ты бываешь у тех, кто, кроме тебя, ничего не имеет, — с тобой, приходящей с улицы, с угла, из мастерской. Мне нужно именно твое незнание» (цит. по книге [Юнг 1998, 41]).

Суть расхождения Дарвина и Толстого во взглядах на человека и его происхождение довольно точно определил известный австрийский философ, основатель антропософии Р. Штейнер в лекции «Дарвин и Толстой», прочитанной в Берлине в 1904 г.: “What was it that Darwin investigated and bequeathed to humanity in his theory? The origin and change of the forms of animals and plants in the struggle for existence. This confirms that the attention of science is directed to the outer form. And what did Darwin openly declare? He asserted that the plants and animals live out their lives in the most manifold forms but that originally, according to his conviction, there were forms into which life was breathed by a Creator of worlds. This is what Darwin himself says. His eyes are directed to the evolution of forms, of the outer form, and he himself feels that it is impossible to penetrate into what imbues these forms with life. He takes this life for granted and does not attempt to explain it. He pays no heed to it, the question for him being merely the shape and form which life assumes”[1] [Steiner 1904]. В литературе, по мнению Штейнера, в этом направлении развивается творчество Эмиля

[1] В чем же состоит суть открытия Дарвина, которую он завещал человечеству? Происхождение и изменение форм животных и растений в борьбе за существование. Что, собственно, открыто декларирует Дарвин? Он утверждает, что растения и животные развились в огромное разнообразие форм, но изначально, согласно его убеждению, существовали формы, в которые вдохнул жизнь создатель. Вот то, что говорит сам Дарвин. Его внимание сосредоточено на эволюции форм, внешних форм, и сам он при этом чувствует, что невозможно проникнуть в то, что наполнило их жизнью.

Золя: его взгляд сосредоточен не на самой человеческой жизни, а на формах, которые принимает жизнь.

“Tolstoy looks everywhere for something else. He describes the soldier, the official, the human being belonging to some class of society, family or race ... but everywhere he is looking for the soul, for the living soul that comes to expression in one and all, although not in the same way. He portrays the simple, straightforward workings of the soul — but at different stages and in different forms. What is life in its diverse forms, in its thousand-fold variety? This is the basic question running through Tolstoy's works”[2] [Там же]. Да, искания Толстого и научные исследования Дарвина идут в разных направлениях. Но ученые вообще и биологи, в частности, и не претендуют на исследование движений человеческого духа. Нападки Толстого на науку в целом и на Дарвина, в частности, защита от них религии, как мне кажется, вызваны какими-то другими мотивами.

Первым таким мотивом является претензия религии не только на нравственный авторитет, но и на представления о мироустройстве, о «начале времен», о происхождении человека. Еще до публикаций Дарвина французская академия шельмовала первопроходца палеоантропологии Буше де Перта, обнаружившего останки ископаемых животных и каменные топоры в долине реки Сомма. Уже после выхода трудов Дарвина, представители французской академии обвинили в подделке испанского гранда Марселино де Саутуолу, благодаря девятилетней дочери обнаружившего наскальные рисунки в своей пещере Альтамира. И все из-за того, что находки этих первопроходцев антропологии противоречили учению церкви о происхождении человека. Дарвин вслед за Коперником, Джордано Бруно, Кеплером, Галилеем, скомпрометировавшими авторитет религии в формировании представлений о солнечной системе, нанес ей новый удар теперь уже в области представлений о начале времен и происхождении человека. Его открытия подрывали доверие к

[2] Толстой всюду ищет другое. Он описывает солдата, чиновника, представителя некоторого народа, социального класса, рода… но везде он отыскивает душу, живую душу, которая обнаруживает себя во всех и в каждом, хотя и не одним и тем же способом. Он изображает простые, непосредственные движения души, но на разных этапах и в разных проявлениях. Что есть жизнь в ее разнообразных формах в ее многотысячных вариациях? Это главный вопрос, на который Толстой пытается ответить во всех своих произведениях.

религиозному учению как целому, включая и ту область человеческой жизни, к которой наука не имела никакого отношения: нравственный закон, мораль, этику. Толстой опасался, что наука вытеснит религию. И, если это произойдет, человек потеряет нравственные ориентиры и пустится во все тяжкие. И, в общем-то, до определенной степени для России это было провидением сродни тому, которое мы видим в «Бесах» у Достоевского. В «Анне Карениной» Толстой вместе со своим alter ego, Левиным, рассуждает: «Теперь ему ясно было, что он мог жить только благодаря тем верованиям, в которых он был воспитан. “Что бы я был такое и как бы прожил свою жизнь, если б не имел этих верований, не знал, что надо жить для Бога, а не для своих нужд? **Я бы грабил, лгал, убивал**. Ничего из того, что составляет главные радости моей жизни, не существовало бы для меня”. И, делая самые большие усилия воображения, он всё-таки не мог представить себе **того зверского существа, которое бы был он сам**, если бы не знал того, для чего он жил» [Толстой 1935, 379] (жирный шрифт мой — А.Б.).

Вторым мотивом являются опасения писателя по поводу того, что на фоне активизации революционного движения в стране, создания народовольческих кружков, ориентированных на террористические методы борьбы («Народная расправа», «Земля и воля», «Народная воля»), идеи Дарвина, особенно идея о естественном отборе, о борьбе за существование, будут использованы в политике. Такой поворот событий мог вполне иметь место, поскольку доверие к учению Дарвина, кроме выпускников естественных факультетов, испытывали по большей части политические активисты левого крыла. Толстой уже прозорливо заметил науку, которая обещала впоследствии создать идеологическую основу для революционного движения — экономическое учение Маркса — и ставил дарвинизм в этом отношении в один ряд с марксизмом. И интуиция его не подводила. Слово БОРЬБА как ключевое слово марксизма (классовая борьба) и дарвинизма (борьба за существование) практически слились в риторике левого крыла политиков. Борьба классов, как и война, не предполагает соблюдения заповедей господних, этических правил обращения с противником, и то, что случилось с Россией в 1917 г., утверждение ате-

изма в качестве официального мировоззрения, уничтожение церквей и духовенства, массовый террор, создание огромного количества лагерей, бесконечная массовая ложь в прессе, на радио и телевидении было закономерным результатом развития тенденций, которые в 1870—1890-е годы проявились в политической жизни страны. Любовь к ближнему уступала безжалостной борьбе за существование, классовой борьбе, перераставшей в борьбу против существующей власти за свою власть. Религия в среде образованных людей сдавала свои позиции науке, но проблемы самой науки, как и их решения, не имели отношения к моральным и нравственным проблемам, к проблемам свободы воли, на что совершенно справедливо указывал Толстой в «Войне и мире». Его отношение к Дарвину и дарвинизму становилось все более непримиримым и яростным. Эволюционные темы затрагиваются во всех его более поздних работах, в «Анне Карениной», «Воскресении», в статьях «Так что же нам делать», «О жизни». В год своей кончины, отвечая на письмо студентки-медика В. Преображенской, он раздраженно пишет: «Как же не быть бессмысленной и ужасной той жизни, которая, как происходит это в нашем мире, руководством к пониманию ее имеет только тупых, ограниченных, односторонних мыслителей, как Дарвин, Маркс и легион им подобных?» ([Толстой 1956, 175]). В том же году, в феврале 1910 г., писатель пишет письмо редактору журнала «Жизнь для всех» В.А. Поссе, в котором есть фрагмент, посвященный дарвинизму: «Такие люди, — самая большая часть из них, публицисты, литераторы, всякие преподаватели, да и вообще люди, считающие себя образованными — полагают, что религия уже потому совершенно бесполезна, что на все основные вопросы жизни вполне удовлетворительно отвечает наука посредством столь любимого ими учения эволюции, т.е. что проявляющийся в бесконечном пространстве и бесконечном времени человек со всеми своими духовными свойствами есть только последствие движения бесконечно малых частиц материи в продолжение бесконечного времени в бесконечном пространстве. Причем, как это и не может быть иначе, на место Будды, Конфуция, Христа, Августина, Паскаля, Руссо, Канта, Эмерсона становятся Дарвины, Геккели, Марксы и т. п., и на место нравственного учения любви и

самоотречения становится учение борьбы и насилия» [Толстой 1958, 87—88]. За несколько дней до смерти Лев Николаевич диктует письмо своим детям и, обращаясь к старшему сыну, Сергею Львовичу, говорит: «Те усвоенные тобой взгляды дарвинизма, эволюции и борьбы за существование не объяснят тебе смысла твоей жизни и не дадут руководства в поступках, а жизнь без объяснения ее значения и смысла и без вытекающего из него неизменного руководства есть жалкое существование. Подумай об этом. Любя тебя, вероятно накануне смерти, говорю это» [Толстой 1956, 223].

Исходя из всех этих сведений мы должны по-новому взглянуть на тот факт, что одним из главных героев рассказа оказывается обезьяна. Конечно, дети не смогут увидеть в рассказе отражение споров с Дарвином. Им еще рано читать «Происхождение видов» и тем более «Происхождение человека и половой отбор». Но я, вслед за А.К. Жолковским и Ю.К. Щегловым, считаю, что в детских рассказах писателя, кроме идей ориентированных только на детей, имеются мысли, апеллирующие к взрослому читателю. Взрослые интеллектуалы 1880-х годов, у которых на слуху была острая полемика о дарвинизме, не затихавшая с 1864 г. до конца столетия, взрослые, которым было известно, на чьей стороне в этой полемике Толстой, при слове ОБЕЗЬЯНА (не ШИМПАНЗЕ, не ОРАНГУТАН, не ГОРИЛЛА, а именно слово ОБЕЗЬЯНА у интеллигенции в те времена ассоциировалось с дарвинизмом), должны были насторожиться и разглядеть в этом персонаже символ одной из сторон полемики, причем понятно, какой. Здесь мне приходит на память отрывок из письма Толстого Н.Н. Страхову, посвященный педагогической стороне «Русских книг для чтения»: «Я нахожусь в положении лекаря, старательно скрывшего в сладеньких пилюлях пользительное, по его мнению, касторовое масло и только желающего, чтоб никто не разболтал, что это лекарство, чтоб проглотили, не думая о том, что там есть. А оно уж подействует». Письмо Н.Н. Страхову от 15.04.1872 г. ([Толстой 1953, 285]). Похожая мысль содержится в следующем отрывке из работы исследователей текстов «Русских книг для чтения» и «Новой азбуки» Ю.К. Щеглова и А.К. Жолковского [Жолковский, Щеглов 2017]: «Несмотря на радикальную перемену творческих целей и аудитории, **он**

вольно или невольно продолжает проповедовать те же истины о жизни. И хотя Толстому действительно удалось достичь художественной общедоступности и простоты народной речи, его детские рассказы далеки от примитивизма и стереотипности фольклора. Наоборот, в них, как и в пушкинской прозе <…>, за кажущейся безыскусностью скрывается утонченная литературная техника» (жирный шрифт мой — А.Б.). Вернемся к нашему анализу.

О сыне капитана (продолжение)

Рассмотрим теперь социально-ролевую сторону сценки с обезьяной.

Сформировавшему этот образ писателю, преследовавшему прежде всего педагогические цели, нужен был герой-жертва, жертва внешних обстоятельств и внутреннего несовершенства. На примере мальчика писателю нужно было показать, как, казалось бы безобидная ситуация из-за ошибок в ее оценке, из-за неправильных попыток разрешить все более усугубляющуюся проблему, перерастает в катастрофу, которая должна послужить для него наказанием за ошибки. Для того, чтобы наказание было серьезным, поступки героя должны были привести его к ситуации, когда его гибель кажется неминуемой. А для того, чтобы дети все же не испугались, должен, как deus ex machina, появиться герой-спаситель и избавить героя-жертву от опасности.

Толстой в рассказе, естественно, не говорит прямо, в чем именно состоят ошибки двенадцатилетнего подростка, в какой именно момент он начинает действовать неправильно. Его задача состоит не только в том, чтобы продемонстрировать ситуацию, но и в том, чтобы заставить адресата рассказа, таких же подростков, думать.

С социальной точки зрения ситуация выглядит следующим образом. На палубе происходит нечто подобное цирковому представлению: обезьяна, выступающая в роли скомороха, шута, клоуна развлекает матросов. Даже если бы в этой роли выступал человек, по социальному статусу он был бы равен бывшим крестьянам, матросам, или стоял бы на социальной лестнице еще ниже, был бы равен бездомному бродяге, нищему. Представить себе, что матросов, как скоморох, развлекает даже унтер-офицер трудно, что пе-

ред ними корчит рожи и кривляется офицер — совершенно невозможно. Несмотря на то, что юнга по званию равен матросам, в социальном отношении он выше их, он потомственный дворянин, а в будущем, если пойдет по военно-морской линии, — офицер. Сорвав с мальчика шляпу, обезьяна провоцирует его, вовлекая в представление в той же роли, в которой выступает сама. Надев на себя его шляпу, она как бы перевоплощается в него и начинает представлять его в карикатурном виде. Мальчик оказывается в сложной социальной ситуации, из которой он должен уметь выйти. Юнга колеблется, не зная плакать ему или смеяться. И колебания эти вызваны тем, что он не может сразу оценить этическую сторону проблемы: с одной стороны, это вторжение в его личную зону постороннего существа, доступ которому в него запрещен, и воспринимается как агрессия. На агрессию мальчик должен ответить, поскольку она задевает его честь. Он должен наказать обидчика. Но так реагировать можно лишь на агрессию равного по статусу. Если твою личную зону нарушило неразумное животное и это не угрожает твоей жизни, ты не должен на него обижаться и, должен либо обратить все в игру, либо, если тебе не до игры, не впадая в гнев, отогнать его. Почему же мальчик колеблется? Он колеблется, во-первых, потому, что обезьяна очень похожа на маленького человека, на ребенка, каковым он является и сам! Ему кажется, что она **сознательно** хочет его унизить, и для того, чтобы исправить ситуацию, ему нужно наказать ее. Во-вторых, он не может себе позволить начать взаимодействовать с обезьяной, потому что она выступает на палубе в роли шута, вступить с ней во взаимодействие — значит приравнять себя к ней, а ее — к себе, а следовательно — уронить свое достоинство перед матросами. Из равновесия его выводит то, что обезьяна начинает злобно рвать его шляпу. Выше было уже сказано о том, что юнга переживает по поводу того, что целостность его амуниции оказывается нарушенной. На это накладывается еще и то, что одежда, когда речь идет об агрессии, входит в его личную зону (по поводу понятия личной зоны см. [Hall 1966]), воспринимается человеком как часть самого себя. В развитии ситуации этот момент является решающим для того, чтобы принять правильное решение относительно того, как себя повести, учесть все по-

следствия того или иного решения. Исходным для принятия решения является соображение равенства. Если бы мальчик подумал, кто провоцирует его встать с ним вровень, успел бы осознать, что между ним и обезьяной пропасть: по тогдашним представлениям, например, Толстого, у животных вообще и у обезьян, в частности нет никакого **сознания**, поэтому обезьяна не может унизить его **сознательно**. Но даже если бы она пыталась унизить мальчика сознательно, нельзя отвечать злу насилием, свято соблюдая заповедь Господню «Мнѣ отмщеніе и азъ воздамъ», взятую Толстым в качестве эпиграфа к «Анне Карениной». Если бы он вспомнил об этой заповеди, он удержался бы от того, чтобы гнаться за обезьяной и пытаться ее наказать. Посмеявшись вместе с матросами, он должен был бы пойти к каптенармусу, получить у него новую шляпу и снова выйти на палубу, чтобы показать, что действия обезьяны он воспринимает, как действие ветра. В этом случае он остался бы в числе зрителей и не подверг бы испытаниям свою честь и жизнь. Кроме всего прочего, ему в голову должна была бы прийти мысль о том, что несмотря на то, что человек — царь природы, как ему внушали в раннем детстве, физически он одно из самых слабых и не приспособленных к природным условиям млекопитающих, и ему догнать обезьяну в гонках по вертикали так же невозможно, как и догнать гепарда в гонках по горизонтальной поверхности. Но всем известно, что детям труднее сдерживать эмоции, чем взрослым. Мальчика охватывает гнев. И этот момент работает как триггер для цепи ошибочных действий, которые приводят героя на порог гибели. Гнев затмевает разум, и он, забыв о своем человеческом достоинстве, дает обезьяне вовлечь себя в представление в роли скомороха, гонится за ней, чтобы наказать ее, но не может догнать. Над ним смеются матросы, что еще больше оскорбляет его чувство собственного достоинства. А одержимая бесами обезьяна, умело управляя его эмоциями, ведет его к катастрофе.

Из приведенного анализа становится ясно, что главной ошибкой мальчика было то, что он позволил себе рассердиться, рассердившись на **обезьяну**, он признал ее равенство с **человеком**, равенство в сознательном выборе способа взаимодействия с ним, ра-

венство в **осознанности** нанесения обиды, которое должно уравновешиваться ответом обидчику, адекватным для **человеческих** отношений способом. Он поступил с обезьяной так, как он поступил бы с обидевшим его мальчишкой: бросился за ней, чтобы вернуть украденную вещь, наказать обидчика, не посрамить отца и доказать обезьяне, отцу и всем, кто наблюдал эту сцену, что он лучше своего соперника, сильнее, проворнее, что он способен дать отпор противнику, посягнувшему на его имущество, честь и достоинство. Как было отмечено в [Жолковский, Щеглов 2017], сказанное почти исчерпывает тот смысл, который может оказаться доступным детям после прочтения рассказа, но не исчерпывает взрослые его интерпретации.

Я уже сказал, что взрослый человек 1880-х годов, знакомый с проблемами, которые занимали в то время общественность, знакомые с взглядами Толстого на эти проблемы, должны были насторожиться, увидев, что одним из главных персонажей рассказа является обезьяна, причем не та басенная глупая обезьяна, которая фигурирует в отличных от были других рассказах «Русских книг для чтения» (см., например, «Обезьяна и горох», «Лисица и обезьяна», «Обезьяна»), а настоящая обезьяна из реальной жизни. Обезьяна должна была ассоциироваться у такого человека с темой происхождения человека, и он должен был догадаться, что в сладкой пилюле захватывающего сюжета, должно быть спрятано лекарство[3], которое должно было помочь людям того времени излечиться от болезни. И диагнозом этой болезни, судя по всему, должно было быть какое-нибудь ложное, по мнению Толстого, научное учение, например, марксизм, или учение Огюста Конта о превращении человеческого сообщества в единый организм, или дарвинизм, по которому человек произошел от обезьяны, что приравнивалось им к сумасшествию. Обезьяна, возведенная в статус символа дарвинизма, предстает перед нами в роли

[3] Ср. в воспоминаниях о Толстом его старшего сына, С.Л. Толстого: «…я думаю, что его рассказы о сумасшедшем, слышанные мною в семидесятых годах, были зародышами тех мыслей, которые позднее легли в основу его миросозерцания. Он считал, что ложное мышление — основная причина зла в мире; люди дурно живут не потому, что они злы по природе, а потому, что они неразумно мыслят; и они невменяемы, как душевнобольные» [Толстой 1975, 106]. Ср. также в дневнике Толстого 1884 г.: «Если люди действуют безумно (жизнь в городе, воспитание, роскошь, праздность), то наверно они будут говорить безумное. Так и ходишь между сумашедшими, стараясь не раздражать их и **вылечить**, если можно» [Толстой 1952, 75] (жирный шрифт мой — А.Б.).

дьявола-искусителя, соблазняющего человека поставить знак равенства между ним и собой (прямой символ — надевание его шляпы на свою голову), увлечь его за собой скоморошьей игрой своего ума, коварно поднять его на огромную (интеллектуальную) высоту, чтобы, когда, очнувшись, он выйдет из состояния игры в жизнь, он обнаружил бы себя на грани падения, на краю гибели. И здесь мы можем обнаружить два реальных универсума, в которых можно было бы интерпретировать героев рассказа и символическую ситуацию соблазнения. Первый универсум — это собственная семья Толстого, в которой кто-нибудь из детей, как он опасался, мог увлечься дарвинизмом, как это впоследствии реально случилось с окончившим естественный факультет Московского университета Сергеем Львовичем, женившимся к тому же на племяннице переводчика «Происхождения видов» М.К. Рачинской. Эта интерпретация имеет право на существование уже потому, что Толстой внедрял свои «пилюли», вошедшие в «Азбуку», «Новую Азбуку» и «Русские книги для чтения» в качестве первых «подопытных» в головы своих детей (см. [Толстой 1975]), отслеживая и изучая их реакцию на рассказы. В этом случае корабль здесь должен быть уподоблен семье писателя, старший сын-тинэйджер в котором рано или поздно должна была проснуться юношеская фронда по отношению к подавлению его личности отцовским авторитетом (см. об этом в воспоминаниях С.Л. Толстого), должен быть уподоблен мальчику, сам Лев Николаевич — капитану корабля, а прочие члены семьи — матросам. Вторым универсумом, в котором можно интерпретировать второй план сюжета, является все образованное человечество, у́же — образованная часть России. Корабль здесь должен играть роль ковчега, собравшего воедино интеллектуалов и тех, кто обеспечивает их материальные нужды, крестьян-матросов. Мальчику в этом символическом сюжете, как в притчах, отводится роль заблудшей души (интеллектуалов, увлекшихся учением Дарвина), его отцу — роль Отца Небесного, из любви вынужденного в форме угрозы принудить возлюбленного сына сделать выбор между небытием и послушанием и нырнуть с высоты своего интеллекта в море житейское, а матросам-крестьянам — роль спасителей заблудших интеллектуалов. Таким образом, анализируемый рассказ, в отли-

чие от других, в которых притчи помимо нравственного кодекса и житейской мудрости не имеют дополнительной интерпретации, ее обнаруживает и, более того, интерпретируется почти традиционным для притчи образом.

7. Обезьяна

Слово ОБЕЗЬЯНА (заимствование из турецкого и/или персидского *abuzine* ‘обезьяна’) — такое же широкое понятие, как и корабль. В биологии под этим словом понимают подотряд сухоносых приматов, насчитывающих большое количество видов, отличающихся друг от друга существенными характеристиками, включающими в себя рост, вес, силу конечностей, опасность для человека и т.д. Толстой вносит лишь одну характеристику, как-то сужающую класс объектов, подпадающих под это название: *большая обезьяна*. Если моя интепретация второго плана верна, то Лев Николаевич должен был иметь в виду ближайших родственников человека по эволюционной лестнице — орангутанов (так, например, интерпретирует слово ОБЕЗЬЯНА А.К. Толстой), шимпанзе или горилл (о бонобо как отдельном виде в те времена не знали). Поведение обезьяны, описанное Толстым, ближе всего к шимпанзе: орангутаны и гориллы — более спокойны, и менее склонны к агрессии (неизвестно, правда, знал ли об этом автор рассказа). Все три перечисленных рода обладают большой силой и ловкостью во много раз превышающей силу и ловкость человека.

В отличие от горилл и орангутанов, шимпанзе легко впадает в агрессию, может нападать на людей. На воле — в основном на детей. Средний рост взрослых самцов 150 см, самок — 130 см. Скорее всего, Толстой имел в виду детеныша шимпанзе, которые не столь агрессивны и склонны к играм. Пол обезьяны также не уточняется.

Присутствие на корабле домашних животных в виде собак, кошек или, как в данном случае, ручной обезьяны заменяет экипажу и зоопарк, и цирк, и театр, помогает разрядить напряженную обстановку. В описании кругосветного плавания К.М. Станюковича на корвете «Коршун» были две обезьянки.

По деталям описания этого экзотического для России животного у Толстого можно судить о том, что он имел достаточно отдаленное представление и о ее поведении, и даже (возможно, намеренно) путался в названии ее конечностей: «Обезьяна села на первой перекладине мачты, сняла шляпу и стала зубами и **лапами** рвать ее» vs. «На самом верху обезьяна вытянулась во всю длину и, зацепившись **задней рукой** за веревку, повесила шляпу на край последней перекладины». В сноске указывается, что у обезьяны четыре **руки**. Кроме того, в ее описание он вносит некоторые антропоморфные черты: «Она как будто дразнила мальчика, показывала на него и делала ему рожи». Указательный жест отсутствует в системе визуальных знаков даже у высших обезьян. Исконно он присутствует только в жестовой системе человека. Антропоморфична и фраза, где обезьяна «показывала зубы и радовалась». Демонстрация зубов у обезьян обозначает вовсе не радость и даже не злорадство, а угрозу. Изображение радости на морде обезьяны Толстому нужно исключительно для демонизации ее образа: она добилась того, чего хотела, привела мальчика на грань катастрофы. Он «раззадорился» и, выпустив «веревку», шагнул на рей.

В реальной ситуации в человеческой неволе единственной естественной целью животного, в том числе и обезьяны, является получение лакомства, которым ее награждают зрители за развлечение. Своим поведением животные выпрашивают его, на ходу обучаясь приемам, с помощью которых можно заставить человека, поощряя эти приемы, подкормить их. При этом животные в процессе взаимодействия определяют и границы, за которые в «игре» с человеком переступать нельзя. В ситуации, описанной в рассказе, явно неглупая обезьяна переходит все границы, и ничего хорошего ее после инцидента с мальчиком не ждет. По моему мнению, это еще одна деталь, которая делает рассказ малоправдоподобным.

8. О реалистичности ситуации

Вся сцена с водружением шляпы на край рея (нок рея) и попытка мальчика дойти до нока по рею также вызывает большие сомнения. Толстой ниже говорит о том, что от

мачты до конца рея было примерно два аршина, что в переводе на метрическую систему мер означает 142 см. Если это так, то речь идет о рее, к которому крепится редкий парус с поэтическим названием мунсель (от англ. *moon sail* ‘лунный парус’), который ставится на больших кораблях с серьезным парусным оснащением и задействуется при слабом ветре. Обезьяне, если ее рост находится в пределах 130 — 150 см, действительно, ничего не стоит, не только быстро добраться до мунрея, но и, распластавшись, достать до его края и повесить на него шляпу. Но, если теперь поверить Толстому и принять возможность благополучного пребывания мальчика с девяти до двенадцати лет на военном корабле, совершающем кругосветное плаванье, следует признать все же достаточно фантастичной его способность «в одну минуту», не отставая от обезьяны, подняться по вантам до мунрея. Продемонстрирую еще раз высоту, на которую мальчик взбегает за минуту — см. Рис. 4.

Это нелегко и для взрослого, сильного матроса натренировать руки и ноги так, чтобы достаточно быстро (заведомо не за минуты) по вантам подниматься на высоту двадцатидвухэтажного дома. В какой-то момент при подъеме надо переходить с одних вант на другие и делать это на головокружительной высоте довольно сложно. Кроме того, надо привыкнуть к этой высоте и двойной качке: на мачте это уже даже не качка, а полеты с ее древком на несколько метров в одну и другую сторону. Морская болезнь одолевает человека даже если он уже привык к ней на палубе. Фотограф Леонид Круглов, снимок которого был приведен выше, пишет в своем блоге, что ему надо было осваивать подъем на мачту несколько месяцев, и это было очень страшно. Все это заставляет относиться к фразе «Так обезьяна и мальчик в одну минуту добрались до самого верха» крайне скептически.

Теперь главное. Мальчик, осваивая подъем на мачту, наверняка наблюдал, как матросы убирают паруса. И, если так, то возможностей благополучно добраться до нока рея (т.е. до его края) у него даже больше, чем у вытянувшейся обезьяны. Во-первых, надо помнить о том, что средний рост 12-летнего мальчика больше роста обезьяны, он колеб-

лется в пределах от 143,6 до 154,2 см. Значит, одна только длина его тела превышает нужное расстояние до конца рея, не говоря уже о возможности вытянуть руки. Поэтому ничто не мешало ему так же, как и обезьяне, распластаться на рее и без труда достать шляпу, потом сесть на рей и, отталкиваясь руками и скользя по нему, добраться до мачты (точнее — до трюм-стеньги или флагштока, на которых крепится мунсель), ему бы даже хватило роста зацепиться стопами за мачту. Но есть и еще более простой и безопасный способ добраться до шляпы. **Под каждым реем протянуты и прикреплены к нему тросы**, которые называются пертами (от нидерландского *paarden* ‘лошади’). На них стоят работающие с парусами матросы. См. фотографию выдающегося морского фотографа Валерия Василевского, сделанную на барке «Седов»:

Рис. 8.

Надо, правда, отметить, что мачты и реи на современных парусниках металлические, в то время как раньше они были деревянными и имели форму веретена, сужающегося к концу. Но как бы там ни было, перты позволяют двигаться к краю рея вполне безопасно. Мальчик, за три года приобретший сноровку, хорошо лазавший на мачты, наблюдавший за работой матросов, не мог этого не знать. Ему совершенно незачем было становиться на рей сверху и идти по нему за шляпой. Вряд ли мог забыть о пертах и Тол-

стой, служивший во время Крымской войны в Севастополе и имевший возможность наблюдать за уборкой парусов и передвижением матросов вдоль реев. Из всего этого следует, что либо Толстой придумал всю эту ситуацию ради художественного эффекта, либо знание этого факта должно было помочь читателю понять, что мальчик был в таком состоянии, что уже мало понимал, что он делает, и вместо безопасного пути выбрал гибельный. Второе, правда, маловероятно, поскольку рассказ был адресован детям, которые ничего не знают не только о пертах, но и вообще об устройстве корабля. Поэтому, если бы Толстой хотел донести до читателя эту мысль, он не стал бы надеяться на то, что читатель сам до нее додумается, а выразил бы ее в тексте в явном виде. В рассказе же ситуация представлена так, будто у мальчика в способе добраться до шляпы не было выбора. Представленная Толстым ситуация создает ложное впечатление, что и матросы, которые работают на рее во время постановки и уборки парусов, должны не только в штиль, но и в бурю, бегать по рею или передвигаться по нему ползком.

Из представленных соображений следует, что мир, который писатель построил в своем рассказе, все-таки искусственный, и он не вполне соответствует подзаголовку «Быль», выдать его за подлинный позволяет лишь слабое знакомство читателя с реалиями жизни на парусном корабле. Однако у художественного произведения и нет установки на полное совпадение изображаемого мира с реальным. Более того, вдаваясь в детали, читатель может упустить то главное, ради чего был написан рассказ, — мысль, которую автор хотел передать читателю. Изложенные детали, на мой взгляд, важны профессиональному исследователю для того, чтобы уяснить, как и для чего используется построенный писателем искусственный мир, что важно автору в реальном мире для изложения мысли и что неважно. Какую конвенцию с читателем он заключает, представляя ему искусственный мир.

9. О матросах

Матросы — главная физическая сила, приводящая корабль в движение, и сила, позволяющая управлять парусным кораблем. В рассказе они отдыхают от тяжкого каж-

додневного труда, во времени разделенного на чередование вахты и сна, развлекаясь привычным зрелищем забавляющей их обезьяны. В рассказе они представлены как один множественный герой, пассивно наблюдающий за развитием действа. Они бездумно веселятся даже тогда, когда игра обезьяны с мальчиком приобретает опасный характер, и выходят из этого состояния, только когда наступает катастрофа. Смеются они над мальчиком, конечно, беззлобно, как над расшалившимся ребенком. Когда ситуация становится критической, они забывают и о представлении, и об обезьяне, сопереживая мальчику. Их охватывает страх за ребенка, но вместо того, чтобы искать выход из положения, они цепенеют, цепенеют до такой степени, что никому в голову не приходит доложить о ситуации капитану, а кто-то еще и невольно ахает, чем заставляет мальчика забыть о цели своих отчаянных усилий и сосредоточиться на том, чтобы удержать равновесие и найти выход из положения. В ролевом отношении они демонстрируют бессилие человека средних способностей найти рациональный или иррациональный выход из сложного положения. И это понятно: в своей сфере, на своем участке они могут проявлять чудеса изобретательности для выполнения узкопрофессиональной задачи, но ситуация с мальчиком выходит за рамки их профессиональной деятельности. В таких случаях они не имеют права брать на себя ответственность и принимать какие-либо решения. Они должны ждать решения офицеров, капитана корабля. Когда мальчик прыгает в море, ситуация становится им понятной и, более того, привычной: здесь надо действовать как по команде «человек за бортом!».

10. О капитане

Капитан на корабле — особая, уникальная должность. Для детей он просто начальник над матросами и офицерами, как управляющий поместьем или градоначальник. Но управляющий поместьем, градоначальник и даже царь могут быть бездарными правителями, генерал может быть плохим полководцем. Для их подчиненных это плохо, но не смертельно. Для корабля, отправляющегося в дальний поход, плохой капитан равносилен смерти. Только от капитана зависит, насколько слаженно работает его команда,

как она управляется с парусами, штурвалом, рангоутом в опасную минуту, в бурю, в шторм, в районе с трудным фарватером, с множеством мелей, банок, подводных скал и, наконец, в бою. Капитан на корабле — это средоточие мужества, хладнокровия, разума, воли и прирожденного чутья. Время, за которое капитан в опасные мгновения должен принять единственно правильное решение, исчисляется секундами. И от того, насколько быстро и правильно это решение принято, зависит жизнь и благополучие всего экипажа, поэтому, кроме всего прочего, он должен быть наделен полным доверием своих подчиненных.

Появление капитана корабля, отца мальчика, как и начало истории с обезьянкой, происходит на фоне полной безмятежности героя. Корабль стоит на якоре, беспокоиться не о чем, и он собирается заняться вполне мирным и полезным делом — пострелять в чаек. Моряки их не очень жалуют, поскольку они сильно загаживают палубу, реи, паруса. Для матросов чайки означают дополнительную и довольно грязную работу, для капитана — неприятный, нечистоплотный вид корабля, а то и экипажа. Капитан, видимо, очень неплохой стрелок, иначе он не стал бы промахами ронять свой авторитет перед высыпавшим на палубу экипажем. И пострелять в цель для него, очевидно, довольно приятное упражнение. И вот далее Толстой с лапидарностью, достойной Пушкинских «Маленьких трагедий», правда, без их стилистического блеска, в нескольких предложениях проявляет все перечисленные выше свойства настоящего капитана. «Он нес ружье, чтобы стрелять чаек. Он увидал сына на мачте, и **тотчас же** прицелился в сына и закричал: “В воду! прыгай сейчас в воду! застрелю!”» (жирный шрифт мой — А.Б.). Первое предложение этого отрывка играет в этой сцене тройную роль: 1. Оно описывает состояние капитана перед тем, как он увидел опасность: он шел заниматься приятным и полезным занятием и был совершенно спокоен и даже расслаблен. 2. Он нес ружье, которое должно будет сыграть ключевую роль в следующем эпизоде, хотя капитан этого пока не знает. 3. Охота на чаек, которой он предполагал заняться, подразумевает еще одно действие: начать это занятие капитан должен со взгляда вверх. Эту важную деталь Толстой оставляет для ее рекон-

струкции читателю. Подняв глаза кверху для того, чтобы обнаружить чаек, он увидел на мунрее своего сына. Здесь нужно задержаться, чтобы понять, какие чувства охватили героя этого монтажного кадра. Обычному человеку нужно некоторое время, чтобы оценить увиденное и переключиться на постановку новой цели. Обычного человека, который очень любит своего сына, должен охватить огромный страх за него, ужас, мотивированный осознанием неминуемых последствий этой картины, мыслью о том, что сын вот-вот упадет и разобьется о палубу (моему читателю в этом должна помочь фотография человека, забравшегося на вершину грот-мачты «Седова», на Рис. 8). Эту мысль Толстой вкладывает в голову матросов, рассчитывая, что читатель встроит ее и в сознание капитана. Как следствие этого состояния человека должна охватить паника или оцепенение, как это случилось с матросами. Предприимчивый человек должен подавить в себе этот страх и начать искать решение проблемы. Обычному человеку это дается с большим трудом. И для того, чтобы подавить в себе этот страх за любимого человека, и для того, чтобы найти решение проблемы, нужно время. При этом надо понимать, что думать здесь совершенно некогда: мальчик может упасть уже в следующую секунду. Цейтнот может вызвать еще одну панику, мысль о том, что ты не успеешь найти выход из положения. И, наконец, обычному человеку удачный выход из этой, по виду безнадежной, ситуации, скорее всего, обнаружить не удастся. Все это, собственно, и происходит с матросами. Для Толстого, как на это указывают Ю.К. Щеглов и А.К. Жолковский, это обычный сюжетный ход: контрастно продемонстрировать неправильные действия и на их фоне показать, как надо действовать «правильному герою».

Как это видно из второго предложения отрывка, капитану не потребовалось ни секунды ни на то, чтобы подавить в себе страх за сына (бесстрашие), ни на то, чтобы подавить панику (мужество), ни на раздумья по поводу того, как спасти сына (способность принимать рискованные, но интуитивно самые верные решения). По жесткому способу решения проблемы можно подумать, что капитан не любит сына, готов застрелить его. И только, когда все благополучно заканчивается, капитан позволяет себе расслабиться и

дать волю эмоциям. Только тут мы понимаем, какого огромного напряжения воли потребовало его решение, какую бурю эмоций он держал в узде для того, чтобы она не мешала ему с холодной головой принять правильное решение, и, наконец, какой силы родительскую любовь он испытывал к своему сыну. И, поскольку эта мысль о любви к сыну является главным мотивом действий сурового капитана, а его слезы — демонстрацией силы его родительской любви, можно предположить, что главной в рассказе является адресованная детям мысль о том, что под внешней суровостью отца в отношениях с детьми скрывается большая любовь к ним, забота и способность защитить их от внешней опасности в самые трудные минуты их жизни. Судя по тому, что Толстой посвятил теме отцовской любви к своим детям два рассказа с почти одинаковым сюжетом («Акула» и «Прыжок»), действие в которых происходит на кораблях, совершающих дальние походы, в пространстве, где немыслимо присутствие женщин, она была для него очень важна.

Литература.

Барулин А.Н. Функции аллитерации в элегии В.А. Жуковского «Море» // Роман Якобсон. Тексты, документы, исследования. М., 1999. С. 696 — 714.

Васильев С.В., Боруцкая С.Б. Антропологическое исследование могильника Исупово, Костромская область // Вестник костромской археологической экспедиции, вып. 2. Кострома, 2006.

Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Ex ungue leonem Детские рассказы Л. Толстого и поэтика выразительности. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: Норинт, 2000.

Майорова О.Е. Теория Дарвина в произведениях Льва Толстого // https://msses.ru/media/video/olga-mayorova-teoriya-darvina-v-proizvedeniyakh-lva-tolstogo/#:~:text=В%20конце%20жизни%20Толстой%20презрительно,на%20Дарвина%20в%20позитивном%20ключе.

Станюкевич А.К., Черносвитов П.Ю. Усыпальница бояр Романовых в московском Новоспасском монастыре // Вестник костромской археологической экспедиции, вып. 2. Кострома, 2006.

Тимирязев К.А. Бессильная злоба антидарвиниста. М.: Товарищество Кушнерев и К°, 1889.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 19. Анна Каренина. Части 5 — 8. М.: Гос. изд-во «Художественная литература», 1935.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 12. Война и мир. Т. 4. М.: Гос. изд-во «Художественная литература», 1940.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 49. Записки христианина, Дневники и Записные книжки 1881—1887. М.: Гос. изд-во «Художественная литература», 1952.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Т. 64. Письма 1887 — 1889. М.: Гос. изд-во «Художественная литература», 1953.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 15. Война и мир. Черновые редакции и варианты. Ч. 3. М.: Гос. изд-во «Художественная литература», 1955.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 82. Письма. 1910. Май — Ноябрь М.: Гос. изд-во «Художественная литература», 1956.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 21. Новая азбука и русские книги для чтения (1874—1875). М.: Гос. изд-во «Художественная литература», 1957.

Толстой С.Л. Очерки былого. Тула: Приокское книжное издательство, 1975.

Юнг К.Г. Психологические типы. М.: Университетская книга. ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998.

Hall E. The hidden Dimension. NY: Anchor books editions, 1966.

Steiner R. Darwin and Tolstoy. A public lecture given by Rudolf Steiner in Berlin, 3d November 1904 // https://southerncrossreview.org/92/steiner-tolstoy.html.

Semiotic and linguistic analysis of *The Leap* by Leo Tolstoy

A.N. Barulin (Institute of Linguistics, Russian Academy of sciences)

The paper is concerned with the referential, lexical, pragmatic, semiotic, and literary analysis of Leo Tolstoy's tale entitled *The Leap* in the context of his own life, as well as of his standpoint on Charles Darwin's evolution theory.

Keywords: Russian literature, children literature, Leo Tolstoy, Darwin, lexis, navy language and common language, Grice's Maxims, Veselovsky's parallelism, referential and real world, semiotics of ship space.

DOI: 10.37892/2218-1393-2021-15-2-101-113

Ономастические матрицы в романе Е. Водолазкина «Оправдание Острова»

Н.В. Васильева (Институт языкознания РАН)

Аннотация

Статья посвящена анализу употребления собственных имен в романе Евгения Водолазкина «Оправдание острова» (2020). Отмечается импликативное влияние жанра фикциональной хроники на проприальные единицы текста. Распределение типов собственных имен по выполняемым ими функциям, а также способы их интродукции в текст позволяют говорить о своеобразном матричном строении ономастического поля романа.

Ключевые слова

Литературная ономастика, ономастические матрицы, ономастические импликатуры текста, интродукция имени, Евгений Водолазкин.

Новый роман Евгения Водолазкина, автора «Лавра» (2012) и «Авиатора» (2016), построен как историческая хроника некоего Острова, которая разворачивается от раннего Средневековья до наших дней. В облике Острова проступают черты древней Руси, Византии, средневековых европейских государств. В одном из интервью, на вопрос о том, какая же «национальность» у народа, населяющего его Остров, писатель ответил так: «Это народ, который соединяет немножко византийцев, немножко русских, немножко французов, немцев, американцев. Есть там отсылки к “Повести временных лет”. Есть византийские сюжеты, которые я взял из “Хроники” Георгия Амартола, из “Истории франков” Григория Турского и так далее. Есть и полностью придуманные сюжеты — это тоже извлеченные из сумерек сознания какие-то прочитанные или услышанные мною вещи» [Интервью с Евгением Водолазкиным]. Нарративное устройство романа отличается многоплановостью и полифонией. Основная линия повествования ведется голосом хронистов — православных монахов из единственного на Острове Монастыря, которые пишут *Ис-*

торию Острова, сменяя друг друга. В хроникальный текст включаются графически выделенные тексты комментариев, принадлежащих голосам Парфения и Ксении, княжеской четы, ранее правившей Островом: они долгожители, в настоящее время им по 347 лет. Как отмечает Галина Юзефович, «от переключения между этими разными взглядами — или, вернее, от их одновременности — по-настоящему захватывает дух» [Юзефович 2020]. Есть в романе и третья сюжетная линия: во Франции известный режиссер снимает художественный фильм о жизни Парфения и Ксении, консультантами которого они же и являются. Долгая жизнь Парфения и Ксении — необходимая нарративная скрепа, поскольку над всем повествованием об Острове и его долгой истории висит древнее пророчество, текст которого был утерян в древности и обнаружился лишь в наши дни, и у этих персонажей есть в нем своя роль. Остров в романе предстает местом, где органично соединяются «прошлое, настоящее и вечное» [Князев 2020], и время как таковое может претендовать на звание «безусловного протагониста» [Юзефович 2020].

В создании панхронической (ахронической?) перспективы[1] участвуют и собственные имена (далее — СИ), выполняющие различные функции. Следует отметить, что на ономастический мир предыдущих текстов Е. Водолазкина уже обращалось внимание исследователей. Особенно привлекателен в этом отношении роман «Лавр», онимы которого анализировались с точки зрения стилистики и текстообразования [Бунчук, Дуркин 2018], а также переводоведения [Разумовская 2018]. Однако интересно, что в большом международном издании «Знаковые имена современной русской литературы», задуманном и успешно осуществляемом польскими учеными, в томе, посвященном Евгению Водолазкину [Знаковые имена… 2019], не обнаруживается статей на тему ономастики[2]. С одной стороны, можно связать такое положение дел с преимущественно литературоведческой специализацией авторов этого тома, а ономастика, как известно, больше привлекает языковедов. С другой стороны, нельзя не признать, что писатели всегда различались

[1] О том, что и после «Лавра» писатель продолжает следовать «установке на нарративное преодоление времени», пишет В.И. Тюпа [Тюпа 2020, 35].
[2] Небольшой экскурс о СИ в аспекте перевода есть в статье [Разумовская 2019, 483—484].

в их отношении к проприальному коду как инструменту работы с фикциональностью: на одном полюсе оказывались авторы, у которых имена в тексте выглядят как яркие наклейки, на другом — приверженцы безымянности или ономастического минимализма. Водолазкина в этом отношении можно назвать ономастически осторожным писателем, к именам в его текстах нужно присматриваться очень внимательно. Ономастическая составляющая текстов Евгения Водолазкина демонстрирует тесную и одновременно тонкую связь с характерными чертами его поэтики. Одна из этих черт формулируется самим писателем как «попытка упразднить время и пространство» (цит. по: [Липовецкий 2019, 60]). В романе «Оправдание Острова» это можно хорошо наблюдать. Необычному протеканию времени соответствует в фикциональном мире романа особое пространство. Означивание этого пространства начинается с заглавия романа, в котором слово *Остров* написано с заглавной буквы, т.е. *Остров* представлен как имя собственное. Такой способ проприализации (онимизации) несет в себе генерализующий смысл. Номинация, сохраняющая лексические признаки нарицательного имени, получает статус имени собственного, т.е. объект с этими признаками объявляется уникальным. Однако для полной онимизации этому знаку необходимо пройти процедуру индивидуализации: например, «обрасти» особыми индивидуальными признаками коннотативного (ассоциативного) характера, которые закрепят в восприятии адресата проприальный статус номинации, уже заданной как уникальная при помощи графики. В фикциональном мире так обычно происходит по мере продвижения номинации в тексте, когда читательское сознание «впитывает» образ и насыщает его различными, в том числе и личными, смыслами. Один из самых ярких представителей европейской литературной ономастики, Фолькер Кольхайм (см. о нем [Васильева 2019]), подчеркивая объяснительную силу психолингвистического подхода к имени в тексте, использует для такого пока еще «свежего» для адресата СИ термин «перцепт» (Wortperzept). Чтобы в читательском сознании перцепт превратился в концепт, необходима работа памяти, эвоцирующая все возможные — общие и личные — смыслы [Kohlheim 2019, 159]. В данном случае для концептуализации географического объекта

(острова) как уникального необходимы признаки, индивидуализирующие данный объект, в противном случае он остается просто частью суши, со всех сторон окруженной водой. Концептуализируется ли в этом смысле Остров в романе? Если мы обратимся к топографии Острова и окружающего его пространства, то обнаружим, что она представлена по такому же принципу генерализующей проприализации: *Город*, *Побережье*, *Море*, *Река*, *Лес*. Таким же образом представлена и совсем дальняя периферия: *Континент*, *Большая Земля* и др., и внутригородская топонимика: *Главная Площадь*, *Городские Ворота*, *Монастырь*. Монастырь, однако, имеет вариант названия: *Спасо-Островной монастырь*, и здесь мы наблюдаем своеобразную номинативную ловушку: имитацию/адаптацию реальной модели номинации русских экклезионимов (о термине см. [Подольская 1988, 149]), а именно: названия Спасских монастырей, т.е. основанных в честь Спаса Нерукотворного, Преображения или Входа Господня в Иерусалим, ср. *Спасо-Преображенский монастырь*, *Спасо-Ильинский монастырь*, *Спасо-Евфросиниевский монастырь* и др., см. [Спасские монастыри]. Второй компонент в названии монастыря мог указывать на имя святого, связанного с этим монастырем (ср. *Спасо-Андроников монастырь* — по имени преподобного Андроника Московского, первого игумена монастыря, ученика Сергия Радонежского). Также второй компонент в названии мог указывать на местоположение монастыря (ср. *Спасо-Бородинский монастырь* — женский монастырь, расположенный на Бородинском поле). В романе название *Спасо-Островной монастырь* лишь очень условно выделяется из ряда островных названий, представляющих собой онимизированные апеллятивы, поскольку ориентирующий топоним в его составе — все тот же онимизированный Остров. Происходит ли в итоге концептуализация «перцепта» Остров в читательском сознании? Я думаю, что Остров в романе все-таки концептуализируется, но особым образом — как Фон, для того чтобы на нем выступили Фигуры — персонажи. «Упразднение» пространства в этом романе происходит в том числе и за счет деконструкции импликации «пространство → именование его объектов»: формально именование состоялось, части пространства получили свои имена, но это — квазиимена: все эти апеллятивы

с заглавной буквы — *Город, Крепость, Река* и т.п. — ономастически не покрывают пространства. И пространство, оставаясь неназванным, в итоге «упраздняется». И тогда на этом, по сути, белом фоне встают в полный рост фигуры — персонажи, которые носят имена.

В настоящей статье мы сосредоточимся на функционировании антропонимов в тексте, поэтому не будем специально анализировать имена как список, отражающий национальную специфику и социальную принадлежность именуемых персонажей, а также высказывать предположения, относящиеся к выбору автором имен. Хотя здесь нельзя не упомянуть очень тонкое применение писателем приема иллюзионирования, или создания иллюзии реальности (нем. Illusionierung, см. [Lamping 1983, 29—39]), когда в нарративном пространстве сополагаются имена реальных и фикциональных персонажей (у Водолазкина это скорее образы имен) и тем самым возможный мир текста приобретает иллюзию реального мира. Так, в «Оправдании Острова» из имен шести островных епископов (*Феофан*, *Афанасий*, *Филарет*, *Феопемпт*, *Евсевий* и *Кирилл*) имена *Феофан*, *Афанасий*, *Евсевий*, *Кирилл* присутствуют в списке Константинопольских епископов и патриархов (см.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_патриархов_Константинопольских).

Функционирование антропонимов в тексте будет далее рассмотрено с использованием понятия *ономастической матрицы*. Понимание матрицы представителями гуманитарного знания тяготеет к образности или общей схематичности, что оправдывает выбор этого термина для обозначения инструмента исследования или общей его схемы. Так, представление матрицы как комплекса признаков/контекстов, одновременно ассоциированных с какой-либо сущностью[3], позволяет нам определить ономастическую матрицу мира данного текста как комплекс разноформатных признаков, которыми характеризуются имена и которые (признаки) коррелируют друг с другом. Очень внимательный исследователь ономастики художественного текста, Н.И. Зубов, в одной из работ которого мне встретилось выражение *ономастическая матрица*, употребляет его метафорически. Опи-

[3] Ср. представление о когнитивной матрице как «системе взаимосвязанных когнитивных контекстов или областей концептуализации объекта» в [Болдырев, Алпатов 2008, 5].

сывая ономастическую парадигматику текста, формирующуюся в том числе и с помощью ассоциативных значений фамилий персонажей, он пишет: «… через эти ассоциативные значения фамилии персонажей вступают в парадигматические связи в образной системе рассказа и образуют его своеобразную ономастическую матрицу» [Зубов 2007, 49]. Предлагаемая анкета, которая описывает имя в тексте (точнее, связку «антропоним↔персонаж»), проста и выглядит следующим образом: 1) называние имени, 2) этимология имени, 3) статус персонажа, носящего имя, 4) способ интродукции имени в текст, 5) наличие у антропонима «апеллятивного конвоя», т.е. сопровождающих его квалификативов в виде нарицательных имен, 6) участие/неучастие антропонима в онимическом трансфере, т.е. переходе в другой разряд СИ. Перечисленный список для мира данного текста является достаточным (для других текстов он, возможно, будет иным), и его матричные свойства позволяют ему служить ономастическим инструментом (сеткой) для выявления явных и неявных корреляций в персонажном мире. В рамках данной статьи мы пока остановимся на первых двух пунктах из списка признаков. Первый признак — называние имени. В романе практически нет неназванных персонажей. Даже если персонаж упоминается только один раз, он упоминается в связке с именем, например, кузнец *Агапит* (с. 24)[4]. Два раза в четырех строках упоминается крестьянин *Елевферий*, история которого этими четырьмя строками и исчерпывается: «Далее шли полем, засаженным долгожданными злаками, и там их также никто не встретил, кроме одного только престарелого крестьянина Елевферия, который сказал: Зачем топчете посеянное? Сравнил бы вас, наверное, с саранчой, но боюсь лютыя смерти. Некие же воины хотели Елевферия убить, но его закрыл собой епископ Афанасий, поехавший с войском для умягчения сердец» (с. 45—46). В двух абзацах фигурирует посланник *Анисим* и потом исчезает. Аналогично ведет себя в тексте воевода *Орест*. Дольше — в четырех абзацах — длится текстовая жизнь генерала *Поликарпа* (с. 249—250). Такое упоминание имени вместе с апеллятивом, указывающим на статус персонажа, даже при однократном его появлении — пря-

[4] Ссылки на страницы даются по изданию [Водолазкин 2021].

мое следствие хроникального стиля, избранного автором как нарративный прием и переложенного в уста нарраторов-хронистов. Хронист ведет повествование медленно, задача хроники — фиксировать события, одно за другим, в их развертывании на оси летописного времени. Упоминание имени персонажа позволяет поставить границу событию и перейти к следующему. Фактически персонажи с короткой текстовой жизнью носят имя как знак принадлежности к Островному миру. Безымянны на Острове «чужие». Так, в истории про говорящего пса фигурирует чужой кузнец без имени: «В лето пятое Михаилова княжения на Остров приплыл некий кузнец с говорящим псом, который был слеп. Кузнец тот брал у людей золотые перстни и ожерелья, зарывал их в землю, а затем приказывал псу отыскивать. И откапывал пес драгоценность за драгоценностью, и, взяв зубами, возвращал владельцам, и говорил о каждом: кто милостив и благ, а кто, напротив, блудник и прелюбодей» (с. 61).

Обратимся к следующему признаку — этимологии антропонима, т.е. установлению того нарицательного имени, на основе которого возникло СИ. Этимологическое значение обнаруживается у большинства СИ как единиц языка. Однако это значение не обязательно актуализируется в фикциональном мире текста. Распространенную в некоторых литературоведческих трудах практику трактовать образы героев непременно через призму этимологического значения их имен, взятого из словарей, мы считаем не всегда оправданной, особенно если речь идет об удаленных во времени произведениях. Поэтическую власть этимологии имени над текстом интересно наблюдать в самом тексте, обнаруживая ее текстовые следы в разных нарративных инстанциях, в репликах и намеках участников повествования. В романе встречается как эксплицитный, так и имплицитный способ представления этимологического значения имени, и здесь важную роль играет тип (микро)текста, интенция текста и повествовательная инстанция. Эксплицитно этимология имени представлена в пророчестве, ср.:

«И Агафон сказал:

У тебя, князь, будет сын именем Парфений, что значит *девственник*. У князя же Андроника родится дочь Ксения, то есть *чужая*, что можно понимать как *чужая миру*. И соединятся в браке, и с их соединением на Острове утихнет междоусобица» (с. 61).

Для этих персонажей, одновременно протагонистов и комментирующих нарраторов, этимология имен выполняет функцию характеризации, подчеркивающую их обособленность и особенность, а также проспективную/проективную функцию для развертывания повествования. Эти персонажи ономастически самодостаточны, они не нуждаются в добавлении к своим именам еще каких-нибудь онимических компонентов. В отличие от княжеской четы Парфения и Ксении, характерные черты пророка Агафона и хрониста Прокопия раскрываются не в личных именах, а в прозвищах: Агафон *Впередсмотрящий* и Прокопий *Гугнивый*. Прозрачный смысл прозвища Агафона участвует в констеллировании персонажей *Агафон — Ксения*: «Многое мне в Агафоне созвучно. Изредка я угадываю кое-что из будущего, но об этом не говорю. Не потому, что скрываю, — просто не могу выразить. Ни в коем случае себя с Агафоном не сравниваю: он пред*видел*, а я пред*чувствую.* Это не поддается слову» (с. 64).

С точки зрения представления в тексте этимологии имени и связанных с этим функций выделяется персонаж по имени *Гликерия*, супруга князя Юстина. Этот персонаж присутствует в двух текстах от лица одного нарратора — хрониста Прокопия. Первый текст представляет собой обычный фрагмент хроники, исполненный в соответствующем летописном стиле. Второй текст следует за первым, носит название *Истинная история князя Юстина, написанная Прокопием Гугнивым,* и является другой версией изложения тех же событий, при этом полностью вне хроникального стиля. Интродукция имени и персонажа происходит в первом тексте, при этом *Гликерия* снабжается такими детерминативами, как *сосуд целомудрия, светоч целомудрия и чистоты, благомыслящая, благорассудная*. Значение имени в этом фрагменте текста не раскрывается. Профетической силой в изложенной истории обладает не этимология имени, а один из детерминативов, а именно: *светоч*, ср.: «В лето тридцатое правления Юстина случилось великое несчастье:

сентябрьской ночью запылал княжеский Дворец. Его долго тушили, а когда наконец это удалось, то в княжеской спальне обнаружили два обугленных тела. Это были тела Юстина и Гликерии. Так сгорели два светоча благочестия, и спальня стала им усыпальницей» (с. 80).

Этимологическое значение имени *Гликерия* (греч. Γλυκερία ‘сладкая’) раскрывается в *Истинной истории князя Юстина,* также написанной Прокопием Гугнивым, но в качестве тайной рукописи. В ней Гликерия получает совсем другие характеристики: «Гликерия. Редкостная шлюха, и это лучшее, что о ней можно сказать, потому что в некотором смысле Гликерия даже хуже своего мужа» (с. 85). И далее следует раскрытие этимологии имени: «Гликерия значит сладкая… Сладость ее пробовали с четырнадцати лет и, замечу, очень многие, ибо не было в истории Острова второй такой б… Можно думать, что выражения мои недопустимо сильны, но это не так. Как бы я ни выразился, будет, уверен, слишком мягко» (ibid.). Получается, что «этимологическая Гликерия» оказалась нужной только для второго текста, закрепившего в образе эвоцируемые этимологическим значением коннотации. Для Гликерии первого текста, «светоча целомудрия и чистоты», экспликации значения имени осталась бы без текстовой поддержки. Этот пример демонстрирует когерентность смыслов — общего нарративного и того, который привносится в текст этимологическим значением имени.

Имплицитно представленная этимология имени являет собой определенную рецептивную трудность, для разрешения которой (и для получения эстетического удовольствия) необходима когнитивная активность читателя. Механизмом понимания текстовой ситуации служит инферентный вывод, который основывается на языковой компетенции читателя, его вовлеченности в фикциональный мир данного текста, а также на общих энциклопедических и интертекстуальных знаниях. Обратимся к двум примерам.

«В лето двадцать восьмое Великой Островной Революции жена Власа Глафира родила ему дочь. В воспоминание о детстве, проведенном Председателем на пасеке, девицу нарекли Мелиссой» (с. 265). Имя *Мелисса* (греч. *μέλισσα* ‘пчела’) возникает как оно-

мастическая импликатура, как следствие темы пчел, связанной в этой главе книги с Власом, Председателем Острова. Текст главы отмечен большим количеством слов, относящихся к лексико-семантическому полю пчеловодства, включая такие профессионализмы, как *трутневый расплод, подмор* и *забрус*. Имплицитно присутствующая в данном фрагменте текста *пчела* выводит читателя на значение имени *Мелисса* (в скобках остается знакомство с греческим языком).

Если в главе о Правителе Острова Власе нарратором является хронист (есть еще вставки голосов Парфения и Ксении, но они ведут другую тему), то еще один пример с иплицитной подачей этимологии имени принадлежит Ксении, когда она рассуждает о печальной участи министра Атанаса, велевшего уничтожить 94 листа рукописи *Истории Острова*: «Та ужасная смерть, которая постигла Атанаса, не является ли наказанием за сожжение истории? За пренебрежение к прожитому времени, которое, да, не вечность, но тоже ведь для чего–то дается? Не говоря уже о том, что в Атанасовом случае это смерть бессмертного. Между тем, с подобным именем у него были шансы жить если не вечно, то по крайней мере долго» (с. 149). *Атанас* — болгарский вариант греч. имени Ἀθανάσιος ‘бессмертный’, и эта не очень привычная форма имени помогает разбудить когнитивную активность читателя. Чтобы вычленить θάνατος ‘смерть’, ‘Танатос’ в более привычном для русского глаза и уха варианте *Афанасий,* требуется, на наш взгляд, более длинная цепочка инферентных выводов из-за установления необходимых графических корреляций (*ф — фита — θ — т*). В этом примере подсказкой для расшифровки имлицитно представленного значения имени *Атанас* является метатекстовое замечание «с подобным именем». Оно заставляет читателя вернуться назад и попытаться прочесть в имени выраженный в тексте смысл. Ономастическая импликатура в данном случае выглядит следующим образом: экспликация рефлексии над именем → расшифровка значения имени.

Подводя итог нашим наблюдениям над собственными именами в романе «Оправдание Острова», отметим следующее. Матричность структуры ономастикона романа обусловлена выбранным писателем жанром фикциональной хроники с ее особым течением

времени. Для двух базовых разрядов СИ — топонимов и антропонимов— в романе представлено совершенно разное ономастическое решение. «Ономастическая дематериализация» топонимов, последовательно осуществленная автором в романе, превратила пространство в фон для фигур — персонажей, снабженных антропонимами. Несмотря на почти полное отсутствие в романе неназванных персонажей, у читателя не возникает впечатления неймдроппинга, т.е. «забрасывания именами»[5]. Причина видится в том, что ономастическую интродуктивную стратегию Е. Водолазкин подчиняет летописной нарративной логике, позволяющей вводить персонаж с именем, а затем, не развивая далее линию этого персонажа, переходить к следующему. Но даже короткая жизнь некоторых антропонимов в тексте романа позволяет актуализироваться сразу нескольким характеристикам/признакам имени (этимология, апеллятивный конвой и др.), корреляции которых формируют матричную сетку и все вместе создают неповторимый ономастический образ романа.

Литература

Болдырев Н.Н., Алпатов В.В. Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов // Вопросы когнитивной лингвистики. № 4. 2008. С. 5—14.

Бунчук Т. Н., Дуркин А. И. Стилистические функции имен персонажей в романе Е. Водолазкина «Лавр» // Огарев—online. №5. 2018 // http://journal.mrsu.ru/arts /stilisticheskie-funkcii-imen-personazhej-v-romane-e-vodolazkina-lavr.

Васильева Н.В. Неймдроппинг как дискурсивное поведение и как поэтический прием // Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Белгород, 19—20 ноября 2015 г.) / отв. ред. Ю.А. Зубок. Воронеж: ООО «ПТ», 2015. С. 322—330.

Васильева Н.В. Литературная ономастика: традиционное и новое ([Рец. на кн.]: Kohlheim, V. Der Name in der Literatur / Unter Mitarbeit von R. Kohlheim. Heidelberg: Winter, 2019) // Вопросы ономастики, № 4. 2019. С. 237—247.

[5] О неймдроппинге, в том числе и в художественном тексте, см. [Васильева 2015].

Водолазкин Е. Оправдание Острова: роман. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021.

Знаковые имена современной русской литературы: Евгений Водолазкин / Wybitni pisarze współczesnej literatury rosyjskiej: Jewgienij Wodołazkin / Коллективная монография под ред. Анны Скотницкой и Януша Свежего. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2019.

Зубов Н.И. Два примера ономастической парадигматики художественного произведения // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж: ВГУ, 2007. С. 348—352.

Интервью с Евгением Водолазкиным // https://meduza.io/feature/2020/12/15/izmenilos-oschuschenie-boga-i-vremeni.

Князев С. Утопия, или Чудо о святых во власти. О чем новая книга Евгения Водолазкина // https://www.fontanka.ru/2020/11/28/69583618.

Липовецкий М. Анахронизмы в *Лавре* Евгения Водолазкина, или Насколько серьезна «новая серьезность» // Знаковые имена современной русской литературы: Евгений Водолазкин / Wybitni pisarze współczesnej literatury rosyjskiej: Jewgienij Wodołazkin / Коллективная монография под ред. Анны Скотницкой и Януша Свежего. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2019. С. 49—66.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. Изд. 2. М.: Наука, 1988.

Разумовская В.А. Ономастический код романа «Лавр»: переводческий аспект // Индустрия перевода. Т. 1. 2018. С. 333—339.

Разумовская В.А. Русская культурная память в романе Евгения Водолазкина *Лавр*: переводческая перспектива // Знаковые имена современной русской литературы: Евгений Водолазкин / Wybitni pisarze współczesnej literatury rosyjskiej: Jewgienij Wodołazkin / Коллективная монография под ред. Анны Скотницкой и Януша Свежего. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2019. С. 475—485.

Спасские монастыри // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона // https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/96452/Спасские.

Тюпа В.И. Автор и нарратор в истории русской литературы // Критика и семиотика, № 1. 2020. С. 22—39.

Юзефович Г. «Оправдание Острова» — новый роман Евгения Водолазкина // https://meduza.io/feature/2020/11/28/opravdanie-ostrova-vyhodit-novyy-roman-evgeniya-vodolazkina.

Kohlheim, V. Der Name in der Literatur / Unter Mitarbeit von R. Kohlheim. Heidelberg: Winter, 2019.

Lamping D. Der Name in der Erzählung. Bonn: Bouvier, 1983.

Onymic matrices in Yevgeny Vodolazkin' s novel *Opravdanie Ostrova*

('Apologia of the Island')

N.V. Vasilyeva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

The paper analyses structures of proper names in Yevgeny Vodolazkin's latest novel *Opravdanie Ostrova* ('Apologia of the Island', 2020). The implicative influence of the genre of fictional chronicle on nomina propria in the text is noted. The distribution of proper names types according to the functions they perform, as well as the ways how proper names are introduced in the text, highlight some kind of a matrix structure of the novel onomasticon.

Keywords: Literary Onomastics, onymic matrices, onymic implicatures of the text, introduction of proper names, Yevgeny Vodolazkin.

DOI: 10.37892/2218-1393-2021-15-2-114-123

A few bad apples: употребление одной пословицы и производной от нее идиомы в американском варианте английского языка[1]

П.С. Дронов (Институт языкознания РАН)

Аннотация

Статья посвящена особенностям употребления английской пословицы *The bad apple spoils the whole <entire> barrel <bushel; bunch> <The rotten apple injures its neighbor>* (букв. ‘Гнилое яблоко всю бочку / весь мешок / всю кучу портит; Гнилое яблоко портит соседнее’) в американском варианте английского языка. Рассматриваются варьирование пословицы, употребление ее именной группы *bad apples* в качестве самостоятельной идиомы, особенности семантики этой идиомы (особенно в сочетании с кванторными компонентами, такими как *a few* ‘несколько’), ее функционирование, сосуществование с исходной пословицей в современном американском общественно-политическом дискурсе (прежде всего, в рамках движения BLM).

Ключевые слова

Пословицы; идиомы; кванторы; американский вариант английского языка; общественно-политический дискурс.

Как известно, одной из черт, присущих фразеологическим единицам, является воспроизводимость. Воспроизводимость фразеологизмов проявляется, прежде всего, в их употреблении в готовом виде, т. е. знак не создаётся каждый раз заново, а воспроизводится с закрепленными за этим знаком планом выражения и планом содержания. В то же время, по замечанию С.А. Ромашко, «воспроизводимость никогда не бывает штамповкой» [Запись дискуссии… 2005, 249]. Воспроизводимости фразеологизмов не противоречат ни возможность варьирования, ни возможность трансформации и модификации, ни

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00239а «Паремии в пространстве современных американских массмедиа».

появление на их основе новых единиц. В данной статье рассматривается развитие нового самостоятельного фразеологизма на основе пословицы, а также рефлексия говорящих по поводу употребления обеих единиц.

Объектом исследования стала пословица *The bad apple spoils the whole <entire> barrel <bushel, bunch>* (букв. ‘Плохое/гнилое яблоко портит всю бочку / весь мешок / всю кучу’) в американском варианте английского языка. У данной пословицы также есть вариант *The rotten apple injures its neighbor* (букв. ‘Гнилое яблоко ранит своего соседа’). В словаре “Farlex Dictionary of Idioms” даются следующие толкования:

“1. proverb It only takes one bad person, thing, element, etc., to ruin the entire group, situation, project, etc. <…>

2. proverb The criminal, unethical, corrupt, or otherwise negative behavior of a single person will spread to other people around them” (‘1. Пословица: всего один отрицательно влияющий человек, предмет, элемент и т.д. способен привести к гибели всю группу людей, резко ухудшить ситуацию, нарушить план и т.д. 2. Пословица: преступное, неэтичное, коррумпированное и любое иное деструктивное поведение одного человека распространяется на других людей вокруг него’) [Farlex Idioms].

Аналогичные пословицы есть и в древних языках: ср. лат. *Pomum compunctum cito corrumpit sibi junctum* ‘Гнилое яблоко быстро портит ближайшее к себе’. Кроме того, в современных языках существуют пословицы, построенные по той же структурной модели и имеющие схожую метафору, но иной компонентный состав, — например, рус. *Паршивая овца все стадо портит*, фр. *Brebis galeuse gâte le troupeau* (полный эквивалент русской пословицы).

Согласно [Oxford Proverbs], *The rotten apple injures its neighbour* исторически имеет множество вариантов начиная со среднеанглийского периода, ср. в трактате «Угрызения совести» (“Ayenbite of Inwit”). *A roted eppel amang the holen, maketh rotie the yzounde* ‘Гнилое яблоко среди целых заставляет гнить здоровые’.

Образ в основе пословицы понятен и очевиден: некие люди, предметы или явления с нежелательными свойствами способны негативно влиять на других людей, другие предметы и явления, и это осмысляется как передача гнили и плесени с одного яблока на другое. Образная составляющая пословицы может получать дальнейшее развитие (1), в том числе с расширением компонентного состава (1a).

(1) **a.** *The Republicans House Leader "Mitch McConnell" needs to step down if he can't get his House in Order.* ***A few rotten apples will soon spoil the entire bushel if you don't take them out.*** 'Если лидер республиканцев в палате представителей Митч Мак-Коннелл не может привести палату в порядок, он должен уйти в отставку. Несколько гнилых яблок быстро испортят весь мешок, если их не убрать' [2012; WEB; nationalmemo.com; COCA]. **b.** *Not a one of them I've ever worked with you couldn't trust with everthing you've got. There* ***may be bad apples in the barrel, but it's a damn big barrel and precious few spotty apples****.* 'Любому из тех, с кем я работал, можно доверить все, что у тебя есть. Конечно, в этой бочке могут быть гнилые яблоки, но это чертовски большая бочка, а пятнистых яблок очень мало' [2012; BLOG; scienceblogs.com; COCA]. **c.** *Everyone assumes that his own family is doing a good job?* ***but is someone else sneaking rotten apples into the barrel****? Will the next generation be strong enough to protect and nurture this one in its dotage?* 'Все полагают, что их семьи поступают правильно — но неужели кто-то другой тайком подкладывает в мешок гнилые яблоки? Хватит ли следующему поколению сил, чтобы защищать и поддерживать нынешнее, когда оно впадет в маразм? [2012; MAG; NewStatesman; COCA]. **d.** *A number of us have sent kids off to Arcadia... myself included. But it must be done for the good of this community. And people, let us not forget... that we've saved plenty more than we've lost. Plenty more!* ***And if we have to toss out a few bad apples****... I say it's worth it.* 'Некоторые из нас отправили детей в Аркадию… и я в их числе. Но это необходимо ради блага нашей общины. Люди, давайте не будем забывать… что сохранили мы куда больше, чем потеряли. Гораздо больше! А если надо выбросить несколько гнилых яблок… Скажу так: оно того стоит' [1959; TV/MOV; The Twilight Zone; COHA].

Sneak rotten apples into the barrel (1c) и *toss out a few bad apples* (1d) являются антонимами. Кроме того, они находятся с *there may be bad apples in the barrel* (1b) в отношениях актантной деривации (точнее, каузативации — введения в аргументную структуру участника с семантической ролью агенса); ср., например, рус. *сидеть на хлебе и воде — посадить на хлеб и воду* (каузатив в строгом смысле, как морфологический дериват), *пойти с молотка — пустить с молотка* (каузатив в широком смысле) [Добровольский 2011, 208—209].

В состав пословицы могут быть введены кванторы или количественные слова, и это приводит к изменению актуального значения: на первый план выходит то, что нежелательных элементов очень мало; подобный структурный и семантический переход фиксируется достаточно давно, ср. пример употребления из 50-х гг. XX в.:

(2) *In your editorial on Feb. 26 entitled "Bad and Good Unionists," while supporting the Senate probe, you chose to perpetuate the widespread apologia to the effect that* ***"the number of rotten apples in labor's barrel is small compared with those that are sound."*** 'В вашей редакционной статье от 26 февраля, озаглавленной «Хорошие и плохие профсоюзные деятели», вы, при всей поддержке расследования сената, решили повторить и закрепить широко известную апологию в том смысле, что число гнилых яблок в профсоюзной бочке мало по сравнению с числом здоровых' [1957; NEWS; NYT-Letters; COHA].

Именная группа пословицы употребляется отдельно, причем в словарях она рассматривается как отдельная единица, ср.: "If you refer to someone as **a bad apple** or as **a rotten apple**, you mean that they are very dishonest, immoral, or unpleasant, and that they have a bad influence on the people around them" 'Если вы именуете кого-то плохим яблоком или гнилым яблоком, вы хотите сказать, что это человек бесчестный, аморальный или неприятный и что этот человек дурно влияет на окружающих' [Collins COBUILD, 8]. Ср. (3):

(3) *Sometimes, good people are just put into the wrong roles. The only thing worse than that is when the* ***bad apples*** *keep getting promoted rather than being dealt with appropriately.* 'Иногда хороших людей просто помещают не на свое место. Хуже этого только ситуация,

когда «гнилые яблоки» все время идут на повышение вместо того, чтобы получить по заслугам’ [2012; BLOG; blog.upmo.com; COCA].

Отдельное употребление именной группы может быть обусловлено и тем, что она входит в состав еще одной пословицы — *Small choice in rotten apples* [Oxford Proverbs, 456]. Эта пословица является цитатой из «Укрощения строптивой» Шекспира: *Faith, as you say, there’s small choice in rotten apples* ‘Конечно, вы правы: меж гнилыми яблоками выбор не велик’ (пер. М. Кузмина). Ср. грамматическую трансформацию данной пословицы в (4):

(4) *Early in December 1800, the Convention of Mortefontaine, ending hostilities between the United States and France, was presented to the senate by President Adams. In a letter to Hamilton on December 18, Gunn described the convention as “detestable. The independence of our country humbled to the dust.” The Georgia senator went on to tell Hamilton that if, as current rumor had it, both Jefferson and Burr received seventy-three votes in the electoral college, it was “probable that the federalists* ***will have to choose among rotten apples****.”* ‘В начале декабря 1800 г. президент Адамс показал сенату Мортефонтенскую конвенцию о прекращении боевых действий между США и Францией. В письме Гамильтону от 18 декабря Ганн описывал конвенцию как «мерзость. Независимость нашей страны унижена и втоптана в прах». Далее сенатор от Джорджии сообщил Гамильтону, что, если Джефферсон и Бёрр, по слухам, получили в коллегии выборщиков семьдесят три голоса, то «вероятно, что федералистам придется выбирать меж гнилыми яблоками»’ [2010; ACAD; GeorgiaHisQ; COCA].

Интересно, что идиома также употребляется и в ином значении, отличном от указанного выше. Именная группа сохраняет только часть актуального значения — ‘бесчестные, аморальные, неприятные люди’, и «сгущения мысли» (по А. А. Потебне) всей пословицы не происходит. Ср. (5):

(5) **a.** *It’s more palatable to think of sexism or racism or ageism as a symptom of* ***a few rotten apples*** *than as a fundamental human trait.* ‘Более приемлемо считать, что сексизм,

расизм или эйджизм — это не базовая человеческая черта, а симптом нескольких гнилых яблок' [2012; WEB; ideas.time.com; COCA]. **b.** *Up until this point, torture has been something that* ***"a few rotten apples"*** *do.* 'До этого момента пытки были тем, чем занимаются только «несколько гнилых яблок»' [2012; BLOG; harpers.org; COCA].

Заметим, что в этих примерах, как и в (3), изменение значения сопряжено с вводом квантора *a few*. В то же время при игровом употреблении и двойной актуализации (6) идиома может быть употреблена и в словарном, и в «несловарном» значениях.

(6) *They got Granny Smith, Arkansas Blacks. Used to be, the only Arkansas blacks I knew was my cousin's family in Little Rock.* ***Some rotten apples in that tree.*** 'У них есть Гренни Смит, арканзасские черные. Когда-то единственными арканзасскими черными, которые мне известны, были родные моего кузена из Литл-Рока. Есть на той яблоне гнилые яблоки' [2014; TV; Rake; COCA].

Данный пример содержит каламбур, основанный на разных значениях *Arkansas Blacks*: речь идет одновременно о сорте яблок и об афроамериканцах из штата Арканзас. Точно так же *rotten apples in that tree* может быть понято двояко. Заметим, что идиома здесь употреблена с широкозначным кванторным компонентом *some*.

В «несловарном» значении идиома *bad/rotten apple* используется в тех случаях, когда требуется оправдать какие-либо отрицательные явления, например, полицейский произвол, ср. (7).

(7) **a.** *"I don't believe that all policemen are bad," Maxson said.* ***"You always have a rotten apple here and there in every bunch."*** '— Я не считаю всех полицейских плохими, — сказал Максон, — В любой куче яблок то тут, то там всегда найдется гнилое' [2017; NEWS; Chicago Sun-Times; COCA]. **b.** *Do you think that you bear some responsibility for* ***the bad apples in the police department****?* 'Вы не считаете, что несете какую-то ответственность за гнилые яблоки в департаменте полиции?' [2010; ACAD; GeorgiaHisQ; COCA].

В 2020—2021 гг. связь этой идиомы с пословицей вновь стала актуальной в рамках движения BLM. Убийство Дж. Флойда (25 мая 2020 г.), как и другие случаи полицей-

ского произвола и расизма, пытались объяснить существованием *bad apples,* ср. цитату из Д. Трампа от 11 июня 2020: *You always have a bad apple, no matter where you go. There aren't too many of them in the police department* 'Куда ни пойдешь — везде будет какое-нибудь гнилое яблоко. В полиции их не так уж и много' [Cunningham 2020]. В качестве контраргумента в полемике с представителями власти активно используется апелляция к внутренней форме идиомы и исходной пословицы. Типичный пример — статья «Как же гниют яблоки» (*How Apples Go Bad*) Х. Рознер, колумниста еженедельника «Нью-Йоркер», [Rosner 2020]. Эпиграфом к статье служат слова советника по вопросам национальной безопасности Р.О'Брайена: *There's* ***a few bad apples that are giving law enforcement a terrible name*** 'Есть несколько гнилых яблок, которые позорят правоохранительные органы'. В конце автор делает вывод: "The only way to avoid rot is to be proactive: check every apple, every tree. At the first sight of something amiss—a bruise or broken skin, a sunken place—toss that apple out, but don't stop there. Scrub all the others and monitor them closely, but know that it's likely already too late. Better to trim and burn the infected branch, or even the whole tree" 'Единственный способ избежать гнили — действовать с упреждением: проверять каждое яблоко, каждое дерево. При первом признаке чего-то нехорошего — помятости, треснувшей кожуре, впадине — яблоко надо выбросить, но нельзя остановиться только на этом. Тщательно чистите все остальные, тщательно следите за ними, но знайте, что, вероятно, уже слишком поздно. Лучше обрезать и сжечь зараженную ветку, а лучше — всю яблоню целиком' [Op. cit.].

Любопытен комментарий Б. Циммера, лексикографа и колумниста «Уолл Стрит Джорнал»:

"'The way it's used rhetorically now is often defensively to protect the reputation of a group of people, minimizing concern over what happens with certain members of a group,' Zimmer said.

Not only had the meaning changed, but during the idiom's revival it actually became more popular than before – a rare move for a proverb.

‘This is an unusual case where it was fading, but it makes this big comeback with a different meaning. I can’t think of very many expressions like that,’ Zimmer said. <…> While Zimmer said it’s possible for the idiom to revert back, given the proverb's popularity, it would be challenging to change course.

“This is something that has been going on since the mid-20th century at least,” he said. “Obviously the original meaning hasn’t been lost completely or we wouldn’t be talking about it. It’s still out there and confusing to people.” You have two versions of things that mean the opposite.” ‘«В наше время выражение часто используют риторически, когда надо защитить репутацию группу людей, сводя к минимуму беспокойство по поводу того, что происходит с определенными членами группы», — говорит Циммер. Изменилось не только значение: возвращаясь в обиход, это выражение стало даже популярнее, чем раньше, — редкий случай у пословиц. «Это необычный случай, когда пословица выходит из обихода, а потом внезапно возвращается в другом значении. Не могу вспомнить других подобных выражений», — говорит Циммер. <…> Хотя Циммер считает, что выражение может вернуть исходное значение, сменить курса будет тяжело в силу популярности этой пословицы. «Это все происходит, как минимум, с середины XX в., — объясняет он, — Очевидно, что исходное значение не было потеряно, иначе бы мы об этом не говорили. Оно все еще есть, и оно запутывает людей». Есть две версии, которые прямо противоположны друг другу’ [Cunningham 2020].

С данным утверждением едва ли можно полностью согласиться: актуальное значение идиомы *bad/rotten apple* непосредственно основано на значениях пословицы *The bad apple spoils the whole barrel/bushel/bunch* и прецедентного текста *There’s small choice in rotten apples*. В то же время мы можем констатировать: исходная пословица и возникшая на ее основе идиома существуют одновременно, и их семантика и прагматика противопоставляются друг другу. Это обусловлено тем, что идиома, помимо словарного значения ‘плохие люди, способные оказать дурное влияние на окружающих’ («сгущения мысли» всей пословицы в ее именной группе), приобретает иное — ‘плохие люди, которые

являются исключением из правила’. Такое значение появляется тогда, когда употреблен какой-либо кванторный компонент, указывающий на малое число подобных людей. На наш взгляд, идиому в этом случае следует включать в словарь следующим образом: [*a few <several; not <too> many …>*] *bad <rotten> apples*. Многозначность и формальное варьирование данной идиомы гипотетически, может привести даже к появлению речевой формулы, основанной на соположении идиомы и пословицы в диалоге: *There are just a few bad apples* vs. *But they spoil the whole bunch*. Как можно увидеть, фразеологизм существует в единстве исходной (или основной) формы и разнообразии вариантов и модификаций, которые способны влиять на развитие знака, менять его основную форму, производить на основе одного фразеологизма новые самостоятельные единицы.

Список сокращений

COCA —Corpus of Contemporary American English // http://english-corpora.org/coca.

COHA — Corpus of Historical American English // http://english-corpora.org/coha.

Collins COBUILD — Collins COBUILD Dictionary of Idioms. Glasgow: HarperCollins*Publishers,* 1997.

Oxford Proverbs 2015 — Speake, J. The Oxford Dictionary of Proverbs. Oxford University Press, 2015.

The Free Dictionary [Internet]. "bad apple spoils the whole barrel". Farlex Dictionary of Idioms, Farlex, Inc, 2015 [cited 10 Jun. 2021] // https://idioms. thefreedictionary.com/bad+apple+spoils+the+whole+barrel.

Литература

Добровольский Д.О. Конверсия и актантная деривация во фразеологии // Слово и язык: Сб. статей к восьмидесятилетию акад. Ю.Д. Апресяна / Отв. ред. И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 207—227.

Дронов П.С. Actions speak louder than words, Stupid is as stupid does: лексико-грамматические изменения пословиц в американской публицистике и речевом общении Интернета // Rhema. Рема. 2020, № 3. С. 9—21. DOI: 10.31862/2500-2953-2020-3-9-21.

Запись дискуссии, проходившей в рамках рабочего совещания «Культурные факторы воспроизводимости в дискурсе» 02 декабря 2004 года в Пушкинской гостиной филологического факультета МГУ // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. статей. Вып. 30 / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 197—260.

Cunningham M. 'A few bad apples': Phrase describing rotten police officers used to have different meaning // ABC News, 14 June 2020 // https://abcnews.go.com/US/bad-apples-phrase-describing-rotten-police-officers-meaning/story?id=71201096.

Rosner H. How Apples Go Bad // The New Yorker, June 8, 2020 // https://www.newyorker.com/culture/annals-of-gastronomy/how-apples-go-bad.

***A few bad apples*: actual usage of a proverb and its derivative idiom in contemporary American English**

Pavel Dronov (Institute of Linguistics,

Russian Academy of Sciences)

The article deals with the actual usage of the Anglo-American proverb *The bad apple spoils the whole <entire> barrel <bushel; bunch>* (also known as *The rotten apple injures its neighbor*) in contemporary American English. Apart from the proverb, the article considers the separate use of its nominal part, *bad/rotten apples*, as a separate idiom in its own right. Emphasis is put on the semantic and pragmatic shift that occurs when the idiom is used with quantifiers (e.g. *a few*) and appears to juxtapose the idiom and the proverb in contemporary American political discourse, especially the one connected to the BLM movement.

Key words: proverbs, idioms, quantifiers, American English, political discourse.

DOI: 10.37892/2218-1393-2021-15-2-124-151

Этнолингвистическая ситуация и языковая политика Гаити

В.А. Кожемякина (Институт языкознания РАН)

Аннотация

В статье представлена динамика языковой ситуации в Республике Гаити и ее характеристика на современном этапе, а также проведен анализ языковой политики и языкового законодательства в стране. Проанализировано функционирование языков в регулируемых государством сферах коммуникации и при межличностном общении: в семье, в быту и т.п. Основное внимание уделяется использованию языков в системе образования, которая является одной из самых важных коммуникативных сфер как для передачи знаний и культуры от поколения к поколению, так и для формирования языковой компетенции молодежи страны. Республика Гаити представляет собой образец языковой ситуации в бывшей колонии, где после двухсотлетнего периода независимости французский язык, язык колонизаторов, до сих пор является доминирующим в системе образования в ущерб гаитянскому креольскому языку, на котором говорят 90% населения.

Ключевые слова

Социолингвистика; языковая политика; языковая ситуация; языковое законодательство; законы о языках, функционирование языков в регулируемых государством коммуникативных сферах.

Независимое государство Республика Гаити расположено в западной части острова Гаити. В восточной части острова находится Доминиканская Республика. Остров омывается со всех сторон Атлантическим океаном и Карибским морем.

Для того чтобы прояснить особенности функционирования языков в Республике Гаити, следует сделать краткий экскурс в историю этой страны.

Освоение территорий Карибского бассейна началось в 1492 г. с открытия Христофором Колумбом острова Гаити[1], который был назван Эспаньолой (Hispañola — ‘испанская’). В доколумбовую эпоху остров населяли индейские племена араваков и карибов. Аборигены называли свой остров Айити (Ayiti), т.е. «Земля высокогорья». Остров Эспаньола был заселен первыми европейскими переселенцами под руководством брата Христофора Колумба — Бартоломео Колумба, который основал в 1496 г. поселение Новая Изабелла (la Nueva Isabela) в честь королевы Кастилии. Испанские поселенцы поработили коренных жителей острова — индейцев араваков (или таино) и карибов, принудив их к тяжелым работам на золотодобывающих шахтах. Предполагается, что до приезда испанских колонизаторов местное население насчитывало несколько сотен тысяч индейцев [Butel 2017]. Менее чем за четверть века почти все коренное население вымерло от

[1] В русской географической традиции название острова «Эспаньола», данное Христофором Колумбом и принятое во франкоязычных и англоязычных странах, было заменено на топоним «Гаити», происходящий из языка аборигенов.

непосильных тяжелых работ. Тогда испанцы начали завозить на остров черных рабов из Африки для работ по добыче золота. Чернокожие рабы были более выносливы, чем индейцы при выполнении тяжелых работ.

Со временем Франция, более богатая и более мощная политически, чем Испания, заняла западную часть острова. Здесь была создана новая французская колония Сан-Доминго. Франция продолжала инвестировать в развитие плантаций и импорт рабов. Негры — рабы из Африки, работавшие на плантациях, были разной национальности, говорили на разных африканских языках, и для возможности общения они разработали особый язык, который в дальнейшем стал гаитянским креольским языком.

По Рейкьявикскому договору 1697 г. Испания признала за Францией права на владение западной частью острова, ставшей в дальнейшем Гаити (Haïti), тогда как Испания сохранила за собой восточную часть, которая по-прежнему называлась Эспаньолой (будущая Доминиканская Республика). Для того чтобы защититься от англичан, французы основали в 1749 г. в заливе город Порт-о-Пренс[2] (фр. Port-au-Prince), который стал столицей колонии в 1770 г. [GDH].

Французская колония продолжала привозить сюда черных рабов для работ на сахарных плантациях. Очень скоро во французских заморских владениях возникло рабовладельческое плантационное хозяйство, основанное на эксплуатации африканских рабов. К 1791 г. во французской колонии Сан-Доминго из 536 тысяч жителей почти 500 тысяч были чернокожими рабами, а белое население составляло всего 35 тысяч человек. Самыми важными и доходными культурами, которые выращивали на плантациях, были сахар и кофе, пользовавшиеся огромным спросом в Европе [GDH; Butel 2017].

Условия труда чернокожих на сахарных и кофейных плантациях были невыносимыми. Повсюду в колониях рабов считали скотом и обращались с ними соответственно. Беспощадный террор и угнетение приводили к тому, что рабы нередко убегали от своих

[2] Порт-о-Пренс (гаит. креольск. Pòtoprens, фр. Port-au-Prince) — столица и главный внешнеторговый порт Гаити. Порт-о-Пренс находится на берегу залива Гонав; бухта, в которой располагается город, представляет собой естественную гавань, которая является экономическим центром еще со времен цивилизации араваков. Город является самым крупным на Гаити.

хозяев, а иногда и поднимали восстания. Поэтому возникла острая необходимость правового закрепления статуса рабов с целью законодательной защиты интересов рабовладельцев. В марте 1685 г. был принят «Черный кодекс, относящийся к управлению французских островов в Америке[3]» [CN1685]. В преамбуле отмечалось, что на американских территориях, принадлежащих Франции, «имеется нужда в том, чтобы нашей властью и нашим правосудием поддержать дисциплину и установить правила касательно положения рабов» [CN1685].

В Черный Кодекс входил набор правовых документов, разработанных в XVII и XVIII вв. и регламентирующих жизнь чернокожих невольников на французских островах, в частности, ордонанс 1685 г. Людовика XIV, содержащий около шестидесяти статей, регулирующих жизнь на плантациях, который был дополнен более поздними указами и подробными правилами.

Правительство Людовика XV издало еще один акт такого рода, отличающийся своим цинизмом. В нем говорилось: «Весьма важно для сохранения общественного порядка не ослаблять состояния приниженности, присущего черной расе, в какой бы степени это ни выражалось <..> Его величество пожелал поддерживать предрассудок, который должен устранить навсегда людей с цветной кожей и их потомков от всех преимуществ, присущих белым» [CN1724]. 3 декабря 1784 г., то есть незадолго до Великой французской революции, последовал эдикт Людовика XVI, якобы смягчавший участь рабов. Он ограничивал пятьюдесятью ударами кнута любое наказание, к которому мог быть присужден раб.

Черный Кодекс применялся на Антильских островах с 1687 г., затем в 1704 г. им стали пользоваться во Французской Гвиане, а в Реюньоне — в 1723 г. и в Луизиане — в 1724 г. [Butel 2017]. Он исключал рабов и семьи рабов американских островов из практики обычного общего права Франции того времени и предоставлял хозяевам для поддержания дисциплины помощь местной полиции и солдат для осуществления телесных

[3] Все цитаты в статье переведены автором.

наказаний рабов, в том числе процедур, калечащих рабов — таких, как, например, клеймение раскаленным железом. Чёрный кодекс также регламентировал телесные наказания, позволяя владельцам применять жестокие методы для внушения своим рабам должного послушания.

Черный Кодекс предоставлял некоторые права рабам и накладывал обязательства на владельцев — кормить, одевать и поддерживать здоровье своих рабов. Кодекс требовал от хозяев окрестить и обратить в католическую веру всех своих рабов, запрещал истязать их, а также требовал не допускать рождение детей вне брака от союза рабыни и свободного человека. Если рабыня рожала ребенка от свободного человека, то его отправляли в дом для негров, без права когда-либо получить свободу. В то же время, если мужчина-раб женился на свободной женщине, то их дети были свободными, т.к. принадлежали бы к сословию матери.

Для свершения браков рабов было необходимо согласие хозяев. Дети, рожденные от браков между рабами, становились рабами и принадлежали хозяевам жен-рабынь, а не хозяевам их мужей, если муж и жена имели разных хозяев.

Черный кодекс признавал за рабами право жаловаться на жестокое обращение судьям и представителям королевской администрации, право неофициально свидетельствовать в суде, жениться, протестовать против жестокого обращения.

Семь первых статей Черного Кодекса [CN1685] обязывали хозяев рабов принять все необходимые меры для того, чтобы обратить всех своих рабов в католицизм и запретить все другие верования на своих островах. Следующие статьи обязывали рабовладельцев так организовывать жизнь принадлежащих им рабов, чтобы продлить длительность их жизни, т.к. продолжительность жизни рабов не превышала 6—7 лет.

Интересы рабов, сведенных до уровня рабочей скотины, заключались в том, чтобы была еда и одежда для защиты от непогоды.

Статьи 28—29 подтверждали невозможность для раба обладать чем бы то ни было, что не принадлежало бы его хозяевам, и всё, что они могли получить от своей работы или в качестве дара от других лиц, переходило в полную собственность хозяев.

Статьи 33—35 определяли деяния, за которые рабов без промедления могли казнить: если раб поднял руку на хозяина, членов его семьи либо другого свободного человека, или же совершил кражу «коней, мулов, быков или коров».

В статье 36 определялось наказание за совершенную рабами кражу баранов, коз, свиней, домашней птицы, сахарного тростника, гороха, маиса, маниоки или овощей. Они могли быть приговорены к избиению розгами и к клеймению.

Статья 38 требовала сурового наказания беглого раба. Он лишался обоих ушей и ему накладывалось клеймо на одно плечо. В случае повторного побега у рабов должны быть подрезаны сухожилия и накладывалось клеймо на второе плечо. При третьем побеге он наказывался смертью. Также наказывались вольноотпущенные, которые давали приют беглым рабам (статья 39).

Следующие статьи определяли обязанности хозяев рабов. Так, по статье 42 хозяева могли, когда они так посчитают, приказать заковать своих рабов в кандалы и наказывать розгами или веревкой, но им запрещалось «подвергать их пытке либо причинять какое-либо членовредительство под страхом конфискации рабов и чрезвычайных мер против хозяев». При продаже рабов хозяевам запрещалось продавать раздельно мужа и жену и их малолетних детей, если они находились под властью одного хозяина.

Также рабовладельцам предоставлялись все права освобождения своих рабов. При освобождении рабы получали те же права и привилегии, которыми пользовались лица, рожденные свободными [CN1685].

Следует отметить, что Черный кодекс не применялся в колониях, находившихся на территории современной Канады, где не практиковалось рабство, но тем не менее иногда коренное население находилось в рабском положении по отношению к белым колонизаторам.

Присутствие большого количества черных рабов во французских колониях оказало влияние на лингводемографическую ситуацию. Потомки рабов продолжают жить на этих территориях, и они сохранили те креольские языки, которые сложились в период колониального периода.

Французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г. заявила об отмене рабства, но под влиянием Конвента было уточнено, что принцип равенства относится только к жителям метрополии (там, где не было рабов в то время) и никак не касалось американских колоний.

Четвертого февраля 1794 г. Конвент объявил об отмене рабства, но без принятия мер по ее осуществлению. Рабы не имели никакого статуса или права.

Наполеон Бонапарт восстановил законом 20 мая 1802 г. рабство в колониях, которые Англия вернула Франции по условиям Амьенского мирного договора.

И хотя работорговля во Франции была запрещена в 1815 г., рабство было полностью отменено лишь во время Февральской революции 1848 г.

Колония Сан-Доминго была самой богатой французской колонией Нового Света благодаря экспорту сахара и кофе, выращиваемых на больших плантациях. В конце XVIII в. накануне Французской революции колония насчитывала более 700 000 рабов, при малой численности белых людей — примерно 50 000 человек, в это же время на испанской части острова находилось только 30 000 рабов. [Butel 2017; AL].

В конце XVIII в. идеи Великой Французской революции достигли острова, и белые плантаторы начали требовать независимости острова от Франции, свободные мулаты и свободные негры требовали уравнять их в правах с белыми свободными людьми, а негры-рабы поднимали массовые восстания за свое освобождение [Чернова 2003]. Невыносимые условия жизни и труда рабов приводили к выступлениям или попыткам побега. Крупное восстание негров произошло в 1791 г., когда были убиты более 1000 белых хозяев, и многие фабрики по производству сахара и кофе были разгромлены. В 1793 г. на остров вторглись англичане, воевавшие с Францией. Испания, которая выступала против

революции во Франции, привлекла восставших рабов на свою сторону, обещая им свободу. В феврале 1794 г. лидер повстанцев Франсуа Доминик Туссен-Лувертюр[4] перешёл на сторону Франции и в мае завладел Сан-Доминго. Затем он стал фактическим руководителем севера страны, а в 1798 г. окончательно изгнал с острова английские войска. В январе 1801 г. Туссен-Лувертюр отменил рабство, земли белых плантаторов перешли в собственность негритянской верхушки. Доминик Туссен-Лувертюр хотел создать черную республику. В 1802 г. Франция предприняла попытку вернуть контроль над островом, там высадился экспедиционный корпус. Негритянские войска были разбиты. Туссен-Лувертюр попал в плен, был вывезен во Францию, где вскоре умер в тюрьме. Однако в июне 1802 г. по острову прошла тропическая лихорадка, от которой у французов не было защиты, вымирал один полк за другим. Занятый подготовкой войны с ведущими европейскими державами, Наполеон Бонапарт потерял интерес к французским колониям в Новом Свете, и присланные на остров войска остались без поддержки [GDH; Redon 2010].

Вскоре гаитянские генералы Дессалин[5], Кристоф и Петион вновь развернули войну против белых колонизаторов. Через год французские войска бежали из страны; три четверти французских солдат погибли.

1 января 1804 г. лидер повстанцев генерал Жан-Жак Дессалин провозгласил в западной части острова создание независимого государства и назвал его древним индейским именем Гаити. В том же 1804 г. он объявил себя императором Жаком I. В 1805 г. была принята конституция, по которой было отменено рабство и был введён запрет на покупку иностранцами недвижимости на территории Гаити [GDH].

В новом государстве земли были переданы бывшим рабам, что вызвало недовольство бывших военных и плантаторов. В октябре 1806 г. они подняли мятеж и провозгла-

[4] Франсуа-Доминик Туссен-Лувертюр (фр. François-Dominique Toussain-Louverture; 20 мая 1743 г. — 8 апреля 1803 г.) — лидер Гаитянской революции, в результате которой Гаити стало первым независимым государством в Карибском бассейне. Отец Туссена был рабом-африканцем, но, несмотря на это, был обучен грамоте. Туссен тоже получил образование, в возрасте около 33 лет получил свободу.

[5] Жан-Жак Дессалин (гаит. креольск. Janjak Desalin, фр. Jean-Jacques Dessalines, 1758–1806) родился на острове в семье рабов. Дессалин стал национальным героем Гаити.

сили президентом Анри Кристофа. 17 октября 1806 г. Жан-Жак Дессалин был убит. Из-за возникших междоусобиц между неграми и мулатами государство раскололось на «Государство Гаити», контролируемое негром Анри Кристофом, и «Республику Гаити», контролируемую мулатом Александром Петионом.

В 1811 г. Кристоф провозгласил себя королём Анри I. В его государстве был создан дворянский класс, состоящий из негров, основаны школы, создана армия, стала развиваться торговля.

В Республике Гаити, контролируемой Петионом, был предпринят ряд мер, давших толчок развитию экономики: в частности, были розданы мелким землевладельцам земли и был отменён налог в размере трети урожая. Петион поддерживал борьбу за независимость Латинской Америки и помогал Боливару.

После смерти Петиона в марте 1818 г. президентом стал Жан-Пьер Буайе, который сумел распространить своё влияние на весь остров и стал правителем всего Гаити. Буайе правил Гаити до 1843 г. Он добился от Франции признания независимости своего государства, но в обмен должен был уплатить большую компенсацию за конфискованную собственность. В марте 1843 г. после вспыхнувшего вооружённого восстания Буайе подал в отставку. До 1879 г. в стране царил хаос: правительства сменялись одно за другим. Положение ещё больше ухудшилось в XX веке. Смены диктаторов, погодные катаклизмы (разрушающие остров ураганы и землетрясения) довели страну до сегодняшнего состояния, когда некогда богатая страна Гаити стала самым бедным государством в мире.

В настоящее время Республика Гаити занимает 36% площади острова и насчитывала в 2017 г. 10 981 000 чел. [Ethnologue]. В 2019 г. на Гаити началась перепись населения, но её результаты ещё не обработаны, представлены только отдельные статистические данные, в частности, указано, что население страны в 2018 г. составляло 11 411 527 человек [RH2019]. По данным международного Атласа населения в 2021 г. в Гаити насчитывалось 11 946 331 чел. [PDH].

В Акте независимости, принятом в 1804 г. при провозглашении независимости

Гаити, составленном на французском языке, говорилось: «Главнокомандующий <…> высказал в своей речи решимость сделать страну независимой и сохранять свободу, освященную кровью народа острова, и потребовал от генералов принести присягу в том, что они отказываются от всякого подчинения Франции и скорее умрут, чем будут жить под её господством, и будут сражаться до последнего вздоха за независимость своей страны <… Генералы, проникнувшись священными принципами, единогласно поддержали провозглашение независимости и поклялись своими потомками, что скорее умрут, чем будут жить под господством Франции» [AIRH].

В 1825 г. король Франции Карл X признал независимость первой в мире «черной республики», но наложил на Гаити огромную контрибуцию в 150 млн. франков золотом в качестве возмещения собственности, утраченной бывшими рабовладельцами. И, хотя Президенту Республики Гаити Ж.-П. Буайе удалось снизить сумму до 90 млн., Гаити понадобилось более ста лет для выплаты этого долга [Кулакова 1993; Чернова 2003].

Со времени провозглашения независимости Республика Гаити прошла через долгий и смутный период смены руководителей: политическая ситуация в стране была неустойчивой и осложнялась переворотами и диктатурами, а также несколькими военными интервенциями США — с 1915 по 1934 гг., в 1994 г. и 2004 г. За период с 1804 г. по 1957 г. сменилось 36 руководителей страны, из которых 24 государственных деятеля были свергнуты или убиты. Последний действующий президент Гаити Жовенель Моиз был убит в ночь на 7 июля 2021 г.

Языковая ситуация на Гаити всегда была очень сложной. Первое упоминание об официальном языке республики появилось в 1918 г. во время американской оккупации. В Конституции 1918 г. был определен официальный язык страны (статья 24): «Официальным языком является французский язык. Его использование является обязательным в административной и судебных системах» [CH1918, 7]. Никакого упоминания о креольском языке, родном языке большинства жителей страны, в этой конституции, также как и в последующих, не было. И только в Конституции 1964 г. впервые говорится о функциони-

ровании креольского языка в стране (статья 35): «Французский язык является официальным языком. Его использование обязательно в общественных учреждениях. Однако Закон определяет случаи и условия, в которых использование креольского языка разрешено и даже предпочтительно для поддержания материальных и моральных интересов граждан, которые не владеют в достаточной мере французским языком» [CH1964, 9]. Здесь впервые было признано, что французский язык — это второй язык для большинства гаитян. Редкий житель Гаити не владеет французским языком хотя бы на бытовом уровне. Все гаитяне, обучавшиеся в начальной и нескольких классах средней школы, владеют в той или иной мере французским языком. Французский язык продолжает функционировать на Гаити, несмотря на то, что страна избавилась от французского колониального владычества более двухсот лет тому назад. Причиной этого, несомненно, является тот факт, что гаитянский креольский язык был создан на базе французского языка. Поэтому все гаитяне, считая креольский язык своим родным языком, признают французский языком администрации, образования, культуры.

С XIX в. в стране началось обсуждение преподавания креольского языка в школах. Статья 29 Конституции 1843 г. и статья 34 Конституции 1867 г. [CH1801—1885] провозглашали необходимость преподавания используемых в стране языков. В тексте не уточнялось, о каких языках шла речь, но очевидно, что это были французский и креольский языки. Французский язык всегда оставался официальным языком страны и языком образованных людей, а креольский язык рассматривался как «язык неграмотных людей». После получения независимости французский язык остался официальным языком страны, вопреки тому факту, что на нём говорило всего 2% населения [Кулакова 1993]. В ту эпоху французский язык пользовался большим престижем в международном плане. Его употребление рассматривалось как средство доступа к мировой цивилизации и показатель ориентированности на развитые европейские страны. Поэтому французский язык присутствует на территории Гаити и после двухсот лет независимости страны. А так как гаитянский креольский язык создан на базе французского языка, то в силу близости этих

языков французский язык продолжит функционировать во многих сферах коммуникации в Гаити и вряд ли какой-нибудь другой язык сможет его заменить. Лексика гаитянского креольского языка представляет собой видоизменённую лексику французского языка XVIII века, с явным влиянием языков Западной и Центральной Африки, с небольшими вкраплениями из арабского, испанского, португальского и английского языков. Язык имеет два диалекта [AL]. На гаитянском креольском языке в настоящее время говорит всё население Гаити. Он распространён также в тех регионах Америки, где живут выходцы из этой страны. По данным на 2005 г. число говорящих на этом языке составляло около 8,5 млн. чел. на Гаити и около 3,5 млн. чел. в других странах [Ethnologue].

В существующей языковой ситуации франко-креольское двуязычие не является «уравновешенным билингвизмом», в то время как креольский язык — это язык устной и неофициальной речи основной массы населения, французский язык остается языком, предназначенным для официального общения и для письменной речи. Подобное использование языков является диглоссией. Эта языковая ситуация описана лингвистом Люксана: «диглоссия — неологизм, который обозначает сосуществование в одной общности двух типов языков, генетически родственных, из которых один считается “высокой разновидностью”, а другой — “низшей разновидностью”. Эти два варианта языков поддерживают иерархические отношения и выполняют различные функции в разных коммуникативных сферах» [Luxana 1997, 47].

После получения независимости страны правители Гаити говорили о необходимости организовать систему образования, но мало кто из них считал эту проблему приоритетной, и многие проекты в этой области так и не были реализованы. История системы образования Гаити начинается с Президента Фабра Жеффрара (фр. Guillaume Fabre Nicolas Geffrard), который был президентом с 1859 г. по 1867 г. Его правительство начало строить школы, а с 1860 г., когда католицизм стал официальной религией Гаити, в страну стали приезжать многочисленные католические миссионеры, создававшие первые католические школы на Гаити, где обучение проходило только на французском языке. До

конца XIX в. образование осуществлялось в основном приезжими миссионерами, которые обучали детей буржуазии, не имея возможности предоставить обучение детям всего населения.

В 1904 г., сто лет спустя достижения независимости, «только 3% детей в возрасте от пяти до восемнадцати лет посещали школы» [Joint 2006, 37].

В начале XX в. в Конституции 1918 г. зафиксировано официальное признание только одного официального языка — французского: ст. 24. «Французский язык является официальным языком. Его использование обязательно во всех административных учреждениях и в судах» [CH1918, 7]. В статье 18 впервые говорится об обязательном образовании: «Образование является свободным. Свобода получения образования обеспечивается государством в соответствии с законом. Начальное образование является обязательным. Государственное образование на всех уровнях предоставляется бесплатно» [CH1918, 6].

Как в XIX в., так и в XX в. власти Гаити старались расширить сеть школ, создавая сельские школы для обучения детей крестьян [Joint 2006, 14], но политические и экономические трудности страны не позволяли выполнить задуманное в полной мере. В 1894 г. было зарегистрировано 31 824 учащихся из 400 000 молодых гаитян школьного возраста, т.е. только 8% детей были охвачены школьным обучением [Joint 2006, 15]. Но до второй половины XX в. обучение в стране проводилось только на французском языке с использованием учебных программ, принятых во Франции. И, как уже отмечалось, только в 1964 г. новая Конституция впервые говорит о креольском языке, хотя его место в школьном образовании еще не было определено.

Конституция от 24 августа 1983 г. предоставила креольскому языку статус второго государственного языка наряду с французским языком. В ст. 62 к имеющемуся тексту предыдущей Конституции была добавлена фраза о государственных языках Гаити: «Государственные языки — французский язык и креольский язык. Французский язык является официальным языком Республики Гаити» [CH1983].

Только Конституция 1987 г. сделала французский язык и креольский язык двумя официальными языками страны (статья 5) [CH1987], но до настоящего времени еще не существует официальной креольской версии даже этой Конституции.

С 1979 г. в образовательной системе началась реформа учебных программ, их содержания и, главное, был поставлен вопрос о необходимости сделать креольский язык, на котором говорит 90% населения, языком обучения и учебной дисциплиной в школе. Основными задачами реформы были: искоренить неграмотность в стране и ввести обучение на креольском языке в течение первых лет школьного обучения [Buts].

Смена языка школьного обучения представляет собой большую проблему. До этого обучение проводилось только на французском языке, который ученики, приходя в школу, не понимали или понимали плохо, и которым не все учителя владели. В результате реформы креольский язык стал основным языком обучения в течение первых четырех лет школьного образования [Buts, 10—11] и таким образом был официально признан первым родным языком гаитян. Но «Переход на обучение на креольском языке не означает для гаитян полный отказ от французского языка. Оба языка будут преподаваться одновременно: креольский язык как родной и французский язык как иностранный» [La réforme 1982, 28].

В продолжение начатой в 1979 г. реформы Министерством народного образования была разработана новая программа, начиная с 1987/1988 учебного года, которая определила соответствующие роли креольского и французского языков в школьном образовании детей и их место в учебной программе. Основная функция креольского языка, первого государственного языка, в процессе обучения состояла в том, чтобы играть «роль социального и культурного интегрирования». В программе также подчеркивалось, что гаитянский креол создает также «социолингвистическую базу национального единства». Что касается французского языка, он становится вторым «государственным языком» гаитян: «Его привилегированное место в программе базовой школы вызвано необходимостью уравновешенного владения двумя языками». Преподавание французского языка

должно позволить, в частности, приобретение научных знаний и доступ к всемирной культуре [Luxana 1997, 39].

В Декрете от 30 марта 1982 г. о реформе образования для обеспечения равных возможностей получения школьного обучения для детей всех слоев населения страны и для передачи молодому поколению знания национальной культуры гаитянского народа, основной акцент сделан на креольский язык как язык образования. Этот декрет определяет общие цели образования, общие положения и особые постановления для различных структур системы образования. Глава IV касалась употребления языков при базовом обучении. Статьи 29, 30 и 31 определили язык образования:

Статья 29: «Креольский язык является языком обучения в начальной школе и предметом изучения на протяжении всего школьного образования. Французский язык является учебной дисциплиной на протяжении всего школьного образования, а также языком обучения начиная с 6-ого года школьного образования».

Статья 30: «На пятом году школьного обучения увеличивается количество часов на изучение французского языка для того, чтобы перейти на этот язык, как язык обучения, с 6-ого года школьного образования».

Статья 31: «Учебный план составляется в соответствии с положениями статей 29 и 30 для каждого года школьного обучения и для каждого учебного цикла. Во всех случаях, начиная с 6-ого года обучения в школе, количество часов в учебном плане, как для французского языка, так и для креольского, не может быть меньше 25% всего количества учебных часов в неделю» [DH, 12].

Что касается статьи 35, она особенно важна, так как ограничивает применение Декрета: «Постановления настоящего декрета войдут в силу со времени его публикации и по мере внедрения реформы» [DH, 14].

Введение креольского языка как языка обучения и как предмета обучения стало главной целью реформы в системе образования.

Общая система образования Гаити построена по модели европейского образова-

ния: она состоит из четырёх уровней: дошкольное, начальное, среднее и университетское образование.

Базовое школьное образование с 1979 г. имело следующую структуру:

I уровень: длительность обучения 4 года детей от 6 до 9 лет, задачи — обучение чтению, письму, речи и базовым знаниям на креольском языке;

II уровень: длительность обучения 2 года детей в возрасте от 10 до 11 лет, задачи — углубление имеющихся знаний, начало обучения французскому языку (письменному и устному);

III уровень: длительность обучения 3 года детей в возрасте от 12 до 14 лет, задачи — получение углубленных знаний французского языка и базовых знаний других иностранных языков, выбор направления обучения: классическое или техническое/профессиональное [La réforme 1982, 36].

В течение первого цикла начального обучения (четыре года) ученик получает, если график занятий соблюдается, 752 часа преподавания французского языка и 763 часа преподавания креольского языка. В общей сложности, 1515 часов должны быть посвящены преподаванию обоих языков.

Среднее образование школьники получают в колледжах (частных) и в лицеях (государственных средних школах).

Поступление в университет возможно только после получения среднего образования, т.е. после 12 лет обучения в начальной и средней школе [La réforme 1982].

Хотя государство обязуется предоставлять бесплатное образование на всех уровнях в общественных государственных школах, для бедных семей затраты на обучение детей часто бывают слишком велики, и поэтому большая часть детей школьного возраста не имели и не имеют возможности учиться в школе. Пока начальное образование только теоретически является обязательным.

В силу реформы системы образования начальное образование должно быть двуязычным в течение шести лет, но учебная практика не является единообразной на всей

территории страны. В разных городах, деревнях, кварталах у разных преподавателей языком преподавания может быть исключительно французский язык или исключительно креольский язык. В столице обучение осуществляется главным образом на французском языке; в провинциальных городках и деревнях оно проходит на креольском языке; в школах округов, которые находятся в непосредственной близости от столицы, преподавание ведется в основном на французском языке. Ощущается нехватка учебников на креольском языке, многие школьные учебники составлены на французском языке, за исключением грамматик креольского языка. В системе среднего образования французский язык имеет семь или восемь часов преподавания, в то время как креольской язык — только один час [Joint 2006, 54; Anciaux 2008].

В Республике Гаити существуют многочисленные частные школы, которые применяют учебные программы, одобренные Государственным секретарем народного просвещения. Эти школы являются престижными, но они часто очень дороги для простой гаитянской семьи. В школе, имеющей хорошую репутацию, ежегодная стоимость обучения почти равна годовому заработку среднего гаитянина, но родители вынуждены отдавать своих детей в частные школы, потому что государственные учебные учреждения переполнены. При существующей в стране коррупции часто нужно платить за прием ребенка в государственную бесплатную школу. Это и объясняет тот факт, что большое количество детей не могут получить даже базового образования.

Приблизительно 90% начальных школ — частные школы (более 10 000), следовательно, они не поддерживаются в финансовом отношении гаитянским государством [AL].

Согласно исследованию, проведенному Организацией Объединенных Наций и гаитянским правительством, треть детей школьного возраста не имеют возможности учиться в школе. Кроме того, только малое количество детей могут продолжать обучение в школе, по крайней мере, четыре года подряд. Что касается зданий, большинство школ располагается в зданиях, которые не были построены для этих целей. До землетрясения 12 января 2010 г. только 21% школ располагали электричеством, и в 42% школ была про-

точная вода [DEH]. Во время землетрясения 2010 г. около 4 000 учебных учреждений были разрушены только в столице Порт-о-Пренс. Занятия возобновились во временных укрытиях, обычно в палатках. Международные фонды помощи Гаити начали быстро строить самые простые школьные здания, чтобы не прерывать надолго учебный процесс. Но мало что меняется в сфере образования: более 70% населения неграмотно, и 500 000 детей не могут учиться в школе. Тем более, что последующие землетрясения не позволяют полностью восстановить школы и колледжи. Одно из самых смертоносных землетрясений, приведшее к большим разрушениям, произошло 14 августа 2021 г.

Гаитянская элита всегда считала, что образование, как и здравоохранение, было привилегией, предназначенной для меньшинства, а не правом для всех. За тридцать лет, которые последовали за реформой, уровень неграмотности остался на том же уровне.

Международное Бюро по образованию при ЮНЕСКО представило следующие данные на конец прошлого века [WDE]:

Таблица № 1. Расходы на образование в стране.

	1990–1991	1991–1992	1992–1993	1994–1995
% бюджета	18,6	19,4	18,7	22,8
% ВВП	1,3	1,4	1,5	1,9

Таблица № 2. Население, получающее образование

год	1989–90	1990–91	1991–92	1992–93	1993–94	1994–95
общее число обучающихся	808 712	865 415	926 095	991 029	1 060 516	1 110 280
обучающиеся в возрасте 6–12 лет	469 028	501 413	537 104	574 703	714 939	657 990
дети школьного возраста	1 169 626	1 192 958	1 197 926	1 216 808	1 251 990	1 279 000

Следует отметить, что в 90–х гг. прошлого века отмечался постоянный рост детей, которые могли учиться в школах. Но для детей школьного возраста, проживающих в сельской местности, шансы учиться в школе были намного меньше, чем у городских детей.

Таблица № 3. Дети, проживающие в городе и в сельской местности и получающие школьное обучение (в процентах).

	1988–89	1989–90	1990–91	1991–92
всего	37,2%	40,1%	42,1%	44,1%
в городе	78,1%	86,0%	88,3 %	90,8%
в сельской местности	19,5%	20,8%	22,0%	23,3%

В 1991/1992 учебном году в стране насчитывалось 1 197 926 детей школьного возраста, из них 69% проживали в сельской местности, и только 23,3% сельских детей ходили в школу [WDE].

Всемирная конференция об образовании для всех (La conférence Mondiale sur l'Education Pour Tous), организованная в 1990 г. в Тайланде, дала новый импульс для Гаити акцентировать все внимание на то, чтобы предоставить каждому гражданину образование. Надо сказать, что в период с 1990 г. по 1999 г. в стране произошли значительные перемены [EH]. К сожалению, это последние статистические данные, которые представляет Международное Бюро по образованию при ЮНЕСКО.

Таблица № 4. Рост количества школ и учащихся за десятилетие.

год	количество школ	Количество учащихся
1990	5 412	808 712
1999	10 240	1 485 722

В 2010/2011 учебном году было 13 599 аккредитованных школ, 2 210 221 ученик, из них в государственных школах было записано 486 620 детей (22,02%), и 1 723 601 ученик (77,98%) — в частных школах [MENFPH].

В 2012 г. гаитянское государство сумело обеспечить довольно широкий доступ к бесплатному образованию на начальном уровне: около 1,27 миллиона детей должны были посещать государственные школы без дополнительных расходов их родителей, но при этом в Гаити насчитывалось пять миллионов детей школьного возраста. Президент Мартелли[6] рассчитывал, что в конце его пребывания на посту президента все гаитянские дети должны бесплатно учиться в школе. Но реальная ситуация свидетельствует о невозможности воплощения в жизнь заявленных правительством задач ликвидации неграмотности. Из 1 000 учеников, записанных в начальные школы, 900 детей вынуждены будут оставить школу до окончания начального образования. Причины этого многочисленны: несуществующие или устаревшие инфраструктуры, плохо образованные и плохо подготовленные учителя, большие расстояния до школы в сельской местности, непроходимые дороги в плохую погоду, отсутствие электричества в школах и в домах, отсутствие соответствующего учебного оборудования, нехватка учебников, проблема плохого питания и даже недоедания большинства учеников и т.д.

Гаити остается одной из стран, имеющих наиболее слабую степень охвата детей школьным обучением в мире. Действительно, уровень неграмотности доходит до 37,9%. Только 50% детей школьного возраста могут учиться в школе. Кроме того, из-за того, что многие дети вынуждены оставаться для повторного обучения в том же классе, 50% детей, которые посещают школу, являются более взрослыми, чем это предусмотрено для их класса. В настоящее время только у 20% школ есть электричество, 39% располагают питьевой водой и 15% имеют школьную библиотеку [AL].

[6] Мишель Мартелли, автор и известный исполнитель песен на креольском языке, был избран президентом Республики Гаити в 2011 г. Полномочия Мартелли на посту президента официально закончились в 2016 г.

Креольский язык не стал повсеместно языком школьного обучения, еще в 2000 г. преподаватель мог сказать своим ученикам: «Говорите на французском языке или замолчите» или «Не стыдитесь ли Вы говорить на креольском языке?». Несмотря на проводимую реформу в настоящее время креольский язык запрещён в некоторых частных школах [AL].

В Гаити возможность говорить только на креольском языке — знак принадлежности к «низшему» социальному классу. Все гаитяне стремятся говорить на французском языке не потому, что отвергают свой креольский язык, но для того, чтобы становиться креоло-французскими билингвами или трехъязычными (добавив еще английский или испанский языки) и иметь шанс достичь таким образом более высокого положения в обществе.

Во время землетрясения 12 января 2010 г., когда половина школ страны (от 10 000 до 12 000) были разрушены или стали опасными для нахождения в их зданиях, 38 000 учеников и 1 300 преподавателей погибли во время землетрясения, что вызвало нехватку учителей как в государственных, так и в частных школах. Что касается преподавателей, то до землетрясения 2010 г. было приблизительно 20 000 преподавателей в государственных школах страны, среди которых 7 000 в Порт-о-Пренсе. Работающие учителя часто не имеют необходимой квалификации. Только 15% учителей в системе начального образования обладают необходимой квалификацией (в том числе университетскими дипломами), а около 25% учителей никогда не посещали среднюю школу. В общих чертах, у 75% преподавателей не было соответствующего образования [Joint 2006].

В целом, подготовка преподавателей частного сектора гораздо лучше, чем в государственном секторе, и те, кто преподают в городских учебных заведениях, лучше приготовлены, чем учителя в сельских школах. Стоит также отметить, что зарплата преподавателей очень низка, что не способствует привлечению квалифицированных кадров. Многие учителя работают одновременно в государственном и частном секторах, что порождает проблемы их периодического отсутствия в государственных школах.

В отношении высшего образования, статья 211 Конституции 1987 г. определяет, что деятельность любого учебного учреждения должна проходить апробацию Совета государственного университета Гаити и его профессорско-преподавательского состава. Также учебные учреждения страны обязаны осуществлять преподавание «на официальном языке страны» [CH1987], при этом не указывается, на каком из официальных языков должно вестись преподавание. Статья 211.1. Конституции уточняет: «университеты и частные или общественные высшие школы обеспечивают академическое и практическое образование, приспособленное к уровню и к потребностям национального развития» [CH1987]. Но официальный язык, о котором идет речь в Конституции, — французский язык, а не креольский, родной язык населения страны.

Высшее образование является в основном недоступным для большей части молодых гаитян. Только 1,2% из них могут получить высшее образование. Государственный университет Гаити (Université d'Etat d'Haïti) — единственное общественное национальное учреждение высшего образования в стране. Он выдает только дипломы бакалавра. Большая часть преподавателей университета была подготовлена в иностранных университетах (главным образом во Франции, в Канаде или в США).

До землетрясения 2010 г. Государственный университет насчитывал более 20 000 студентов, 1 500 преподавателей и 800 административных работников. После землетрясения только в трёх из одиннадцати зданий университета можно было продолжать учебную деятельность, что только усугубило бедственное положение в системе высшего образования [UEH].

Помимо одиннадцати факультетов университета, которые находятся в столице, город Кап-Аитьен имеет один филиал — факультет университета UEH в провинции. Университет выживает только благодаря иностранным партнерам — университетам США и Канады. В шести городах Гаити имеются юридические высшие школы. В течение тридцати последних лет многочисленные частные образовательные учреждения в Порт-о-Пренсе (в ответ на растущий запрос на бакалавров) провозгласили себя «университета-

ми». В 2012 г. университетская система насчитывала 50 000 студентов, что представляет 1% гаитян в возрасте от 18 до 24 лет [UEH].

Недофинансируемые университеты выработали различные формы партнерских отношений с учреждениями высшего образования, расположенными во Франции, Канаде и США. Эти научные связи состоят исключительно в том, чтобы посылать гаитянских студентов-стипендиатов на учебу в эти страны. Из-за невозможности адекватно обучить студентов в Гаити такая форма «стажировки» в учреждениях высшего образования за границей оказалась решением, практически удобным и мало затратным.

Креольский язык не присутствует в системе высшего образования, на территории Гаити обучение ведется на французском языке, а стипендиаты, уезжающие учиться в другие страны, не только обучаются на французском или английском языках, но и не возвращаются в страну своих предков, оставаясь в стране, где они получили высшее образование и где у них есть больше возможностей добиться лучшего положения, чем на родине.

В заключение можно сказать, что в начале нынешнего века родной язык 90% населения Гаити, креольский гаитянский язык, занял, наконец, определенное место в системе школьного образования страны. Именно в сфере образования формируется языковая компетенция индивида и создаются условия для дальнейшего функционирования языка в разных сферах общения.

Сфера образования является одной из основных сфер коммуникации, регулируемых государством, и велико значение языковой политики правительства Гаити по отношению к креольскому языку. Но до настоящего двуязычия, заявленного в Конституции, еще далеко. Правительством также поставлен вопрос о создании Академии креольского языка для разработки норм и кодификации этого языка, и следует отметить, что в этой самой бедной стране мира уже существует Академия наук и искусств. Для решения языковых проблем и проблем образования властям Гаити, несомненно, придется найти решение проблем экономического и социального неравенства жителей страны. Только то-

гда государство может перейти к реальному двуязычию, не говоря уже о том, что 70% гаитян неграмотно. Обеспечение реального владения населением страны двумя государственными языками влечет слишком большие финансовые затраты для такой бедной страны, как Гаити.

Следует отметить, что соперником французского языка на Гаити стал выступать английский язык США. Это связано с постоянным влиянием экономически развитого соседа — США, а также с несколькими оккупациями США Гаити [Pamphile 1988]. В США проживает значительная гаитянская диаспора; студенты, которые могут позволить себе учиться за границей, едут туда или в Канаду получать высшее образование. В Порт-о-Пренс с 1942 г. работает Гаитяно-американский институт (Haitian American Institute), где для всех желающих организованы курсы английского языка, которые посещает более 3 000 человек [HAI]. Обучение на этих курсах является верным способом получить визу в США. Также начиная с конца прошлого века в частных гаитянских школах, где обучаются дети среднего класса, стали часто организовывать обучение на английском языке [AL].

Что касается других сфер коммуникации, как, например, средств массовой информации, то Гаити выполняет 40 статью своей Конституции 1987 г.: «Государство обязано представить устно, письменно и по телевизору на креольском и французском языках законы, постановления, декреты, международные соглашения, договоры, конвенции, всё что связано с жизнью страны, за исключением информации связанной с национальной безопасностью» [CH1987].

Если на телевидении доминируют французский и английский языки, то на радиостанциях звучит в основном креольский язык, хотя еще в 60-е гг. прошлого века все радиостанции вещали только на французском [SRH]. Радиостанций на Гаити много, но они обычно маленькие и с небольшим радиусом действия, помимо креольского языка в радиовещании звучат французский, испанский и английский языки.

Печатные издания публикуются в основном на французском языке. Как, например, ежедневные газеты *Le Matin* и *Le Nouvelliste* и еженедельники *Haïti en Marche*,

Haïti Observateur, *Haïti Progrès*, *Le Messager du Nord-Ouest*, *Le Moniteur*, *L'Union* и др. Некоторые периодические издания посвящают креольскому языку одну или две страницы. Также издаются несколько газет на креольском: *Jounal Libèté*, *Boukan*, *Bon Nouvèl*, *Solèy Leve* и др.; одно периодическое издание выходит на английском языке *The Haitian Times* [HT].

Что касается городского языкового ландшафта, в области официальных вывесок и рекламы существует определенная иерархия языков. Вывески на правительственных зданиях выполнены только на французском языке. Здания муниципальных учреждений в столице обозначаются вывесками на французском, а в провинциальных городах — на двух языках: французском и креольском. В торговой рекламе может быть использован и английский язык. Так, большие магазины и большие предприятия в столице имеют вывески и рекламные афиши на французском, средние предприятия — на французском и креольском, а маленькие предприятия — только на креольском. Все предприятия, ведущие международную торговлю, пользуются французским и английским языками. Поэтому можно сказать, что на Гаити, особенно в его столице, присутствует трилингвизм.

Список сокращений

AIRH — Acte de l'indépendance de la République d'Haïti http://www.ameriquelatine.mshparis.fr/IMG/pdf/Le_Matin-Original_Acte_Independance _Haiti.pdf.

AL — Aménagement linguistique dans le monde //http://www.axl. cefan.ulaval.ca.

Buts — Buts, Objectifs, Caractéristiques d'une Rénovation de l'Enseignement Primaire. Port-au-Prince: Presses Nationales d'Haïti, 1979.

CH1801—1885 — Les Constitutions d'Haïti (1801—1885). P.: C.Marpou et E. Flammarion, 1886. T. I.

CH1918 — Constitution de 1918 de la République d'Haïti. Amendée par le Plébiscite des 10 et 11 janvier 1928. Port-au-Prince, 1928.

CH1964 — Constitution de la République d'Haïti. 1964 amendée. Port-au-Prince: Presses Nationales d'Haïti, 1971.

CH1983 — Constitution de la République d'Haïti de 1983 //https:// ufdc.ufl.edu/AA00000625/00001.

CH1987 — Constitution de la République d'Haïti de 1987 // https://www.ifrc.org/docs/IDRL/Haiti/Constitution%201987.pdf.

CN1685 — Le Code noir. Recueil d'édits, déclarations et arrêts concernant les esclaves nègres de l'Amérique (1685) // https://www.axl.cefan.ulaval.ca/amsudant /guyanefr1685.htm.

CN1724 — Le Code noir. Édit du Roi, touchant l'État et la Discipline des esclaves nègres de la Louisiane, Donné à Versailles au mois de mars 1724 // https:/ /www.axl.cefan.ulaval.ca/amsudant/Code_noir-1724.htm.

DEH — Le droit à l'éducation en Haïti. 2011 //http://lib.ohchr.org/ HRBodies/UPR/Documents/session12/HT/IIMA-IstitutoInternazionale Maria Ausiliatrice-eng.pdf.

DH — Décret organisant le système éducatif haïtien en vue d'offrir des chances égales à tous et de refléter la culture haïtienne. Port-au-Prince: Presses nationales d'Haïti, 1982.

EH — Evaluation de l'éducation pour tous. République d'Haïti. Ministère de l'éducation nationale, de la jeunesse et des sports (MENJS). 1999. //https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000219429/PDF/219429freo.pdf.multi.

Ethnologue — Ethnologue: Languages of the World // https://www. ethnologue.com/browse/countries.

GDH — Les grandes dates de l'histoire d'Haïti //http://www.mcifgc.ch/mci/wp-content/uploads/2014/11/ha_grandes_dates_de_Haiti.pdf.

HAI — Haitian American Institute //https://www.haitian-americaninstitute.org/ category/news.

HT — The Haitian Times // https://haitiantimes.com.

MENFPH — Ministère de l'éducation nationale et de la formation professionnelle d'Haïti //http://eduhaiti.gouv.ht.

PDH — PopulationData.net. Atlas des populations et pays du monde //https://www.populationdata.net/pays/haiti.

La réforme 1982 — La réforme éducative, élément d'information. Département de l'Education Nationale. Institut pédagogique National. Port-au–-Prince: Imprimerie des Antilles, 1982.

RH2019 — Recensement Général de la Population et de l'Habitat en Haïti en 2019 //http://www.rgph-haiti.ht.

SRH — Stations de radio en Haïti //https://onlineradiobox.com/ht/signal/?cs=ht.signal.

UEH — Université d'Etat d'Haïti //https://ueh.edu.ht.

WDE — World Data on Education. 6th edition, 2006/07 //http://www.ibe. unesco.org/fr/ressources/pratiques-%C3%A9ducatives.

Литература

Кулакова Н.Н. Гаитийцы. Формирование этноса (колониальная эпоха). М.: ИЭИА, 1993.

Чернова А.В. Гаитянская революция конца XVIII — начала XIX в.: дисс. канд. истор. наук. М., 2003.

Anciaux F. Alternance des langues et stratégie d'enseignement en EPS en contexte bilingue // Recherches et Ressources en Éducation et en Formation, 2008. № 2. P. 25—33.

Butel P. Histoire des Antilles françaises. XVII—XX siècle. P.: Perrin, 2017.

Joint L.A. Système éducatif et inégalités sociales en Haïti. Le cas des écoles catholiques. Paris: L'Harmattan, 2006.

Luxana V. Haïti, Réforme du système éducatif et représentations attachées aux langues. P.: Institut supérieur de Paris, 1997.

Pamphile L.D. L'éducation sous l'occupation américaine: 1915-1934. Port-au-Prince: Imprimerie des Antilles, 1988.

Redon M. Des îles en partage. Haïti & République dominicaine, Sain-Martin, Timor. Port-au-Prince: Editions de l'Université d'Etat d'Haïti; Toulouse: La Presses universitaires du Murail, 2010

Ethnolinguistic Situation and Language Policy in Haiti

V.A. Kozhemyakina (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

The article presents the dynamics of the language situation in the Republic of Haiti and its characteristics at the present stage, as well as an analysis of the language policy and language legislation in the country. The paper also analyses the functioning of languages in the spheres of communication regulated by the state and in interpersonal communication such as in the family, at home, etc., is also analysed. The main attention is paid to the use of languages in the educational system, which is one of the most important spheres of communication both for the transfer of knowledge and culture from generation to generation and for the formation of the language competence of the younger generation of the country.

The Republic of Haiti is an example of a language situation in a former colony, where after two hundred years of independence French, the language of the colonizers, still dominates in the educational system at the expense of Haitian Creole, which is spoken by 90% of the population.

Key words: sociolinguistics; language policy; language situation; language legislation; language laws, functioning of languages in state-regulated spheres of communication.

Обзоры. Рецензии

Book Reviews and Common References

DOI: 10.37892/2218-1393-2021-15-2-152-167

Рецензия на коллективную монографию

Иоанесян Е.Р., Рябцева Н.К., Ковшова М.Л., Дронов П.С., Орлова О.С.

Представление эмоциональной сферы человека на материале разных языков. М., 2020. 244 с.

О.А. Гулыга (Институт языкознания РАН)

Целью монографии, как следует из названия, является исследование выразительных средств ряда языков, в основном европейских, предназначенных для отражения, кодирования, концептуализации и осмысления сферы эмоций. Данный предмет исследования имеет свою специфику. Прежде всего, область эмоций — это универсальная принадлежность внутреннего мира человека и следует ожидать, что любой язык располагает разноуровневыми, и в первую очередь лексическими, средствами для её отражения. В монографии концепты эмоций рассматриваются в тесной связи с языковой картиной мира как символической средой той или иной языковой общности. Оказывается, что хотя сфера эмоций как таковая универсальна, концептуализация эмоций в языках обладает отчётливым своеобразием и неповторимостью. Этим объясняется среди прочего и высокий уровень лингвоспецифичности данного поля лексики, и, как следствие, высокий процент лексики эмоций среди безэквивалентных лексем разных языков.

Пять частей монографии за авторством разных исследователей посвящены каждая отдельному аспекту изучения эмоций.

Часть I монографии «ТИПЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕХОДОВ, ЛЕЖАЩИХ В ОСНОВЕ НОМИНАЦИИ ЭМОЦИЙ» [Представление 2020, 5—69] (автор Е. Р. Иоанесян) представляет собой исследование семантической деривации на материале лексики эмо-

ций. Изучение семантической деривации приобрело в настоящее время особое значение, что связано со сдвигом интереса лингвистов к обнаружению механизмов языка на фоне больших объёмов накопления и объяснения языкового материала. Термин «семантическая деривация» может означать и процесс, и результат этого процесса. Е.Р. Иоанесян пользуется также термином «семантический переход», понимаемым так же, как семантическая деривация в значении результата.

По аналогии с производностью словообразовательной при семантической производности мы имеет дело с появлением нового слова, т.е. слова с другим значением, полученного не морфологическими, а семантическими средствами. Связь разных значений слова устанавливается в рамках синхронной многозначности, а также, что важно, и между значениями слова в разные моменты его истории.

В части I системно представлены основные типы семантических переходов, лежащих в основе номинации эмоций в разных языках. Предметом исследования являются предикаты, обозначающие страх, разочарование, сожаление и раскаяние, радость и удовольствие в разных языках — русском, латинском, английском, французском, испанском, итальянском, португальском, немецком, польском.

В части II «ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СФЕРА ЧЕЛОВЕКА: ИНТЕГРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО, РАЦИОНАЛЬНОГО И ЭСТЕТИЧЕСКОГО В СОСТОЯНИЯХ СОЗНАНИЯ, ЯЗЫКЕ И КОММУНИКАЦИИ» [Представление 2020, 70—123] (автор Н. К. Рябцева) рассматриваются лингвистические средства, отражающие взаимодействие эмоционального, рационального и эстетического в сознании человека, в языке, речи и коммуникации. Особое внимание уделяется особенностям научной коммуникации и её метанаучной и прагмаэстетической квалификации, а также соответствующим прикладным проблемам языкознания, таким как проблемы переводоведения, преподавания иностранных языков и некоторым другим.

В части III «ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ *СТРАШНЫЙ*: ЗНАЧЕНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ» [Представление 2020, 124— 165] (автор М.Л. Ковшо-

ва) исследуются семантические признаки прилагательного *страшный*, способы и условия их выражения.

В части IV «СОМАТИЧЕСКИЕ ИДИОМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ЭМОЦИИ: ЖЕСТЫ И СИМПТОМАТИЧЕСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ» [Представление 2020, 166—194] (автор П.С. Дронов) анализируется значение и употребление идиом с компонентами-соматизмами (волосы, глаза, ногти, когти, сердце и душа). Материалом для исследования послужили фразеологические единицы русского, сербохорватского, английского, немецкого и ирландского языков.

В части V «ЭВФЕМИЗАЦИЯ КАК РЕЧЕВАЯ СТРАТЕГИЯ СДЕРЖИВАНИЯ ЭМОЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ЭВФЕМИЗМОВ НА ТЕМЫ СМЕРТИ И РОЖДЕНИЯ)» [Представление 2020, 195—212] (автор О.С. Орлова) рассматривается особое свойство эвфемизмов, заключающееся в семантическом перефокусировании и/или установлении отдалённых связей между объектом исходной и эвфемистической номинации, которое используется для того, чтобы смягчить эмоции адресата при затрагивании обиходно табуированных или деликатных тем. На примере эвфемизмов на темы рождения и смерти русского и английского языков показано, как метафорическое обозначение референтов, прямые номинации которых нежелательны в данной культуре, помогает снять внутреннее напряжение при личной коммуникации.

Рассмотрим материалы монографии в порядке следования частей I—V.

В главе 1 части I «Основные положения» автор Е.Р. Иоанесян устанавливает три типа семантических переходов. Каждый из них убедительно подтверждён материалом языковых примеров из индоевропейских языков.

Тип 1. Семантические переходы между компонентом прототипической ситуации эмоции и отдельным значением соответствующей лексемы.

В данном случае речь идёт о переходе элемента толкования лексемы в отдельное значение данной лексемы. Так, если взять толкование обозначения эмоции *страх* как ‘состояния, вызванного негативной оценкой субъектом некоторой ситуации как опасной’,

можно в явном виде обнаружить переход элемента в значение. Переход представлен тем, что семантический элемент ситуации страха ‘опасная ситуация’ является также и отдельным значением этой номинации. Е.Р. Иоанесян приводит для примера значения английского *fear* в разные периоды истории английского языка: Old English ‘peril’, Middle English ‘state of alarm or dread’, Modern English ‘state of fearing something’. От себя мы можем привести пример церковнославянского *Тамо убояшася страха, идеже не бе страх* (Пс 13, 5), со значением ‘Они испугались опасности там, где её не было’, где *страх* это опасная ситуация, а страх как эмоция встроен в смысл глагола *убояшася*.

Е.Р. Иоанесян иллюстрирует переход ‘эмоция, вызванная некоторой ситуацией’ ↔ ‘элемент данной ситуации’ на лексемах со следующими смыслами и их элементами:

А. ‘Вкус’ — ‘получать удовольствие’; ‘есть’/‘пить’ — ‘получать удовольствие’, ‘смотреть’/‘слушать’ — ‘получать удовольствие’. Переход ‘сенсорное ощущение’ → ‘удовольствие’ также является переходом от компонента значения слова к его отдельному значению.

Б. ‘Плохой поступок’ — ‘стыд’, где эмоция стыда может быть вызвана рефлексией относительно собственных дурных поступков (компонент ситуации в основе эмоции).

Тип 2. Семантические переходы, базирующиеся на импликациях из прототипической ситуации эмоций.

Переходы типа 2 содержательно представлены следующим материалом.

А. ‘Арестованный, пленный’ → ‘страх’, ‘раб’ → ‘страх’. Лишение свободы имеет следствием (импликацией) зависимость от чужой воли, потерю контроля над настоящим и будущим субъекта, отсюда страх.

Б. ‘Вред, ущерб’ — ‘сожаление’.

Как нам представляется из трактовки данного типа у автора, этот тип отличается от предыдущего тем, что импликация из ситуации эмоций допускает бóльшую свободу варьирования по сравнению с компонентом ситуации эмоции. Импликация является менее предсказуемой, одна и та же ситуация эмоции допускает разные импликации.

Для примера мы со своей стороны можем привести французскую номинацию эмоции ennui, у которой выделяются следующие значения: 1) Глубокая печаль, страдание. 2) Трудность, затруднение, неприятность, проблема в одном из значений, ср. разг. проблемы с деньгами, у тебя будут проблемы. 3) Скука, отсутствие интереса, связанные с однообразием происходящего. 4) Тоска, депрессия, опустошённость, мир в чёрном цвете. Здесь, по-видимому, в качестве импликаций из базовой ситуации возможны переходы: ‘сильное блокирующее волю негативное переживание’ (значение 1) — ‘внешнее блокирующее контроль препятствие’ (значение 2) —‘блокировка восприимчивости к окружающему из-за бедности стимулов’ (значение 3) — ‘подавление всех вообще эмоций, желаний, впечатлений, живости души в целом’ (значение 4).

Тип 3. Семантические переходы, базирующиеся на инцидентных следствиях прототипической ситуации соответствующих эмоций.

Этот тип представляется наиболее сложным для понимания и в значительной степени базируется на языковой картине мира, в частности, на принципах разграничения нормы и отступления от нормы в культуре и языке. Инцидентными следствиями, ссылаясь на работу [Падучева 2004, 131], Е.Р. Иоанесян называет аксиомы человеческого поведения, которые могут объяснять мотивы поступков, причины состояний и отношений в контексте соответствующей культуры. В рамках типа 3 как примеры представлены переходы:

А. ‘Наказание’ — ‘раскаяние’.

Б. ‘Удовольствие’ — ‘желание’.

В главах 2—5 первой части автор подробно и на самом разнообразном материале разбирает модели семантической деривации в классе предикатов, обозначающих страх, сожаление и раскаяние, разочарование, радость и удовольствие. В частности, в разделе «Симптоматические жесты» [Представление 2020, 56] вызывает интерес различие, проведённое между значением жеста как такового и жестовой идиомой. Приводится пример жеста *закусить губу*, который в русском остаётся жестом, т.е. мимическим движением,

выражающим досаду и внутренний протест. Мы приведём свой пример данного жеста как движения: ««Но где же, — молвил с изумленьем/Зарецкий, — где ваш секундант?»... «Мой секундант? — сказал Евгений, — /Вот он: мой друг, monsieur Guillot», …Зарецкий губу закусил…». Здесь Зарецкий раздосадован и оскорблён, т.к. Онегин привёл слугу в качестве секунданта, чем не только нарушил правила дуэли, но и поставил дворянина Зарецкого на одну доску с Гийо. Во французском значение жеста как движения дало переход к идиоме: (*il*) *se mordit les lèvres de n'avoir y pensé* 'он досадовал из-за того, что не подумал об этом' (пример Е.Р. Иоанесян). Часть I, написанная Е.Р. Иоанесян, опирается на большой корпус толковых и этимологических словарей.

Актуальность исследования Е.Р. Иоанесян определяется и тем, что концептуальная схема слова представлена в нём как принадлежность языковой картины мира. В качестве комментария приведём яркую цитату из [Кибрик 2005, 46], хотя здесь речь идёт не об эмоциях, а об оценке: «…поучителен рассказ А.К. Жолковского об имени его информанта по языку сомали: «Наши занятия начались с того, что он объяснил мне, что его имя, Дункаль, значит 'ядовитое дерево', а также 'герой'. Я сказал, что не вижу этимологической связи. 'Ну, как же, — пояснил Дункаль, — убивает много'» [Жолковский 2000, 51]. Полисемия имени Дункаль была для Жолковского *непредсказуема*, в то время как для носителя языка сомали объединяющий её смысл был совершенно *очевиден*. Конкретная полисемия конкретного слова конкретного языка, несомненно, индивидуальна, и даже, может быть, уникальна, но метонимическая стратегия расширения значения по функции денотата (в данном случае много убивать) универсальна». Как видим из рецензируемого исследования, упомянутая метонимическая стратегия предстаёт в более точном виде благодаря понятию инцидентного следствия.

Кроме того, благодаря исследованию Е.Р. Иоанесян приобретают бóльшую прозрачность данные компаративистики. См., например, [etymonline.com]:

fear (n):

Middle English *fere*, from Old English *fær* ‘calamity, sudden danger, peril, sudden attack’, from Proto-Germanic **feraz* ‘danger’ (source also of Old Saxon *far* ‘ambush’, Old Norse *far* ‘harm, distress, deception’, Dutch *gevaar*, German *Gefahr* ‘danger’), from PIE **pēr-*, a lengthened form of the verbal root **per-* (3) ‘to try, risk’.

Sense of ‘state of being afraid, uneasiness caused by possible danger’ developed by late 12c. Some Old English words for *fear* as we now use it were *fyrhto*, as a verb, *ondrædan*. Meaning ‘feeling of dread and reverence for God’ is from c. 1400. *To put the fear of God* (into someone) ‘intimidate, cause to cower’.

fear (v.)

Old English *færan* ‘to terrify, frighten’, from a Proto-Germanic verbal form of the root of *fear* (n.). Cognates: Old Saxon *faron* ‘to lie in wait’, Middle Dutch *vaeren* ‘to fear’, Old High German *faren* ‘to plot against’, Old Norse *færa* ‘to taunt’.

Originally transitive in English; long obsolete in this sense but somewhat revived in digital gaming via *fear* spells, which matches the old sense ‘drive away by fear’, attested early 15c. Meaning ‘feel fear’ is late 14 c. Related: *Feared, fearing*.

Здесь любопытно восстановление старого значения глагола *to fear* ‘напугать и прогнать, отпугнуть’ в компьютерных играх. Данные диахронические переходы получают логичное обоснование в свете разобранных Е.Р. Иоанесян переходов *страх*, *бояться*, *пугать*, *быстро двигаться* и *прятаться*.

Часть II [Представление 2020, 70—123] (автор Н.К. Рябцева) коллективной монографии «ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СФЕРА ЧЕЛОВЕКА: ИНТЕГРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО, РАЦИОНАЛЬНОГО И ЭСТЕТИЧЕСКОГО В СОСТОЯНИЯХ СОЗНАНИЯ, ЯЗЫКЕ И КОММУНИКАЦИИ» разделена на четыре главы: 1. Интегральное представление эмоционального, рационального и эстетического в состояниях сознания, речи и коммуникации; 2. Интеграция рационального, эмоционального и эстетического в современной научной коммуникации; 3. Эмоциональный интеллект: количественное и качественное соотношение эмоционального и рационального в состояниях

сознания. Лингвистический аспект; 4. Синкретизм эмоционального, рационального и эстетического в современной научной коммуникации.

Автор ставит своей целью интегральное представление взаимодействия эмоционального, рационального и эстетического в сознании, языке и коммуникации с особым вниманием к специфике научной коммуникации. Основные положения части II можно сформулировать следующим образом.

А. Исследования сознания и мозга учитывают важную роль эмоций в когнитивных процессах и состояниях. Часто эмоции лежат в основе таких рациональных явлений, как выбор, принятие решения, фокусирование внимания и других. Иногда легко бывает обнаружить корреляцию эпистемического состояния и эмоции. Так, Н.К. Рябцева приводит пример знания/неполного знания/незнания и сопровождающих эти состояния эмоций: «Состояние «не знаю», помимо собственно рационального компонента, подразумевает целый спектр психологических и эмоциональных состояний и явлений: неуверенность, сомнение, растерянность, волнение, колебания, стресс, паника и т.п., т.е. эмоциональное переживание незнания и, тем самым, его связь с эмоциями.

Знание, напротив, внушает уверенность, эмоциональную стабильность, уравновешенность и даже повышенную активность» [Представление 2020, 72].

Б. Лексика, грамматика и фразеология, отражающие зафиксированные в языке представления о соотношении эмоционального и рационального, отличаются многообразием и прямо или косвенно связывают внутренний мир с его внешними проявлениями — в поведении, речи, внешнем виде, с выражением лица и глаз, с настроением, характером, манерами [Представление 2020, 76].

В. Для научной речи характерны особые свойства синкретичного отражения эмоционального и рационального: 1) метакогнитивность — связь с рефлексией субъекта речи над процессом изложения своих мыслей (ср. «We can support this idea by the fact that P»); 2) риторичность — связь с порядком изложения (ср. «Let us (now) check this conclusion»); 3) аргументативность — связь с инферентными компонентами научного текста; 4) поле-

мичность; 5) фокусирование и привлечение внимания — выделение главного, нового, актуального.

Г. В научной коммуникации наиболее ярким экспрессивно маркированным средством выступают интенсификаторы, или лексические функции Magn, относящиеся к широкому кругу лексики (соответствующие коллокации, см. [Представление 2020, 80—81]).

Е. Новые научные термины и названия научных текстов на русском и на английском языках показывают, что в названиях научных статей все чаще встречаются креативные стилистические приемы — игра слов, иронические или шутливые выражения, неожиданные цитаты, прецедентные тексты, метафорическое переосмысление понятий, а также использование более тонких стилистических и эстетических приемов, делающих научный заголовок выразительным, запоминающимся, неординарным (автор употребляет термин «аттрактивный» [Представление 2020, 91]). Эстетический компонент в современной научной коммуникации обеспечивает эстетически окрашенное активное воздействие на адресата. Происходит синтез научного и художественного языка: их сближение и взаимообогащение, обеспечивается динамическое взаимодействие рационального и эмоционального интеллекта.

Часть III «ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ *СТРАШНЫЙ*: ЗНАЧЕНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ» [Представление 2020, 124—165] (автор М.Л. Ковшова) представляет собой многоаспектное исследование указанной в заголовке лексемы. Лексема *страшный* получает разностороннюю квалификацию с точки зрения составляющих ее семантических признаков – эмоционального, интеллектуального и эстетического. Базовый смысл слова *страшный* основан на эмоциональной оценке, из которой выводятся остальные значения.

Эмоция страха, как уже было видно из концептуальной схемы слова *страх*, разобранной в части I, является ярким чувством, которое легко отрефлексировать и вряд ли можно спутать с чем-нибудь другим. У лексемы *страх* есть параметрические замены, выражающие градуируемость, например, *боязнь*, *опасение*, *испуг*, *тревога*, *ужас*, *паника*.

Яркость эмоции страха подтверждается, в частности, особенностями сочетаемости лексемы *страх*, например, в НКРЯ словосочетание *лёгкая грусть* представлено 65-ю примерами, а *лёгкий страх* — 14-ю. Кроме того, словосочетание *смутное чувство вины* означает, что чувство вины слабо осознаётся, тогда как *смутное чувство страха/тревоги/беспокойства* означает, что слабо осознаётся не само чувство, а его источник или причина.

Что касается прилагательного *страшный*, его негативно-оценочные значения М.Л. Ковшова разделяет на следующе группы: 1) эмоциональная оценка; 2) интеллектуальная оценка; 3) эстетическая оценка; 4) вспомогательное значение квалификатора, интенсификатора и модификатора других признаков.

Приведём трактовку каждой из групп автором: 1) *Страшный* — ‘то, что вызывает негативную эмоциональную реакцию, страшит своими внешними качествами, воспринимаемыми сенсорно (зрением, реже — слухом)’. Эмоциональная оценка образуется в результате того, что телесно (сенсорно) воспринимаемые впечатления интерпретируются как симптомы эмоциональных переживаний [Представление 2020, 127—128], например, *страшная рана*. 2) *Страшный* — ‘то, что вызывает негативную эмоциональную реакцию, страшит своими внутренними свойствами, которые подвергаются мысленному осознанию, интеллектуальной интерпретации’ [Представление 2020, 128], например, страшные цифры. 3) *Страшный* — ‘то, что вызывает негативную эмоциональную реакцию, страшит своими внешними качествами, воспринимаемыми сенсорно (зрением, редко — слухом), не отвечающими нормативному эстетическому идеалу (индивидуальному или коллективному)’ [Представление 2020, 129], например, *страшна как ведьма*. 4) Квалификация, интенсификация и модификация других признаков и проявлений [Представление 2020, 132], например, *страшный грохот*/*крик*.

В связи с описанием лексемы *страшный* в работе М.Л. Ковшовой также подробно разработаны следующие темы:

А. Страшное как основание для сенсорной и ментальной визуализации, т.е. зримость, представимость страшного. «В семантике прилагательного *страшный* синтезируются критерии физического и духовного, ментального восприятия, и в этом случае зрительный способ восприятия — внутренним взором — также остается основным» [Представление 2020, 136]. Б. Особенности употребления и сочетаемости прилагательного *страшный* в контекстах утверждения, отрицания, предпочтения, градуируемость данного признака. В. Поведение субстантивированного варианта *страшное*, прилагательное *страшный* в разных синтаксических позициях (субъект, предикат, атрибут). Г. Обоснование, аргументация для характеристики объекта как страшного. Д. Функция прилагательного *страшный* в дейктической и иллокутивной сфере. Данное прилагательное используется в различных типах речевых актов — оскорблении, угрозе, предупреждении, совете, прогнозе и т.п.

Что касается дейксиса, на основании исследования М.Л. Ковшовой можно предложить следующий комментарий. Опора прилагательного *страшный* на зрительные данные приводит к необходимости ввести фигуру наблюдателя и признак наблюдаемости в толкование. Как известно, наблюдатель несовместим с говорящим. Так, естественно выглядят *Ты*/*он страшный*, *вы*/*они страшные*, чего нельзя сказать о ?*Я страшный*, ?*мы страшные*. Пример *А он, ехидно улыбаясь, спросил: — Я, наверное, тебя жутко напугал, я такой страшный*. (Сати Спивакова. Не всё (2002)) [Представление 2020, 148] нужно истолковать как взгляд говорящего на самого себя с позиции слушающего, что подтверждается присутствием *наверное*. Без этого показателя достоверности высказывание было бы аномальным.

М.Л. Ковшова детально исследует также синтактику лексемы *страшный*. Субъектом эмоциональной оценки *страшный* является одушевленное лицо (человек, субъект речи); объектами основных оценок — эмоциональной и эмоционально-интеллектуальной оценки — могут быть: явления, события, ситуации, действия, процессы, поступки; человек, его лицо, части тела, внешние качества и внутренние свойства, его гендерные, соци-

альные, культурные, национальные роли; продукты ментальной и психической деятельности человека — сон, мысль, мечта, чувство; произведения речевой деятельности человека — слово, разговор и др.; результаты и орудия профессиональной и интеллектуальной деятельности человека — агрегат, пистолет, теория, цифры, книга, фильм; окружающий человека мир — природный, социальный, космос; артефакты, созданные природой, человеком, ландшафт и его части — пропасть, дорога, яма, камень, памятник; ирреальные сущности — ведьма, черт, демон, привидение; абстрактные категории — время, пространство, панорама, число [Представление 2020, 151—152).

Как видно из нашего обзора и комментариев, трактовка значения и употребления прилагательного *страшный* в работе М.Л. Ковшовой является примером многоуровневого, многоаспектного, основанного на обширном материале подхода к описанию фрагмента языковой картины эмоций.

Часть IV коллективной монографии «СОМАТИЧЕСКИЕ ИДИОМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ЭМОЦИИ: ЖЕСТЫ И СИМПТОМАТИЧЕСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ» [Представление 2020, 166—194] (автор П.С. Дронов) содержит исследование идиом с компонентами-соматизмами. Условная универсальность соматических реакций выражается в наличии параллельных, внешне похожих фразеологизмов в разных языках, однако интерпретация телесных проявлений чаще всего лингвоспецифична. Многие идиомы могут быть интуитивно понятны носителю одного языка, но малопонятны и загадочны для говорящего на другом языке. В данном разделе монографии рассматриваются форма, значение и особенности употребления идиом с компонентами *волосы*, *глаза*, *когти* в славянских (на материале русского и сербохорватского), германских (на материале английского и немецкого) и кельтских (на материале ирландского) языках. Материалом служат лексикографические источники и корпуса текстов.

У идиом с компонентом *волосы* эмоции концептуализируются в метафорах, отражающих движение волос под действием отрицательных эмоций (*волосы дыбом*, *волосы зашевелились от ужаса*, *his hair stood on end* и т.п.). В частности, автор пишет [Представ-

ление 2020, 168]: «Семантические роли вышеперечисленных идиом способствуют конверсии и каузации: экспериенцер одновременно может восприниматься как пациенс, которого агенс «заставляет» испытывать те или иные отрицательные эмоции. Конверсивные преобразования, как правило, являются аналитическими: *заставить волосы встать дыбом*, to make one's hair stand on end, jmdm. die Haare zu Berge stehen lassen». Мы бы предложили здесь следующее уточнение.

В каузативной конструк*ции волосы* не являются экспериенцером/пациенсом. Экспериенцер — это человек. Компонент *волосы* является фокусным, главным для идиом, с ним связана гиперроль актора [Кибрик 2005, 146], объединяющая пациенс переходного глагола и единственный актант непереходного. Что касается экспериенцера, то он принимает семантическую роль посессора волос и оформляется по синтаксическим правилам соответствующего языка, в русском *мои волосы*/*у меня волосы стали дыбом*/*зашевелились*.

В работе П.С. Дронова представляется ценным различение жеста и симптоматического движения. Различие между ними состоит в большей контролируемости, осознанности в случае жеста и спонтанности, автоматизме в случае симптоматического движения. Так, глаза могут *вылезти из орбит* (это движение, не жест) при физическом напряжении, страдании, страхе и удивлении [Представление 2020, 175] непроизвольным образом и независимо от воли человека.

В целом, исследование П.С. Дронова служит подробным и содержательным подтверждением особенностей метафор в языке эмоций. Жесты и симптоматические движения служат средством экстериоризации внутреннего мира, эмоций и вообще психики человека, которые исходно не воспринимаются извне. Сам выбор соматизмов показывает, что части тела как будто отделяются от своего хозяина, живут своей жизнью: волосы встают дыбом или шевелятся, некто показывает или выпускает когти, глаза вылезают из орбит. Возможно, такие метафоры отражают представление о том, что материализованную эмоцию легче распознать и, если нужно, преодолеть.

Внутренний мир человека трактуется по аналогии с материальным миром, поэтому часто лексика эмоций воспроизводит физическую лексику в метафорическом смысле. Данную особенность П.С. Дронов анализирует в гл. 4, где речь идёт о метафорах *греть*/*вымотать*/*отвести душу*, *плюнуть в душу*, *портить кровь*, *выйти из себя*, *сидеть в печёнках* и подобных.

Часть V [Представление 2020, 195—212], автор О.С. Орлова, «ЭВФЕМИЗАЦИЯ КАК РЕЧЕВАЯ СТРАТЕГИЯ СДЕРЖИВАНИЯ ЭМОЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ЭВФЕМИЗМОВ НА ТЕМЫ СМЕРТИ И РОЖДЕНИЯ)». В этой части коллективной монографии автор исследует природу, сферу употребления, типичные темы, мотивы, причины и следствия употребления эвфемизмов. Эвфемизмы представляют собой слова и выражения, которые можно охарактеризовать как разновидность косвенной номинации. Они способны смягчать высказывание, маскируя социально чувствительные для данной культуры темы. О.С. Орлова приводит список таких тем [Представление 2020, 198—199]: «…тема здоровья, беременности и рождения, смерти и похорон, вопросы, касающиеся взаимоотношений между людьми, интимных отношений и брака, анатомии и физиологии человека, внешности, характера, возраста, умственных способностей и уровня образования, (не)профессионализма, благосостояния, … темы религии, идеологии, политики, войн и международных конфликтов, экологической обстановки, половой, расовой и национально-культурной принадлежности, вопросы, связанные со сферой бизнеса, экономики и финансов, а также с законодательной и правовой сферой».

Благодаря употреблению эвфемизмов, как убедительно показывает автор, происходит замена прямой номинации табуированного или полутабуированного в данной культуре объекта его завуалированной, размытой номинацией. В результате отрицательные ассоциации, оценочность, вызывающая сильные чувства, нивелируются. Такая коммуникативная тактика нейтрализует силу реакции адресата и сдерживает отрицательные эмоции.

О.С. Орлова, в частности, приводит лексико-семантическую классификацию эвфемизмов на тему смерти [Представление 2020, 202]. Это косвенные наименования самого факта смерти, её причин, насильственной смерти, глаголов со значением смерти и умирания, убийства и самоубийства, убийцы, умирающего и умершего, гроба и могилы и т.д. С точки зрения языковой техники в основе большинства любых эвфемизмов лежит метафора, когнитивная или образная. Автор также в деталях рассматривает приёмы эвфемизации темы рождения и болезненную тему смерти ребёнка в утробе матери. Автор приходит к выводу, что эвфемизмы как коммуникативная практика освобождают общение от сильных негативных эмоций, что очевидным образом способствует успешности самой коммуникации. Исследование основано на материале русского и английского языков.

В качестве небольшого замечания укажем на желательность предметного указателя, указателя лексем и идиом по языкам, что могло бы очевидным образом упростить навигацию по книге. Наша рецензия частично содержит такую информацию, но её явно недостаточно. В заключение подчеркнём, что рецензируемая коллективная монография представляет собой исследование высокого уровня, охватывающее несколько областей лексической семантики языковой картины эмоций — семантические переходы и семантическую деривацию в синхронии и диахронии, концептуальную метафору, концептуальную схему лексем, варьирование плана содержания в зависимости от контекста, выдвижение на первый план того или иного компонента смысла, экстериоризацию психических процессов, языковую технику регулирования эмоций под влиянием культурного кода.

Литература

Жолковский А.К. Мемуарные виньетки и другие non-fictions. СПб.: Журнал «Звезда», 2000.

Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2005.

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Представление эмоциональной сферы человека на материале разных языков. Иоанесян Е.Р., Рябцева Н.К., Ковшова М.Л., Дронов П.С., Орлова О.С. М.: Институт языкознания, 2020.

Book Review. E.R. Ioanesyan, N.K. Ryabtseva, M.L. Kovshova, P.S. Dronov, O.S. Orlova. Predstavlenie emotsional'noy sfery cheloveka na materiale raznykh yazykov ('Human emotions domain as exemplified in a variety of languages'). Moscow: Institute of linguistics, 2020. 244 p.

O.A. Gulyga (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Содержание

In memoriam:

К.Г. Красухин (Институт языкознания РАН). Александр Николаевич Барулин (1944—2021)…….. 4

Проблемы описания языка

Абакумова О.Б. (Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева). Концептуальная метафора, эмоции и оценки, эталоны и стереотипы в русских и английских пословицах о правде и лжи……. 7

А.Н. Барулин (Институт языкознания РАН). К семиотико-лингвистическому анализу рассказа Л.Н. Толстого «Прыжок»…… 51

Н.В. Васильева (Институт языкознания РАН). Ономастические матрицы в романе Е. Водолазкина «Оправдание Острова»…….. 101

П.С. Дронов (Институт языкознания РАН). A few bad apples: употребление одной пословицы и производной от нее идиомы в американском варианте английского языка……. 114

В.А. Кожемякина (Институт языкознания РАН). Этнолингвистическая ситуация и языковая политика Гаити……. 124

Обзоры. Рецензии

О.А. Гулыга (Институт языкознания РАН). Рецензия на коллективную монографию Иоанесян Е.Р., Рябцева Н.К., Ковшова М.Л., Дронов П.С., Орлова О.С. Представление эмоциональной сферы человека на материале разных языков. М., 2020. 244 с. ……... 152

Об авторах

Абакумова Ольга Борисовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева; e-mail: abakumova-ob@mail.ru.

Барулин Александр Николаевич, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора компаративистики Института языкознания РАН.

Васильева Наталия Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора прикладного языкознания Института языкознания РАН; e-mail: vasileva-natalia@iling-ran.ru.

Гулыга Ольга Арсеньевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора романских языков Института языкознания РАН; e-mail: ogulyga@yandex.ru.

Дронов Павел Сергеевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра теории и практики коммуникации им. Ю.С. Степанова Института языкознания РАН; e-mail: dronov@iling-ran.ru.

Кожемякина Валентина Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям (НИЦ НЯО) Института языкознания РАН; e-mail: kojemiakina@gmail.com.

Красухин Константин Геннадьевич, доктор филологических наук, заведующий сектором компаративистики Института языкознания РАН; e-mail: krasukhin@iling-ran.ru.